

СМЕНА 4

Февраль'88

Что нового на БАМе? Фotoочек

Учитель, именем твоим...

Кто понесет солдатский вещмешок?

После концерта рок-кумиров

Жизнь за бутылку водки. Очерк нравов

ЗАЧЕМ И КОМУ ЭТО БЫЛО НУЖНО?

На пресс-конференции, состоявшейся за несколько дней до начала выборов начальника штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе, один из журналистов едко спросил: «Не блеф ли вся эта кампания? Не заварит ли комсомол еще одну кашу, чтобы потом, как и прежде, уйти от всех проблем. Не окажется ли конкурс очередным комсомольским шоу?» Увы, приходится признать, что основания для подобного скептицизма есть и немалые.

В последние годы с БАМом связаны не только победы. Позади «золотая» стыковка — звездный час целого десятилетия. Кончился праздник — пошли будни. Поэтическая идея первоходства, первостроительства, покорения в эту будничность уже не укладывалась, а другой идеи, способной поддержать костер, не обнаруживалось.

По комсомольским путевкам в строительные организации Главбамстроя было направлено за несколько лет более 50 тысяч юношей и девушек. Они стали ядром многих трудовых коллективов БАМа. Но валовой подход привел и к негативным последствиям. По сути, комитеты комсомола превратились в своеобразные отделы кадров. Главным показателем их деятельности стало количество направляемых добровольцев. Вопросы воспитания молодежи ушли на второй план. Действовал так называемый остаточный принцип решения социальных проблем. ХХ съезд ВЛКСМ выработал концепцию перестройки деятельности комсомола на ударных стройках. Но без проверки ее в конкретных условиях она оставалась лишь концепцией.

Идея конкурса и выборов начальника штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе родилась в ЦК ВЛКСМ давно. Уже прошли выборы директора завода на РАФе, начальника Всесоюзного пионерского лагеря Артек. Газеты писали об этих событиях взахлеб — вот она, перестройка, в действии. И когда в «Комсомольской правде» появилась первая заметка о бамовском конкурсе, в ЦК ВЛКСМ пришло более тысячи писем с вариантами решения всех проблем БАМа. Но многие читатели, как и тот журналист, сомневались, по силам ли это дело комсомолу? Знаем, дескать, мы эти штабы. Единственно, что они могут — это поставлять рабочую силу, да и то неквалифицированную. Ведь у штаба и стату-

Сергей БАБКИН,
зав. сектором ударных
комсомольских
строек ЦК ВЛКСМ
Фото Альберта ЛЕХМУСА

са приличного нет. Как он заставит работать министерства? Такие вопросы задавали себе и мы. Конечно, выборы проводились не только для того, чтобы выбрать талантливого руководителя, который все умеет, все знает. Нет, выборы преследовали и другую цель: узнать мнение самих бамовцев, нужен ли штаб, верят ли они в него?

Если все поступившие письма разделить на несколько групп, то можно выделить и полярные позиции. «Радикалисты», например, предлагали действовать через ЦК КПСС, Совет Министров СССР. «Хозяйственники» считали, что необходимо смелее внедрять экономические методы: хозрасчет, бригадный подряд. Штаб, по их мнению, должен забрать у хозяйственников фонды, ресурсы. К третьей группе можно отнести «романтиков» — они предлагали с помощью прессы все болевые точки стройки сделать достоянием гласности, и тогда «все само собой решится». «Реалисты» надеялись подняться на решение всех проблем коллектив и в первую очередь молодежь.

Тысяча позиций, мнений, предложений, суждений. Чисто теоретически разобраться в этой разноголосице вряд ли было возможно. Требовалась открытая дискуссия, спор, если хотите, борьба. Только так можно определить, чья точка зрения правильна.

КТО И ВО ЧТО ИГРАЕТ?

Разумно ли сегодня взрослым людям, которые решают большие государственные задачи, ехать за тысячи километров в Тынду, чтобы... поиграть? Да и непонятно, кто и во что играет? Не впадаем ли мы в детство?

Организационно-деятельностная игра, сокращенно ОДИ, — это игровая форма выработки колективного решения. За счет своей условности, структурной неопределенности игра позволяет участникам принимать любые решения, в том числе, с их точки зрения, невыполнимые, бессмыслицкие. Таким образом, создается ситуация, необходимая для свободного поиска. Поэтому вопрос об организации выборов начальника штаба был прежде всего вопросом формирования у всех участников игры особого отношения к процессам, характерным для БАМа. Только начав размышлять о перспективах и стратегии развития БАМа, каждый житель становится заинтересованным избирателем. Только тогда ему уже не все равно, какого начальника штаба выберут. И здесь коренной вопрос — вопрос

о знаниях, необходимых для реального анализа ситуации. Открытость и доступность этих знаний — ключ к демократизации. До тех пор, пока все вопросы управления будут решаться за закрытыми дверями, пока знания будут недоступными для подавляющей части трудовых коллективов — до тех пор не будет ни подлинной демократизации, ни подлинных выборов.

Именно поэтому задачей организаторов конкурса на БАМе с самого начала было создание особых искусственных условий, в которых кандидаты, члены трудовых коллективов, руководители хозяйственных организаций могли бы публично и гласно обсуждать проблемы стройки и региона, обсуждать как равноправные участники общего дела демократизации управления. Здесь в какой-то степени уместна ассоциация с футболом. Есть команда, правила игры, судьи, зрители, но окончательного счета до конца игры не знает никто. Кто победит, кто проиграет? В ОДИ тоже свои правила. На первый взгляд они достаточно просты. Но это только на первый взгляд.

Правило первое. Не превратить игру в коммунальный конфликт. Перевести конфликты в содержательную плоскость, тем самым найти и выделить причины, их порождающие. Одним словом, не допускать бытовой драки.

Правило второе. Снять все погони с игроков. Каждый должен отвечать за себя. Иметь свою личную позицию. И это, наверное, самое трудное. Мы привыкли связывать свое «я» с той организацией, интересы которой мы представляем и защищаем. На каждом из нас свой мундир. И мы уверены, что дело, которое мы делаем, и есть самое главное.

И последнее правило. Разговор должен идти искренне, на грани откровенности. Нужна полная гласность. А это, по себе знаю, ох, как не просто — отвечать на прямо поставленные вопросы. Здесь видно, кто есть кто, за общие рассуждения, как за забор, не спрячешься. Гласность — это еще и больно.

Как в любой игре, в ОДИ есть свои игроки. Но на спортсменов они мало похожи. В Тынду приехали представители министерств, ведомств, учеными, комсомольские работники. Правда, когда они брали командировочные удостоверения, то не представляли себе, что станут игроками.

Роль судей взяли на себя методологи, игрохимики. Ведь только они знали правила этой непростой игры. Органи-

затор игры С. Попов всю эту разнородную команду держал, как дирижер оркестра. И, что удивительно, оркестр замягдал.

РАЗРУШЕНИЕ МИФОВ

В жизни реальные представления о каком-то предмете нередко соседствуют с ложными или даже мифами. Причем мы сами и порождаем эти ложные представления. Особенно склонны к мифотворчеству ведомственное мышление.

Миф первый касается существующих в разных ведомствах представлений о БАМе.

БАМ — уникальная стройка, стройка века — с этим согласны все. Но вот на вопрос, зачем мы строим БАМ, ответы можно услышать разные, и все они выражают лишь частную точку зрения. Министерства все заслуги строительства и освоения присваивают только себе. У министерств своя задача. Чем больше строить, добывать, тем лучше. Поэтому растут, как грибы, многочисленные организации, призывают новые отряды добровольцев... И порождаются новые социальные проблемы: нехватка жилья, школ, больниц, объектов культуры. Социальные проблемы, в свою очередь, порождают экономические: срываются планы, снижается качество, растет текучесть кадров, удлиняются сроки строительства.

Советские органы считают, что это они осваивают регион, так как пытаются через министерства и ведомства за платить дыры возникающих социальных проблем.

Трудовые коллективы в зоне БАМа в большинстве своем не сформированы, и понимания собственных интересов у них попросту нет. Их интересы сводятся к высоким заработкам, возможности купить машину, заработать деньги на кооператив. Поэтому они, если возвращаться к нашей основной теме, ни в какой долговременной, реальной работе штаба ударной комсомольской стройки не заинтересованы.

К сегодняшнему дню в зоне БАМа сложилась очень сложная, по многим параметрам критическая ситуация. В прессе и официальных отчетах внимание обращается в основном на трудности строительства магистрали и нехватку жилья. В то же время совершенно скрытыми остаются проблемы освоения зоны БАМа — создание экономических, социальных и культурных предпосылок, необходимых для того,

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ

**Идет выработка предвыборной платформы.
Дебаты с представителями министерств.
Декларация была встречена неоднозначно.**

ПРЕВЫШЕ?

чтобы не только магистраль исправно выполняла свои функции, но и планомерно формировался новый регион.

Миф второй касается защиты интересов БАМа.

В ходе игры ее участники утвердились в выводе, что министерства, Госплан государственные интересы на БАМе не отстаивают и не защищают. Они защищают лишь свои ведомственные интересы.

Интересы советских и комсомольских органов расходятся как с интересами трудовых коллективов, так и министерств. Интересы науки не совпадают с интересами региона. Наука здесь тоже стала ведомственной.

В один из моментов игры, когда речь зашла о программе освоения зоны БАМа, представители министерств отказались обсуждать ее гласно. Мотивировали они свой отказ тем, что, мол, документ уже принят, подписан директивными органами. И все происходящее на БАМе — в рамках этой программы. Но, понимая, что от обсуждения

никуда не уйти, защитники министерских интересов стали доказывать, что программа хорошая и правильная. Эта позиция вызвала бурю негодования, так как в трудовых коллективах документ этот не обсуждался и он, по их мнению, не учитывает истинного положения дел.

Объективности ради скажу, что обсудить такую программу в трудовых коллективах вообще-то дело нереальное. Она составлена по старым канонам: есть цифры, объемы, определены сроки, ресурсы, но нет человека, конкретных трудовых коллективов. И уж если где-то в программе человек и появляется, то усредненный, среднестатистический. Это как в анекдоте про больницу, где средняя температура по всем отделениям составляет 36,6 градуса.

А дальше «игроки» выяснили для себя очень любопытные моменты. Например, как и каким образом министерство, ведомство и предприятие играют между собой в свою игру, наращивая непрерывно аппарат управления, ины-

ми словами, социальный и экономический механизм бюрократии. Выяснилось, что принятая программа финансово не обеспечена. Уже заранее известно, что выделенных сумм на ее реализацию не хватит. Отсюда вытекает ложность отношений Госплана, министерств и предприятий. Неразбериха, беспорядок растут. И каждый раз для решения этих разрастающихся проблем принимаются все новые решения, предпринимаются героические усилия.

В ходе игры рабочие в АЯМе с цифрами в руках показали, что на их стройке в точности повторяются ошибки БАМа. И хотя ответственные представители министерств присутствовали в зале, выяснилось, что изменить ситуацию силами министерств невозможно. Очевидно, в рамках существующей системы взаимоотношений министерств такого рода проблемы просто неразрешимы.

Миф третий касается ложного понимания политики освоения.

Когда мы говорим об освоении территории, то подразумеваем, что где-то должны появиться предприятия, а для их возведения должны прибыть строители. Понятие «освоение» у нас ассоциируется с понятием «стройка». И так было всегда. Осваивали Дальний Восток — возводили город Комсомольск-на-Амуре; осваивали целину — опять строили города и поселки. А на вопрос, смогли ли мы создать условия для полноценной жизни, вряд ли кто ответит однозначно.

Существующая практика заключения срочных трудовых договоров в какой-то мере пригодна для строительства промышленных объектов, но противоречит в принципе задачам заселения и делает крайне затруднительным формирование постоянного населения. Последнему препятствует также полное отсутствие перспектив работы — не только в сфере строительства и добывающей промышленности, но и в сферах обслуживания, образования, науки, здравоохранения, культуры и т. п.

Сегодня БАМу необходима продуманная демографическая политика, поскольку организованный набор рабочих и общественный призыв молодежи в нынешнем их виде не могут обеспечить формирования постоянного населения. Отсутствие такой политики может привести к превращению зоны БАМа в экономическую «черную дыру». Средств будет вкладываться все больше, а отдача будет все меньше, будет продолжаться разворачивание людей, консервация крайне низкого уровня производительности труда, уничтожение природной среды, крайне неэффективное использование ресурсов и материалов. Хозяйственные программы освоения по мере их усложнения будут срываться из-за низкого уровня трудовой и жизнестроительной культуры населения, незаинтересованности людей.

К негативным факторам добавляется крайне неудачное размещение городов и поселков, когда-то продиктован-

«Голосуем за штаб!»
«А что предлагаете вы?»

ное лишь целями строительства дороги. В результате большинство поселков непригодно для жизни не только из-за отсутствия трудовых и жизненных перспектив, но и по санитарно-гигиеническим, экологическим и климатическим условиям. Хотя в зоне БАМа достаточно комфортных мест для размещения поселков и будущих городов.

К сожалению, и комсомол тоже жил мифами о БАМе. Решая чисто экономическую задачу — мобилизую молодежь на ударный труд, привлекая дополнительную рабочую силу, — мы забывали об общественно-политическом смысле нашей организации. Прямо надо сказать, что практика тотального ударного строительства завела нас в тупик. Но выход из него был подсказан трудовыми коллективами, жителями БАМа. Решение об объявлении стройки Всесоюзной ударной должно рассматриваться в первую очередь как решение политическое, так как оно затрагивает интересы десятков и сотен тысяч юношей и девушек. Главная задача сегодня и завтра — формирование коллектива, объединенного целью и программой действия. Если коллектив создан, он способен решить задачу любой сложности.

...Когда все названные мифы были вскрыты, стало возможным говорить о выработке позитивных программ. Аксиома: демократизация возможна только в том случае, если гласно подвергнуты критическому анализу все существующие структуры, сложившиеся традиции и схемы.

ПРЕТЕНДЕНТЫ

Из 1057 заявлений, поступивших в ЦК ВЛКСМ от желающих принять участие в конкурсе, комиссией было отобрано всего 28. Именно их авторы приняли на себя основную нагрузку конкурса, коллективно выработали свою программу. Первые дни они были как бы в тени. Смотрели, анализировали, впитывали в себя. Но настал день, когда уже оценивали их, когда они попали под критический обстрел. И каждая группа участников игры примеряла их к себе. Устраивает ли претендент министерство, Главбамстрой, ЦК ВЛКСМ, жителей БАМа? Есть у него своя программа? Не все выдержали этот обстрел. Кто-то сложил полномочия, кто-то тихо отсиделся за спинами товарищей, понимая, что воз ему не плечу.

И это только усилило борьбу. В конце концов осталось лишь шестеро претендентов. Это 36-летний инженер-физик и инженер-экономист, исполняющий обязанности секретаря парткома треста «Ленбамстрой» Юрий Ермак, 39-летний доцент Пензенского инженерно-строительного института, кандидат физико-математических наук Павел Зайдфудим, 26-летний инженер из Душанбе, оператор участка непрерывного литья завода «Таджикгидроагрегат» Андрей Кокуркин, 38-летний журналист, ответственный секретарь кабардино-балкарской республиканской газеты «Советская

молодежь» Владимир Новиков, 27-летний секретарь Северобайкальского горкома комсомола Сергей Писарев, 30-летний старший инженер производственного отдела бамовского треста «Мостострой-10» Георгий Шахназарян. Именно они поняли, что выбрать кого-то одного под существующую структуру задача просто нереальная. Новый человек, какой бы он ни был, попав в старую структуру управления, через год сам будет старым. Победить здесь может только коллектив единомышленников, объединенный одной идеей.

Многие считали, что штабу надо дать особый статус, который гарантировал бы чуть ли не автоматическое решение всех вопросов. Кто-то из претендентов рисовал проекты, давал обещания, что закидает Тынду обувью фирмы «Масис» или с помощью МЖК решит проблему жилья.

Когда стало очевидно, что ни один из претендентов не в состоянии удовлетворить интересы всех групп, конкурс надо было закрывать или искать совершенно другой путь. И путь был найден. Правда, для этого потребовалась целая ночь споров. Утром следующего дня появился манифест:

«Мы, участники Всесоюзного конкурса на замещение должности начальника штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе, в ходе организационно-деятельностной игры приняли на себя ответственность за дальнейшее развертывание программы «БАМ и молодежь»...

В результате коллективного обсуждения участники конкурса пришли к следующим выводам:

Первое. Не определена четкая стратегия комплексного освоения зоны БАМа и формирования здесь полноценной среды жизнедеятельности человека.

Второе. БАМ не является единой целостной единицей в территориальном или социально-экономическом делении.

Третье. Принимавшиеся при строительстве дороги государственные решения не учитывали всей специфики стройки. Нет органа, который выражал бы интересы и общественное мнение населения.

Мы, участники конкурса, учитывая сложившуюся ситуацию, считаем своим гражданским долгом принять решение о прекращении конкурса и объявляем себя инициативным комитетом по проблемам зоны БАМа и именуем себя далее Штаб перестройки...»

После оглашения текста в зале произошел взрыв. «Манифест?! Кто позволил?»

Напуганы были и сами претенденты, назвав себя штабом перестройки. Не зашли ли далеко? Не подрыв ли основ? Не лучше ли сжечь? И манифест сожгли...

Конечно, оценивая сегодня содержание манифеста, видишь, что в нем много максималистского: все, или ничего.

Но одно бесспорно. Появился политический документ, в котором критически оценивалась ситуация, представлявшаяся собственная программа. Суть — в консолидации всех сил. Не ждать указаний сверху, а самим наводить порядок в собственном доме.

А после горячих дебатов, совещаний претенденты заявили: «Манифест — это игра».

Да, в Тынде проходила организационно-деятельностная игра. Но как определить, где игра, а где жизнь? Где та граница, переступая которую ты оказываешься или в реальности, или в игре?.. Дальше конкурс пошел по утвержденной программе. Вот только вера в претендентов была поколебле-

на. Первыми не поверили им трудовые коллективы.

Учитывая сложность ситуации, претендентам необходимо было сформировать новый независимый самостоятельный орган управления. Либо штаб попадает в чью-то систему власти и влияния, либо он становится самостоятельным. При опоре на Главбамстрой он вновь становится «карманным» комсомолом, но у штаба тогда появляется реальная опора, материальные и прочие блага. При опоре на территориальные органы штаба надо разделиться по областям.

В этой ситуации претендентам приходилось выступать практически против всех, поскольку они себя называли «штабом перестройки». А это означает, что со всеми нужно находить какие-то формы взаимоотношений. Поэтому у претендентов возникла идея, что в условиях многотерриториальной системы стать начальником штаба одному означает просто обречь себя на гибель. Потому что когда все играют против всех, конфликты неизбежны.

На глазах у всех происходило рождение новой, сплоченной группы — сформировалась шестерка.

Конкурс закончился, началась предвыборная кампания.

1 ноября 11 257 жителей БАМа пришли к избирательным урнам и отдали свои голоса. Отметим этот факт. Никто, подчеркиваю, никто не заставлял их идти на избирательные участки. Выбор делал каждый. Много это или мало — 11 тысяч? Количественно, конечно, мало. На БАМе живут сотни тысяч человек. Но качественно... 11 257 человек поверили штабу. На БАМе впервые сложилась парламентская структура. В каждой области разные претенденты имели разное количество голосов. Исключение из числа претендентов одного означало потерю конкретных голосов. А в сумме они имели более 11 тысяч.

3 ноября в Тынде в кафе «Арбат» состоялось совещание, на котором присутствовал Совет как коллективный орган БАМа и представители различных министерств и ведомств.

Совет как равноправный партнер обсуждал с руководителями министерств-договор, названный «Декларацией о принципах сотрудничества штаба ЦК ВЛКСМ с государственными, советскими, профсоюзовыми, общественными организациями в деле освоения зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали».

Подобного еще не было. Впервые комсомол ощущал себя здесь общественно-политическим органом, который объединил, казалось бы, разнородные организации, увязывал их задачи в единую целостную концепцию освоения.

Программа «БАМ и молодежь» стала приобретать реальное очертание.

Конечно, не все было так просто. Пока голос Совета был слаб, он еще дрожал. Конечно, авторитеты министерств доверили. Но первый диалог получился.

Итак, что же произошло в Тынде?

В моей комсомольской практике было много различных совещаний, мероприятий, конференций, которые приходились организовывать. Но только здесь я отчетливо понял свою роль

профессионального комсомольского работника. Для меня игра тоже стала оселком, на котором проявляются все человеческие качества. Когда есть четкий сценарий, написанный текст, подготовленное решение, думать не надо. За тебя все решили. А когда указаний нет? Когда лично тебе надо принимать решение, быть не просто функционером, представителем ЦК ВЛКСМ, а политическим работником?..

Мы привыкли к лозунгам, привыкли, что только твое решение единственное и правильное, потому что ты из центра и у тебя власть. А в условиях перестройки это не проходит. Нужна четкая личная позиция. Если ты смог убедить, доказать, то за тебя пойдут. Именно здесь и начинается комсомольская, политическая работа. А она возможна только тогда, когда есть разные мнения, разные группы. Единобразие в мнениях приводит к застою.

Созданный Совет штаба ЦК ВЛКСМ, по-моему, является тем новым общественно-политическим органом, с которым надо нам научиться работать. Совет выбран бамовцами — значит полностью им подотнесен. Теперь он должен доказывать, причем не ЦК ВЛКСМ, не министерствам, а жителям, трудовым коллективам, что он нужен.

Уверен, что перестройка будет невозможна рождать новые формы комсомольской работы. Сегодня у многих комсомольских работников появление различных «неформальных» групп, движений вызывает растерянность. Создается мнение, что «неформалы» будут конкурировать, возникнет альтернатива комсомолу. Думаю, такая точка зрения ошибочна.

В формуле перестройки две составляющие: последовательное проведение демократизации, гласности коренных преобразований в социальных отношениях и коренное изменение экономических методов хозяйствования. Одним словом, максимальное внимание к человеку, развитие инициативы и самоактивности масс. Все это возможно за счет формирования различных общественных организаций, молодежных движений. И практика убедительно свидетельствует, что их стало появляться в последнее время все больше. Это и любительские объединения, движение МЖК, молодежные кооперативы, внедренческие фирмы, фонды социальных изобретений, рассчитанные на интересы различных групп молодежи. Комсомол как помощник партии в деле демократизации должен научиться работать с этими организациями на основе сотрудничества и взаимопомощи. Стимулировать их возникновение и развитие, оказывать им финансовую помощь.

А освоению нужен совершенно новый масштаб измерения, уровень прогнозирования, рассчитанный на сто, двести, даже четыреста лет вперед. Кстати, а можно ли построить программу на такой период? Можно ли сегодня заглянуть в будущее? Не фантастика ли это?

Но ведь мы знаем, что многие, казались бы, фантастические программы были осуществлены.

Одним словом, проекты нужны. А главный проект — каким будет человек 2088 года? Однозначного ответа нет — нужен поиск...

Пишу письмо в редакцию впервые в жизни по поручению бригады электриков стальзавода. В стране происходят перемены во всех сферах нашей жизни. Большое внимание уделяется гласности. Бригада, в общем, у нас дружная, работающая, с производственным заданием справляется успешно. А в последнее время разбилась на два лагеря в прямом смысле слова. Даже отношения сложились между нами соответствующие. Дебаты самые что ни на есть... чуть не до драки. У нас возник спор о политике руководителей страны в период с 24-го года по 53-й. Несмотря на слабые проблески в прессе, для нас этот период — «белое пятно». Мой восьмилетний сын как-то спросил меня: «Папа, а ведь раньше в Мавзолее с Лениным еще Сталин лежал?» Что я мог ему на это ответить? Что Сталин возомнил себя «императором всяческих Руси»? Но имею ли я на это право, когда сам ничего не знаю? Ведь рядом были ЦК, соратники Ленина. Или — везде упоминают Платонова, Булгакова, Пастернака, Ахматову. А где их произведения? Правильно ведь говорят, что без прошлого нет будущего. Не зная правды, истории своего народа, и жить-то трудно. Говорят, что когда-то, в «древности», печатали «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, «Хранить вечно» Козлова. Никто из нашей бригады в руках эти книги не держал. Пусть Солженицын враг, он и чисто по-человечески неприятен, но мы бы сами разобрались, где правда. Спор в бригаде разгорелся не на шутку. Одни кричат: «Сталина бы сейчас на вас!» — по любому поводу. Про дешевизну товаров говорят, о победе в войне, восстановлении разрушенного хозяйства благодаря только личным за-слугам Сталина. Другие кричат: «Это сказочка про доброго руководителя, а миллионы пропавших для страны людей, невинных, миллионы сирот, миллионы погибших в войне на совести Сталина!» Первые снова: «Он не знал, что происходило в стране, на местах, в глубинке, он только в верхах наводил «должный» порядок». И так далее...

Главный аргумент в нашем споре — крик. Очень и очень помогли бы документальные публикации о тех годах.

В. РОДИН,
г. Фролово Волгоградской обл.

Мне нравятся статьи о проблемах воспитания молодежи. Но для кого они пишутся — просто для читающих этот журнал подписчиков? Читают ли их воспитатели? Моему сыну восемнадцать, окончил 10 классов. В школе выделялись часы для приобретения трудовых навыков: в УПК учили на электромонтера. Логично, казалось, пригласить молодого человека в ремесленное училище по этому профилю. Но этого не произошло. По объявлению он сдает документы в училище, которое готовит специалистов по ремонту холодильных установок. Через некоторое время от комиссии приходит ответ, что группа не набрана, нужно забрать документы. Сын сдает документы в училище на газоэлектротехника. Опять был недобор учеников. Наконец, в октябре группы набрали полностью. Я старалась внушить сыну, чтобы, кроме училища, он ходил на курсы шоферов от военкомата. И польза большая, и занят полностью. Но это я так хотел. А в ремесленном училище через три месяца изменился график занятий, и сын уже не может посещать автошколу. Мастер в училище расстроенному сыну сказал: ходи учиться или в ремесленное, или в автошколу. Да и на практику.

Понятно, на что рассчитывал Сидоровский: Льва Никулина давно нет в живых, и вряд ли кому-нибудь придет в голову читать журнал четвертьвековой давности. Но здесь он ошибся:

тику от училища устраивали две недели. И никто ни в училище, ни в военкомате не задал себе вопрос: каких же мы учим специалистов, какую смену? А я, как отец, могу лишь возмущаться да писать письма, прося о помощи сыну и остальным ребятам, попавшим в такую ситуацию. Часто винят какую-то призрачную улицу, родителей, которые не смотрят за детьми. А что я, отец, могу изменить? Не пустить сына на улицу при такой массе свободного времени?

Конечно, можно посоветовать ходить на стадион, в кино и т. д. Но я о другом. Какие вырастут из них специалисты, труженики, рабочие после такой учебы? Придут они на производство, но не один год пройдет, пока они поймут, что такое настоящий труд, станут настоящими рабочими. Такие, на мой взгляд, негодные приемы подготовки молодых кадров недопустимы.

Иван МОРОЗ, Краматорск

✉

Дорогая редакция!!
Я внимательно прочитала в № 21 материал Льва Сидоровского «Воспитать в себе бойца» о маршале М. Н. Тухачевском. Он вызвал у меня полное недоумение. Объясню причину. В 1963 году журнал «Октябрь» в №№ 2, 3, 4, 5 опубликовал документальное повествование Льва Никулина «Маршал Тухачевский». Это была одна из первых подробных публикаций о жизни этого человека. И тут я открываю «Смену»... Достаточно привести лишь несколько примеров, чтобы понять: Л. Сидоровский целями абзацами переписывает чужую публикацию 25-летней давности. «Октябрь», 1963, № 5, стр. 143 (Лев Никулин):

«И все же он не чувствовал под собой твердой почвы. Умный, проницательный, Тухачевский слишком хорошо знал Сталина, чтобы поверить в его доброе отношение к себе. Он знал, как ревниво относится к чужой славе или даже просто к известности».

«Смена», 1987, № 21, стр. 14:

«...хотя давно уже не чувствовал под собой твердой опоры. Умный, проницательный, он слишком хорошо знал Сталина, чтобы поверить в его доброе отношение. Тухачевский знал, как ревниво относится Сталин к чужой славе или просто к известности».

«Октябрь», 1963, № 5, стр. 143:

«В 1930 году в Академии имени Фрунзе состоялась так называемая дискуссия по вопросам истории гражданской войны. Неудача под Варшавой вопреки логике приписывали только западному фронту и его командующему. Тухачевский написал письмо Сталину, протестуя против несправедливых обвинений. Ответа не последовало».

«Смена», 1987, № 21, стр. 14:

«...в 1930 году в Академии имени М. В. Фрунзе состоялась дискуссия по истории гражданской войны, в ходе которой неудача под Варшавой вопреки истине упорно приписывали только Западному фронту и его командующему. Протестуя против несправедливых обвинений, Михаил Николаевич написал Сталину, но ответа не дождался...»

По вполне понятным причинам мне больше не хочется продолжать сверку двух публикаций. Если подробно просмотреть оба текста, такие «совпадения» будут неизбежно повторяться... Стилистические и интонационные совпадения не вызывают никаких сомнений, совпадают и сюжетные ходы. Львиная доля цитат, приводимых Сидоровским, совпадает с цитатами Никулина, и стоят они практически в тех же самых местах.

Понятно, на что рассчитывал Сидоровский: Льва Никулина давно нет в живых, и вряд ли кому-нибудь придет в голову читать журнал четвертьвековой давности. Но здесь он ошибся:

о повести «Маршал Тухачевский» люди помнят. А я, в свою очередь, внимательно слежу за публикациями «Смены», которую считаю одним из самых интересных молодежных изданий. И повторять, меня очень расстроило, что журнал опубликовал на своих страницах материал, который не выдерживает никакой критики. Ни с профессиональной, ни с этической точки зрения.

С искренним уважением
Марина Ильинична ВИРТА

Редакция полностью согласна с критикой, содержащейся в письме М. Вирты, и приносит в связи с этим свои извинения читателям.

Недавно я узнал, что учрежден Советский детский фонд имени В. И. Ленина. Хотелось бы перечислять на счет этого фонда заработанные мною деньги. Но так как я нахожусь в местах лишения свободы, осуществить это трудно. Дело в том, что административные работники колонии не отправляют мои переводы. Они думают, что я преследую какую-то цель, а проще сказать, считают меня плутом. Но почему? Принять или не принять мои деньги — могут решить только учредители Детского фонда. Я обращаюсь к ним с просьбой: примите мой вклад и разрешите периодически высылать деньги на счет Советского детского фонда имени В. И. Ленина. Меня волнует судьба обездоленных детей, судьба сирот, которые воспитываются в детдомах и интернатах. Как известно, многие из них становятся неудачниками. Не знаю, сможет ли фонд охватить все аспекты этой проблемы, но учреждение Детского фонда — дело важное, нужное. Наш народ всегда отличался милосердием и состраданием. И я уверен, что найдутся в стране добрые и отзывчивые люди, которые откроют маленькие души и воспитают настоящих граждан.

В учреждении Советского детского фонда я вижу большую пользу и для взрослого населения нашей страны. Благодаря этому фонду многие люди найдут смысл в жизни, станут активней, ответственней... Хотелось бы подчеркнуть, что для человека важно почувствовать себя Человеком. Взять, к примеру, меня. Мне 33 года. С июня 1977 года я нахожусь в местах лишения свободы. Тяжело осознать ничтожность своего существования. Хочется быть нужным кому-то, приносить пользу людям. И стремление быть полезным для общества отнюдь не фантазия. Это свойственно человеку. Такое стремление лежит в основе человеческой сущности. Вот это я понял, осознал.

У меня есть, вполне обеспеченные родители... Есть образованные замужние сестры и избалованные племянники... Есть бабушки, тети, дяди... Возможно, у меня будет своя семья: жена, дети... Но как быть сейчас, как выразить на деле свое стремление помогать детдомовским детям?! Конечно, я не имею морального права помогать им духовно, но помочь материально считаю своим долгом. Нельзя смотреть на человека так, как посмотрели на меня административные работники колонии. Наоборот, было бы педагогично винить осужденным, что они способны и должны творить добро.

Владимир ЗЕБЗЕЕВ

Я живу в Ленинграде. Вот уже несколько лет мечтаю научиться индийскому классическому танцу. Но обратиться некуда! Совсем некуда! Я объездила множество домов культуры, но

ничего подходящего не нашла. Я была буквально ошарашена, когда, пришла в Дом культуры имени Горького, в клуб «Лотос», узнала, что за час занятий преподаватель берет 10 рублей. А с более способных по 7 рублей. И это за один час! Но не у всех ведь есть такие «бешеные» деньги! Я, например, не могу платить столько, так как еще учусь и моей заработной платы, полученной на практике, хватает лишь на помощь родителям.

Была во многих домах культуры, но везде мне говорили одно и то же: «Сейчас нигде не найдешь кружка, где бы учили бесплатно или хотя бы рублей по десять в месяц». Каждый старается «делать» деньги, как может. Преподаватели индийского классического танца предпочитают учить у себя на дому и драсти три шкуры. Но что же мне делать?! Как проявить свои способности? Ждать какого-нибудь конкурса? Но опыта самоучки недостаточно. Необходим преподаватель. Ведь это очень сложный вид искусства. И потом, сколько же можно ждать?! Ведь мне уже 18 лет!

Неужели для того, чтобы танцевать для людей, радовать их, необходимо иметь огромные деньги?

Лена А., Ленинград

Благодарим редакцию журнала за поддержку инвалидов и, опираясь на свой опыт, хотим прокомментировать некоторые места ответа заместителя начальника управления Госкомтруда СССР Ю. И. Скворцова на письмо Г. Гуськова «А время уходит» («Смена» № 22, 1987 г.).

Две года назад в Вильнюсе создан республиканский оздоровительный клуб инвалидов «Драугисте» («Дружба»). Он объединяет больше трехсот человек. Некоторые из инвалидов работают в обществе слепых, а другие сидят вовсе без дела. Те лыготы, о которых говорил тов. Скворцов, видимо, до нас не дошли.

Представитель Госкомтруда СССР утверждает, что создавать жилищно-производственные комплексы нецелесообразно. Мы очень хотим, чтобы он попробовал доехать до работы на инвалидной коляске: везде ступеньки, лесенки, пороги. Даже с тротуара инвалид не может съехать самостоятельно! А в комплексах инвалиды могли бы и жить, и работать. В таких комплексах легко решаются и вопросы обучения, переквалификации инвалидов, проведения культурно-массовых мероприятий.

Уже который раз слышим необоснованную теорию, будто проживание инвалидов в одном месте может иметь для них негативные последствия. Опыт жилых районов для инвалидов в Берлине и Дрездене, санатории для больных в нашей стране (Саки, Даугава), клубы инвалидов в разных республиках показывают обратное: инвалиды обмениваются опытом, мнениями, знаниями, они помогают друг другу. Разве лучше годами и десятилетиями сидеть в своей квартире, как в камере-одиночке?

Нам непонятно, почему в нашем самом гуманном обществе так долго нужно доказывать самой жизнью доказанное — необходимость создания Всесоюзного общества инвалидов, которое взяло бы на свои плечи проблемы семимиллионной армии несчастных людей. Сетовать, что у нас нет инициативы снизу, неправильно. Не без нашей помощи многие газеты и журналы пишут об этом. Так что слово за Госкомтрудом СССР, а все остальное будет решено на местах.

Зита ГУДОНАВИЧЕНЕ, секретарь республиканского оздоровительного клуба инвалидов «Драугисте», Вильнюс

Алексей ВЛАДИМИРОВ. Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ и Евгения СТЕЦКО

Коротким, емким и ясным этим словом определить можно событие, происходившее в один из последних дней минувшего года и тогда же ставшее достоянием скользких строк газетной хроники.

В полдень 24 декабря одновременно на шести автомобильных заводах страны — в Москве, Ельгаве, Львове, Горьком, Павлове-на-Оке, Ликине — состоялся торжественный акт передачи Советскому детскому фонду имени В. И. Ленина ста автобусов и грузовиков. Приобретенные Фондом из средств, поступивших на счет № 707, в тот же день автомобили безвозмездно были переданы им в сто адресов — детским домам, школам-интернатам для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, домам ребенка.

Вот, собственно, все, что касается события. И, возможно, в силу технических причин запоздать бы должна была журнальная эта информация, но временные рамки не ограничиваю смысла события, к которому обращаемся мы спустя два месяца.

Говорить, впрочем, что это гуманный в высшей степени акт, пожалуй, и не стоит за явной очевидностью. Трудно также присовокупить к грузовикам и автобусам лирические и столь привычные теме эпитеты, но, думается, не в них суть и без них не обеднеет дело, когда идет речь о детях, перед которыми каждый из нас в неоплатном долгу. Подумать следует о другом.

Для многих воспитанников детских домов и школ-интернатов, как и для Лены Дорониной и Лены Молчановой из Лобненского детдома Московской области (вы их видите в кабине ЗИЛа), день этот стал праздником.

Самый факт события дает нам наглядный пример перемен, происходящих в обществе. Дар этот не очередное мероприятие, подкрепленное всего лишь сопутствующими лозунгами и призывами, как недавно еще бывало, но следствие реального знания первых потребностей тех, кому он предназначен. Иначе не бурно объясняется, почему едва рожденная и, позволяя себе сказать, еще оперяющаяся организация начала работу на шелестом инструкций и бумажных обещаний, от которых, признаемся, порядком устали, а сумела сказать свое веское слово, сразу же обратившееся в дело. Объяснений здесь требует, пожалуй, только вопрос: почему именно транспортную проблему счел Детский фонд первой и сюда направил первое же свое действие?

Если коротко, то потому, что понято было главное: техника должна служить здесь не столько физическим, сколько духовным потребностям человека. Счет идет не на рубли и тонны металла — нужны здесь другие измерения.

В самом деле, что такое автобус или грузовой автомобиль для детского дома? Ответить можно: многое, а подумав, и добавить: более значительное, чем может показаться на первый взгляд. Давайте посмотрим на ваши реально.

Наследство прошлого — категория консервативная, так что не будем сбрасывать ее со счетов и во времена общественных перемен. Не знаем мы разве — а если не знаем, то и предположить нетрудно — что, имея даже и «мощных» шефов, и при добрых даже сочувственниках детского дома до сего дня буквально выбивать приходится и автобус, чтобы свозить детей в город на экскурсию, в музей, в театр, и грузовик — сено завезти в свое подсобное хозяйство. С нашим не износившимся еще умением создавать проблему и откладывать в перенесенной необходимости, ссылаясь на объективные, конечно, всякий раз причины, — это пока что в порядке вещей. И когда руководители Фонда утверждают, что собственный автомобиль детского дома не что иное, как окно в мир, средство, способное углубить информационный голод и недостаток общения с новыми людьми, соглашайтесь, арид ли есть в этом какое-то преувеличение или склонность к броской метафоре. Вот почему, думается, когда каждый детдомовец сможет сказать «наш автомобиль», за этими словами будет стоять и сознание того, что жизнь его стала духовно богаче и что, вопреки обстоятельствам, не обделен и он благами жизни, другим детям доступными. А это — дорогое сознание!

Сейчас, когда первая сотня автомобилей с надписью «Дар Советского детского фонда» колесит по дорогам страны, делая доброе дело и возвращаясь в свой собственный дом, не сомневаемся мы, конечно, что дар этот только начало. Но, думая так и надеясь на продолжение, поистине грехом было бы забыть, что зависит это прежде всего от каждого из нас. Наши с вами рубли, тряшки, пятерки, десятки — кому как сердце подскажет и душа шепнет, — они и только они, пусть и странно звучат это применительно к делу высокому, даты могут благо, руку к которому приложить каждому по силам. Всему миру и не такие в Отечестве нашем дела делались, и не зря истории живут в нем, не старясь, две поговорки с одним смыслом: «С бору по сосновке» и «С миру по нитке». Не зря.

ДАР

Элла ЧЕРЕПАХОВА

ТРУДНЫЕ УРОКИ

Фото Петра НОВИКОВА

КОНТИНГЕНТ

Что-то не слышала пока, чтобы кто-то, выбирая между МГИМО и ПТУ, сблизившись бесплатным питанием и казенной одеждой, решил в пользу профобора. В ПТУ попадают совсем не так...

Тем, кого беда бросила в интернаты и детские дома, утруждать себя размышлениями, скажем, об Институте международных отношений не приходится. Школьникам, сидящим в печенках педсовета и на «крючке» инспектора по делам несовершеннолетних, тоже легко. Чуть не с третьего класса они слышат: «Запограммирован на ПТУ»...

Контингент в училищах, таким образом, складывается не совсем стихийно...

ПОДМАСТЕРЬЕ ИЛИ УЧЕНИК?

Архангельское ПТУ № 29 из тех, которыми принято страшить школьников,— строительное.

Кое-как заслоненное от дороги деревьями угрюмоватое здание. Тугая дверь катапультой вбрасывает в сумеречный вестибюль. Повсюду неизгладимые следы тесноты и обшарпанности, вполне объяснимые: в доме, рассчитанном некогда на двести человек, обитает теперь почти шестьсот. Немыслимы децибелы электрического звонка пытаются «достать» околачивающихся у входа будущих крановщиков, плотников, экскаваторщиков, маляров... Покуривают, лихо сплевывая, хохлатые мальчики. Подкрашенные без излишней застенчивости девочки со взрослыми глазами, стриженные и одетые, как мальчики, стреляют у них дешевые сигареты. Истерические tremolo зонка бесполезно осыпаются на их закаленные «тяжелым металлом» ушные перепонки. И вот уже дежурный мастер с красной повязкой торопливо спускается по лестнице, на ходу делая строгое лицо. Мастера услышат. Мастер в училище — фигура. Крепкая рука. Кто, как не мастер, может поставить на «поток» выучку будущих асов, рабочих академиков? А стране асы нужны, как никогда. Страна слишком устала от халтурщиков и рукотяпов.

И все-таки положа руку на сердце: разве дома-уроды только оттого родятся, что строитель мастерком не владеет? Запчасти на автозаводах «выно-

сят» в силу некомпетентности? Негодные детали в новые станки засаживают исключительно по техническому невежеству?

В чем и суть: не просто крановщики, маляры или токари учатся в ПТУ, всего прежде — люди. Тут и задумается: видно, не только мастер ученику требуется. Учитель ему сегодня не меньше нужен. Духовный, как в старину говорили, наставник.

Заметили ли вы, что как-то незаметно ушло из обихода слово «учительская»? Таблички в школах и ПТУ сменили на помпезно-официальное «Преподавательская». Вроде как явился в класс «разночинец знаний», преподнес порцию информатики или полпорции литературы, и «гуд бай». детишки, сеанс окончен.

Смена вывески, конечно, не случайная. Преподаватель потеснил учителя в школе, учитель с облегчением уступил мастеру в ПТУ. Что уступил? Ученика.

Долгое время мы никак не увязывали перекошенные здания, обвешивание в магазинах, другие неприятности и беды, вплоть до взрыва в Чернобыле, с педагогическим кризисом.

И теперь еще как будто не всем ясно: «Будет учитель — будет и человек. Будет человек — будет и мастер».

Но где же он, Учитель? Какой он. Наставник? Жизнь показывает: трудно опознать Нового Учителя в молодом человеке странной наружности — с дерзкими лохмами и в клетчатых «бананах», в стильной куртке с карманами, оттопыренными кассетами. Здесь есть, как говорится, психологические трудности, «шок нового», по выражению социологов.

Тут нам время вернуться в Архангельск, на улицу Ломоносова, 293.

Более чем скромное училище № 29 не годится в родственники богатым «комплексам», начиненным современной техникой. И тем не менее именно сюда определил себя молодой учитель Андрей Юрьевич Жданов после окончания педагогического института, отказавшись от аспирантуры, от предложенной работы во Дворце пионеров и от должности в горкоме ВЛКСМ, членом которого он оставался почти все свои студенческие годы. Сделал выбор в пользу преподавания физики пэтэушникам. Решил: интересней находиться не скону от учительского дела, а в центре его.

Каждый день Жданов появляется в училище кричащим контрастом бесцветным стенам: яркий галстук, рубаш-

ка — картинка из «Бурды», модная стрижка «лесенкой», ну и, конечно, бесподобные «бананы», совершенно не стесняющие упругий, летящий шаг. Идет, как на именины.

Экстравагантно? Возможно. Но пресное благородство плохо вяжется с пыльной молодостью. А учитель Жданов молод. В своем первом студенчестве (он поступил в ВИАП — Всесоюзный институт авиационного приборостроения) ему приходилось подрабатывать, делая чертежи солидным диссертантам. Чертежной работы не всегда хватало. Закоренелый отличник, школьный медалист, взялся за репетиторство и ощутил, что занятия с «балбесами» ему намного интересней, чем лекции и семинары в ВИАПе. Пришлось признаться себе, что привлекала его в Ленинграде вовсе не наука, а прекрасный, огромный город. Мысль о том, что вряд ли он станет надеждой авиационного приборостроения, начала все чаще мучить совесть жизнерадостного виаповца. В это самое время у Андрея серьезно захвачала мать, и он вернулся в Архангельск. Поступил в пединститут — сразу на третий курс физического факультета.

В пединституте, как оказалось, тоже тоска. Такие были годы: все на постном «моралитэ», на долбежке, догмах. Собираясь у кого-то в общежитии вокруг чайника или кофейника, спорили о музыке, о жизни, о том, что «у нас» и что «у них», возвращаясь постоянно к «больному» для студентов АПИ: почему же все-таки не идет в педагогику «приличный мужик с идеей»? Где он растворяется, покидая вуз?

Два раза в неделю студент Жданов, элегантный, излучающий оптимизм и радость жизни, появлялся, приветствуемый всеми, на подмостках дискотеки в «Свече» (в переводе на официальный язык — Доме культуры работников просвещения). Вел «хит-парады», читал обзорные лекции по «хви-металлу» и «новой волне», принимал участие в диспутах о массовой культуре... Дома же зарывался в книги. В его библиотеке — труды Ферми, Эйнштейна, Дирака, экономические работы, фантастика, книги по философии и, конечно, педагогике.

Сразу после института Андрей был призван в армию. Но и там с истовоностью отличника и нерасторянным пылом инициативного студента готовился к «гражданке»: сочинял разработки будущих уроков, запечатывал их в большие конверты и отправлял на свой адрес в Архангельск снаком маме: «Беречь!». Тогда он воображал, что урок можно «придумать» в вакууме, не видя ребячих глаз...

Вернувшись из армии, распечатав свои роскошные «заготовки», Андрей Жданов уверенно вступил на учительское возвышение, с энтузиазмом продекламировал первое объяснение — и что ж? Ученические головы безучастно поклонились на столах. Отрешенные глаза, подернутые сонной пленкой... Приглушенная возня на «камчатке», внезапные всплески хриплого смеха... Жданов сводил брови, повышал голос, чувствуя себя унизительно оттого, что внимание приходится брать силой. Но когда появился, над классом загремели педагогические императивы: «Не болтать!», «Записывать!», «Немедленно за дверь!», «Молчать!». Растревя терпение, все чаще срывался на окрик. Что особенно? Так делали все учителя.

Позвольте, да о том ли Жданове речь? О том ли, который был представлен как Новый Учитель?

О том. Только он не явился новым. Он им становится, пройдя через мучительный, трудный опыт.

Итак, в начале пути учитель Жданов невольно вступил на тропу позиционной войны с учениками. Он ожесточался, двойным ожесточением отвечали и ученики. Он оставлял неуспевающих после уроков, и они мучились вместе. Будущие маляры (малярши) сдавали листочки с нерешенными задачами и приписками: «Не люблю я физику, а люблю я физику».

Задержанные для допросов каменщики на его вопросы вдруг угрюмо сообщали, что сила удара кирпича о голову может привести к тяжелому исходу...

«...ВСЕ РAVNO Я ЧЕЛОВЕК»

Жданов в панике бросился за советом в Преподавательскую. Там высушали его сочувственно: «Да, юноша, да... Никого они не уважают, болваны... Только мужской силе уступают. Между нами, коллегами... даже у Макаренко — помните? — если иногда, знаете ли, поучить физически... такой контингент — иначе нельзя... Вы понимаете? Ведь совсем обнаглели... У меня тоже случай был сегодня...» Это его ошеломило. Поднять руку на ученика? И, как пощечина, хлестнула мысль: «Но если быть последовательным...» Андрей вспомнил, что мальчик, на которого он пожаловался отцу, пришел на урок с синяком на щеке: не учитель ли «достал» его родительской рукой? И все-таки есть же разница, есть границы, которые нельзя перейти... Впрочем, не такие уж редкие в Преподавательской обсуждения «быть или не быть?» были однажды перенесены в прокуратуру, а затем в суд. Судили за мордобой тогдашнего директора училища.

Учитель Жданов провел на судебных заседаниях мучительные часы. Это был в его глазах не просто суд, это давала показательный урок педагогика, и он, не жалея себя, прояснял впечатления в дневнике:

«У входа в суд встретил учеников — свидетелей потерпевшего. Они ели чипреуху, я взял у них несколько ягод. Спросили:

— Ну, что там? Что директору будет?

— Его судят по статье... «до 10 лет».

— Вот и правильно. Нечего драться! Всех вас судить надо.

— Всех? За что же?

— А за то... Только издастесь над нами. За людей не считаете... Меня мастер била, вы про это знаете?

— Во-во! У нас ни защиты, ни прав нету!

Лицо злое, глаза сверкают, вид загнанный, взъерошенный, как у зверька в ловушке, готового на все. Мне стало вдруг так плохо, так гадко на душе. Не моя группа, но какая разница, они же мои ученики. У них защиты нету... Мы их за людей не считаем. Кто ж это «мы»? Почему и наедине с собой я пишу «мы», а не «я»? Потому что признать это стыдно и страшно. Как дальше быть? Им? Мне?»

Вечером, разбитый, взялся вяло листать попавшиеся под руку сочинения Н. К. Крупской и вдруг наткнулся: «В современной школе все направлено на то, чтобы разъединить учеников, а не сближать их. Все направлено к тому, чтобы отделить ученика от товарищей; ему запрещается что-либо спрашивать своего соседа, никакой общей работы, которая бы требовала объединенных совместных усилий. Каждый вынужден думать о себе, заботиться о своих личных успехах». Это ошаршило сознание. «Что я, не читал этого прежде? Сколько мы сдавали экзаменов, сколько в нас втиснули патетических проповедей апостолов педагогики, предварительно выхолощенных, проформленных. И где были мы, спокойно утолявшие голод крохами цитат, не искавшие настоящей пищи для мозгов? Опять «мы». Опять я пишу «мы»!..»

Он решил, что все понял, что теперь лед тронется. Работал, как вол. Перед началом занятий с первокурсниками не ленился вызубрить их имена, чтобы не обращаться по фамилиям. Он дал себе слово не орать, вообще не повышать голоса. Когда подходило его дежурство, он бежал в общежитие чуть не с шести утра, чтобы провести до уроков сеанс аэробики. Он искал хоть какую-нибудь щель в отделявшей его от учеников глухой стене. Он набрасывался на книги болгарского педагога Г. Данай-

лова и В. Сухомлинского. Добыл «опорные сигналы» Шаталова и проводил вечера, перегоняя научообразное занудство учебников в яркие, емкие объяснения-картинки. Он репетировал дома эти объяснения.

Жданов искал выхода из тупика в одиночестве. Старой Преподавательской он больше не доверял.

Как-то в сонной, полной отчуждения тишине учитель ощущал оживление. Головы поднялись, глаза зажглись интересом. Улыбаются удачно вставленной шутке. Ура! Смеются! Победа? Случайно обернувшись, учитель увидел поставленного им у доски ученика: тот спокойно сидел на его месте и курил, пуская дым через ноздри. Он не закричал, не затопал. Он ощущал внезапную опустошенность и детское желание убежать и заплакать. Явились и мысли под стать: «Зачем мучиться? Зачем пахать эту черствую, неблагодарную целину? Да и какая надежда, что на ней что-то вырастет? Есть же другие варианты, другая жизнь. И может быть, пока не поздно...»

Но однажды в этом мучительном состоянии поиска, по непреодолимой привычке хлестнувшему ученика начальственным: «А меня не интересует, что вы думаете. Надо делать, что вам говорят!» — он увидел метнувшиеся в глазах мальчишки обиду, ненависть и вызов: «А мне плевать на то, что ты сказал!» — и вдруг осекся. В голове пронеслось забытое, из детства, из родного двора: «Обзываи меня хоть век — все равно я человек!»

После уроков он попросил задержаться группы ребят. Отобрал самых влиятельных, «ядро» группы. «Ядро» норовило «пульнуть» за дверь, задерживаться не хотело: «А что мы сделали?» «Может, вам провести дискотеку в общежитии, ребята? Как ваше мнение?» Но «ядро» молчало. «Ваше мнение, Саша?» «Может, и надо. Вам видней...» «Ваше мнение, Андрюша?» «А у меня нет мнения». «Ваше мнение, Илюша?» «Ну, можете провести... Ребята, наверно, придут, все равно в общежитии от скучки дохнут». «Но лучше, ребята, чтобы дискотеку провели вы сами. У вас же есть, наверное, какие-то пожелания, идеи?» «Да на кой вам наши идеи? Всегда мероприятия проводят учителя».

Он распределил обязанности: одни отвечали за стулья, другие — за аппаратуру, трети — за порядок, четвертые — за афиши. Дал три дня на то, чтобы «тряхнули мозгами». Через три дня явился только один со смятым листом бумаги в руке — проектом афиши. Читая не очень грамотный, но задорный, с грубоватым юмором текст, Жданов от души радовался вслух: «Здорово закроено! Только надо писать не «мераж», а «мираж». Годится!»

Мальчишка удивился: «Надо же! Я ведь со скучки... Я думал, вы нас на понт берете». Но больше никто так и не пришел. Все привычно и без особых надежд ждали «мероприятия». Он легонечко подталкивал: как думаете, стулья где лучше поставить? Кто будет встречать у входа в зал? Решайте! С какой музыкой лучше начинать? Составляйте «хит-парад». Зашевелились. Снатогой от непривычки, стесняясь друг друга...

— И все-таки что-то сдвинулось именно после этой дискотеки. Кончив отплясывать — учитель веселился наравне со всеми, показывал, к общему восторгу, самые современные коленца и па, — ребята, как-то стихийно собравшись, пошли его провожать. Тихая ночь зажгла свои небесные фонари. «Ух! Звезда! Смотрите, как включенная фара у КамАЗа, — сказал кто-то из мальчишек, дернув его за рукав. Учитель посмотрел, привычно поправил: «Не звезда, а планета Юпитер. А знаете что? Приедет сюда с телескопом? Урок приведем ночью». «Да не разрешат. Андрей Юрьевич». «А мы секретно... Секретно? Это да!.. И они пришли!..

Теперь после уроков группу не так стремительно выносил из класса. Двое или трое еще долго ошивались возле Жданова, обсуждая новости.

«Оля на уроки сегодня не пошла. С apologies новые у нее в общежитии украли». «У Колки с первого курса «старички» куртку и сумку заняли, он пожаловался, а теперь не знает, куда бежать». Расспрашивали о музыке. Об армейской службе. О том, почему все так пьют и воруют кругом и почему жить невесело.

Сближение происходило медленно, но оно шло, и это было главным. Самый успевающий его ученик, сметливый Андрюша, после ответственной контрольной по физике вдруг сдал пустой листок. «В чем дело, Андрюша?» «Некогда было писать. Я все думал над одной вашей неточностью по теме «Температура» и набросал вам более удачный вариант».

Ни больше ни меньше! Жданов не знал, что ответить. Машинально взял испачканный клочок бумаги. Прежде отчитал бы, «поставил на место». Теперь сказал: «Спасибо за помощь, коллега, но контрольную-то надо выполнить, а?» «Да сделаем, это не вопрос,— солидно успокоил ученик.— Главное, чтоб вы учили...»

Мальчишка — это было совершенно очевидно — перешерстил кучу литературы, желая «доказать» учителю. Если объективно — здорово же! Если субъективно — все-таки досадно... Позже Жданов наткнулся у Амонашивили на размышления о пользе запланированной ошибки — для развития критического мышления учеников — и начал время от времени специально вкрапливать «лукавые оговорки», предупреждал, что они будут, просил «ловить» его, и это всегда имело бурный успех, обостряло внимание, вносило элемент игры, азарта, будило мысль, любознательность.

Между тем новый курс учителя Жданова раздражал старую Преподавательскую куда сильней, чем его клетчевые «бананы» и модные галстуки.

Однажды кто-то из коллег застал Андрея с малярной кистью в руке. Под критическим взором будущих мальяров он пытался ровно провести на стене сначала одну вертикальную линию — потемней, потом другую — побледнее. Идея была в том, что такие — в физике они называются интерференционные — линии, если ими покрыть стены, зрительно «уберут» неровности и шероховатости штукатурных работ. Ученицы, работавшие рядом, заставляли учителя по несколько раз переделывать работу. Пыхтел, старался, переделывал. «Унижал свой авторитет» — по мнению шокированных коллег. А то, что в процессе работы девчонкам открылось наконец понятие интерференции света, и то, что в самое уместное время удалось прочитать им мини-лекцию о соотношении цвета стен и освещенности жилья, никого не тронуло. Старая Преподавательская могла порой, програвавшись, купить «сироткам» гребенку или варежки, но «стать на одну доску с учеником»?

Особенно раздражало «старейшин» начавшееся, опять-таки с легкой руки Андрея Юрьевича, вторжение музыки в учебную крепость: «Скорее без «Модерн токинга» ни педсовет, ни комсомольское собрание не проведешь! И кому пожаловалась? Новому директору — Хмелеву Е. П.? Так он — батюшки! — сам на синтезаторе, или как его там, играет. Про Жданова и говорить нечего. У него утром на астрономию под Вивальди входят, чтобы «космосом веяло», а вечером в дискотеке брейкуют, как одержимые. «Зачем это нужно?» — так они высказывались.

Что такое музыка для учителя Жданова? Удачно найденный стимулент учебного процесса? Эмоциональная взяточка за внимание? Нет же! Он знает, он верит: это новый, не всеми понятый язык, не зная которого учитель остается чужестранцем в стране подростков. Язык нового поколения, поколения самого Жданова.

Одно дело — романтизм устремленный. Другое — учительские будни.

«Скромней надо молодежи быть, мнения свои сдерживать при себе», — так говорила старая Преподаватель-

ская, глядя мимо учителя Жданова, но адресуясь именно к нему. Жаловалась она и корреспонденту, воспользовавшись оказией:

«Раз уж приехали, так напишите про наши трудности. Каторжная работа. На урок идешь, как на подвиг. Один Жданов и насвистывает победные марши — другим назло. Нашим-то отборным трудно что-то вдолбить... Включаешь на перемене песни комсомольские, а они вниз, на улицу — брысь... Про дискотеку по физике уже слышали? Ждановские фокусы, конечно... Вот так: между «Пинк Флойд» и Аллой Пугачевой с задачниками втискиваемся, проблемы радиолокации разбираем. Нет, так оставлять нельзя».

САМОУПРАВЛЕНИЕ ИЛИ САМОУПРАВСТВО?

Учитель Жданов идет с женой на концерт, прихватывает с собой двух пострадавших учеников, и завтра же в Преподавательской обсуждают, эти ли это. Андрей Юрьевич поощряет диспуты — Преподавательская обсуждает тревожные новости: сегодня афиша диспута о «Бермудском треугольнике» сообщает, что «учителя А. Ю. Жданова можно атаковать вопросами» — и пусть бы, раз ему нравится. Но ведь завтра начнут атаковать других — прямо на уроке и не о Бермудском треугольнике, а «почему не хватает колбасы или зачем строить АЭС после взрыва в Чернобыле? И как тогда?!

Можно догадаться, в какой атмосфере приходится дышать молодому учителю. Право уважать ученика и работать с ним сообща приходится отстаивать каждый божий день.

Когда Жданов встал на открытом партийном собрании, посвященном улучшению педагогической работы, и внес скромные, конкретные предложения — например, исключить из лексикона всех работников училища привычные им слова «дебилы», «вороньи», «дуры» применительно к учащимся, а также прекратить ссылки на «контингент» и тем самым сделать первый вклад в педагогику сотрудничества, — поднялось такое!..

Маленькая речь на партсобрании произвела впечатление взрыва. Но небесполезного. Он расколол педколлектив на оскорбленных «старейшин»

и объявивших, наконец, открыто свою позицию «молодых», а их в СПТУ № 29 уже немало: С. Ковалева, Н. Маркова, Е. Ветошкин, Л. Гвердцители... Как важно всегда — начать. Встать первым...

Вместе с ребятами и лаборанткой Герой Федоровной Жданов создал из грязной, пустовавшей комнаты нарядный, веселый и толково обустроенный физкабинет. Но именно этот кабинет то и дело «сдавали» под нужды мероприятий районного масштаба, предсказывая Жданову искать другое место для уроков. Намыкавшись с женой и двумя детьми в коммуналке, он выменял крохотную квартиру на первом этаже отнюдь не роскошного дома, и тут же полетели анонимки: добыл жилье по блату. Ученики, не успевшие почти по всем предметам, получали пятерки по физике или астрономии, — шли толки о словоре Жданова с учениками против Преподавательской.

Андрей объявил «год открытых уроков», но никто из «старейшин» даже не подумал заглянуть в его класс. Но зато Жданов получал регулярные замечания «за плохое ведение журнала», за музыкальный «оживляя» уроков, а ученики его группы были признаны самыми дерзкими и развязными. Однажды он не выдержал и подал заявление об уходе. Но потом не выдержал и взял его обратно.

Жданов нужен своим ученикам, им важно, чтобы он был достоин уважения. По точному замечанию Н. Крупской, «если самые высокие идеи в устах нелюбимого учителя становятся ненавистными, то нравственные уроки любимого делятся всю жизнью».

Разве урок — это только 45 минут информации?

А что же тогда их прогулки по набережной Двины? Повесив на грудь матерчатую цветастую сумку с толстощеким годовалым сыном Ванькой, учитель Жданов идет в окружении своих мальчишек и говорит им о том, что и дрожание последнего солнечного луча на сиреневой воде, и взлет волн под ветром, и голоса чаек — все это живой, увлекательный учебник физики — великий переводчица языка природы...

А посиделки в доме у Ждановых? Забежав на огонек к учителю и гоняя чаи, открывают подростки бесконечные стихийно возникающие диспуты и семинары — разве это не урок?

«Не переходит ли душа в магнитные волны? Как легче жить — по чужому приказу или по своей воле? Почему нельзя ругаться в ПГУ, если на стройке и в цеху названия каждой детали взрослые дяденьки давно перевели на матерный? Где можно вылечить маму от пьянства, только чтобы никто не знал? Бывает ли любовь без секса, на всю жизнь? Что плохого, если дать переписать новый «диск» и содрать за это трешку?»

Чем бы ни был занят учитель Жданов — готовится ли к урокам, гуляет ли с сыном, слушает ли музыку, помогает ли жене со стиркой или бегает по делам в горкоме комсомола, пишет ли в дневнике, — мысль его неизменно возвращается к этим трудным вопросам учеников, которые в конце концов и делают из него Учителя, заставляя искать ответ и совершают поступки. Преподавателем быть куда проще. Но нужнее — Учителю...

Поощряя диспуты и чайные семинары на острые темы, делая личное мнение каждого предметом, достойным внимания и уважения, учитель не может ратовать, как прежде, скажем, за «массовыйхват внеклассными мероприятиями». Потому что уважение к личности — это и уважение к праву выбора. Осенний лес должен стать праздничным подарком, именинами души, а не «выездом в зону отдыха»... И потому учитель Жданов предпочитает ездить в лес с группой в 6—10 человек, добровольно избавившись именно этого вида отдыха. Зато другие шестеро с горящими глазами пойдут с ним, например, на выставку. А двое отправятся на концерт. А один — на лекцию по астрономии... Но если люди (в том числе и ученики) получают право решать свои дела самостоятельно, они входят во вкус. И вот уже в ждановской группе прозвучало опасное слово «самоуправление», равнозначное, по мнению старой Преподавательской, понятию «самоуправство». Новое дело: тайным голосованием избирают Комиссию доверия. Зачем? Ученики будут сами писать характеристики на однокашников... Дела... «Демократизация», — говорят Андрею, — не шутка, не игрушка для детей. Пусть сами открывают форточки и моют сами доску, а характеристики — дело серьезное. Они по наивности понапишут, что думают, а не то, что требуется». «Пусть учатся, — возражает учитель Жданов, — говорить

правду и принимать решения. Самое же время! Какова будет социальная зрелость молодых людей, таков будет и социализм».

НЕ В ДИССЕРТАЦИИ ДЕЛО

За 15 минут до урока учитель Жданов входит в пустой еще кабинет, поддергивает безукоризненные манжеты модной рубашки, чтобы без свидетелей совершить таинственный обряд превращения тусклого куска линолеума, называемого классной доской, в исходящий серебряным сиянием слиток. «Такой доски, — дружно скажут вам ученики, — нет больше ни в одном училище Архангельска, а может, и вообще в стране».

Звонок. Он наряжен, праздничен, раскован, он в центре внимания: «Почему Фарадей похоронен рядом с королями? Почему загорается лампочка на руле велосипеда? Зарядится ли антенна, если мимо пройдет грозовая туча? — это и еще многое другое мы узнаем на ближайших уроках физики, а также выясним, наконец, что же на уровне научных понятий означает ваше любимое выражение „сдели по фазе“». Учитель Жданов любит объявлять программу на десять уроков вперед. Он легко пробегает по классу, как бы из одной лишь любви к движению. Андрей успевает на бегу коснуться плеча или макушки ученика, из тех, чье лицо показалось ему усталым или мрачным. Он знает, как важно это легкое прикосновение, сигнал: я здесь, я ощутил твою тревогу, готов выслушать, готов помочь. Это действует вернее слова.

Давно уже истаял здесь страх перед вызовом к доске, перед приборами, схемами. Стоять у приборов интересно, учиться стало легко — без окриков, без оскорбительных понуканий, без по-прежнему. Оказаться в центре внимания дружелюбного класса даже приятно...

Учитель Жданов чувствует порой непомерную тяжесть учительского дела, но дано ему знать и ликование победителя. Так было, когда «ленивый», «отпетый», «безнадежно запущенный» ученик положил перед ним тетрадку со своими стихами. А другой объявил, что собирается строить телескоп... А третий попросил научный журнал. Четвертый (из «неразговорчивых») вызвался выступить с политинформацией и попросил помочь ему подобрать литературу. Пятый, неожиданно ставший отцом тройни, именно к Жданову прибежал решать: как жить дальше?

Ученик, нутром ощущавший, что важен и нужен своему учителю, что он всегда под надежной его защитой, — такой ученик начинает открываться для воздействия, такого есть надежда научить.

«Главное — никогда не выносить окончательных приговоров, не ставить крест на человеке, не загонять его в тупик» — вот во что твердо верит учитель и чем направляется вся его воспитательная политика. По счастью, новый директор Е. П. Хмелев разделяет эти идеи.

Однажды я увидела на уроке спящего ученика. Казалось, Жданова это никак не беспокоило. Выяснилось, ему известно: накануне ученик уехал из города по сложным семейным делам, вернулся под утро и все-таки прибежал в училище, чтоб с учителя не спросили за прогул в группе. «Я попросил соседа по столу, пусть пишет конспект урока под копирку», — спокойно сказал Жданов. Проникший в непростой быт своих учеников, он получил то право учить и быть услышанным, которое не дается ни стажем, ни званиями, ни регалиями.

В старой Преподавательской считают: «Дешевый авторитет зарабатывает».

Но вот что сказал один из учеников Жданова: «У него другого выхода не было, как учителем стать. В крайнем случае — врачом. Он чужую боль, знает, как чует...»

Это и есть главный урок учителя Жданова.

Геннадий САПРОНОВ

ЗАБЫТАЯ ПАМЯТЬ

Смена» уже писала о судьбе байкальского ледокола «Ангара» (№ 2, 1981 г., № 17, 1982 г.). Корабль этот имеет славную боевую и трудовую биографию. В гражданскую войну с его борта шли в бой с контрреволюцией революционные отряды и десанты. В Великую Отечественную на «Ангару» легла основная тяжесть перевозок по Байкалу. А после войны — еще десятилетия мирной работы. Но и корабли стареют...

«Давайте отреставрируем ледокол и создадим на нем музей! — решили однажды в Иркутском горкоме комсомола. — Музей революции и истории иркутского комсомола — своего рода сибирскую «Аврору». И вот то ли на слете, то ли на конференции прогремело постановление горкома ВЛКСМ. Родился почин в юбилейном 1977 году — это обеспечивало поддержку инициативы снизу, и сверху.

Комсомольцы города стали выходить на субботники. На счет горкома ВЛКСМ потекли рубли, которые складывались в сотни, тысячи...

И тут выяснилось, что восстановить «Ангару» непросто. Во-первых, нужны материалы. Во-вторых, механизмы. В-третьих, деньги — и не тысячи, которые собрали на субботниках молодые иркутяне, а сотни тысяч. Ни того, ни другого, ни третьего не было. О, эти непредвиденные хлопоты, когда отзвался почин, когда отшумели «бурные, несмолкающие аплодисменты», когда

надо тихо, без показухи, работать, — как ненавистны они бюрократам!..

«Ангара» сперва тяготила, потом начала откровенно мешать. Деньги, собранные на субботниках, потратили. На что — никто сегодня уже не помнит. Возможно, на организацию слета, на котором прозвучала новая инициатива... А о корабле постарались забыть.

Но ледокол — вещь объемная, видная. Многие месяцы мотало его по заливу. Мальчишки устраивали на палубах пожары. Хулиганы открывали кингстоны... Но на борьбу за «живучесть судна» поднялся не горком, а маленький коллектив спасательной станции. На третью затопленный, ледокол отбуксировали к плотине ГЭС. Несколько лет, мертвый и мрачный, стоял он там.

И все это время в редакцию «Смены» шли обнадеживающие реляции.

Февраль 1980 года. «Для организации работ на ледоколе «Ангара» создан городской штаб... Основные ремонтно-восстановительные работы планируются закончить в апреле 1980 года». В. Воронов, секретарь Иркутского обкома КПСС...

Октябрь 1980 года. «Ледокол «Ангара» признан историческим памятником... В настоящее время... проводятся водолазные работы по подъему кормовой части ледокола». А. Орлов, первый секретарь Иркутского обкома КПСС.

Июнь 1982 года. «Ледокол «Ангара» будет передан Свердловскому району Иркутска с перспективой оборудования под детский клуб». В. Соколов, секре-

тарь Иркутского обкома ВЛКСМ.

Здесь возникает по меньшей мере два вопроса. Первый: а верили ли ответственные комсомольские работники в осуществимость своих планов?.. Если «да», то почему так легко отступились от намеченного?.. Не верили? Зачем тогда обманывать горожан? Зачем лгать миллионам читателей? Не лучше ли сказать честно: «Наши предшественники ошиблись. Отреставрировать корабль не удастся».

Еще вопрос: отвечают ли сегодня те, кто подписывал письма в редакцию, за прошлые свои обещания? Вопрос не праздный, потому что они и сегодня ведают историей, памятью, людьми... Тов. Воронов нынче — методист-консультант Академии общественных наук при ЦК КПСС; тов. Орлов — заместитель начальника Иркутского областного управления внутренних дел, подполковник; тов. Соколов — заведующий отделом культуры Иркутского обкома КПСС...

А те, кто пришел им на смену, отвечают ли они за обещания своих предшественников? Нет?.. Но тогда до чего же просто, оказывается, руководить! Один, посидев несколько лет в кресле, ушел на повышение, и прошлые дела его теперь не касаются. А у того, кто занял пост, железобетонное прикрытие: «Я — человек новый. Разве лично я что-то обещал?»

Публикации «Смены» и голос общественности все-таки сделали свое. Было обнародовано решение облисполкома: считать корабль «памятником

местного значения» и поставить его на государственную охрану. Снова закипело дело. 254 тысячи рублей были истрачены, чтобы вызволить «Ангару» из полузатопленного состояния. На этом все и кончилось.

Еще недолго ледокол постоял на виду города, а два года назад его тайком отбуксировали в залив Мельничный пад и бросили там на мели. И с каждым месяцем все глубже и глубже уходит под воду «Ангара»...

С глаз долой — из сердца вон? Но помнили об историческом корабле и ветераны, и молодые. Помнили и боролись. Наконец, 25 мая 1987 года облисполком принял новое решение:

«Совместно с управлением Восточно-Сибирского речного пароходства (тov. Шафиров Л. М.) рассмотреть вопрос реставрации и использования ледокола «Ангара» под музей Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири...»

Но вот прошел почти год после принятия этого решения облисполкома. А «Ангара» не снята с мели. И незаметно на ней никаких реставрационных работ. «Почему?» — спросила Шафирова корреспондент областной молодежной газеты. «Решения исполнена я не видел, — отвечал Шафиров. — Считаю, что восстановление корабля невозможно по техническим причинам, да у нас и без ледокола дел хватает».

Так неужели никто в Иркутске не позаботится о революционном корабле, оказавшемся под старость забытым и брошенным?

Олег ШЕСТИНСКИЙ

ЖИЛА-БЫЛА ШУРА

Жила-была девочка... Так обычно начинаются сказки. Уж не сказку ли я страшную расскажу?

В блокадную пору в Ленинграде жила-была девочка... По имени Шура. Район, где она жила с родителями, прозвывали «Огненный мешок». Потому что дома были зажаты заводом металлических игрушек, производящим гранаты, комендантским аэродромом и железной дорогой на Выборг. Немцы бомбили объекты поочередно, но зачастую неточно, и смертоносный груз обрушивался на жилища. Деревья со сбитыми листьями и обломанными ветками съежились, как погорельцы. Дом Шуры в часы налетов ходуном ходил.

Сразу за домом простиралось Серафимовское кладбище, густо поросшее дубами. И Шурина мать порешила:

— Как загудят самолеты, на кладбище укроемся. Там-то потише.

При очередной бомбежке мать и дочь с баульчиком в руке кинулись под защиту гранитных надгробий. Уткнулись в мшистый памятник лицами, глаза зажмурили. Но случилось непредвиденное. Заметался фашистский летчик от зенитного огня, сбрасывая бомбы где попало. Одна с воем и скрежетом рухнула между могил, выворачивая гробы из земли. Мать с дочерью приподнялись, стряхивая с волос труху и песок, увидели, что по плите, к которой они прильнули, широкая щель извивается и оттуда тленом повеяло. Мать с Шурой, задыхаясь, рванулись с кладбища, царапая о кустарник ноги.

Однажды мать, давясь слезами, достала большое ватное одеяло.

— Всех детей в глубь страны отправляют,— всхлипывала она,— вот тебе теплую защиту готовлю.

Но вскоре выяснилось, что на эвакуацию детей смотрят сквозь пальцы, не принуждают, и мать заявила бесповоротно:

— Никуда не отправлю.

Осень со слякотью, с затяжными дождями, с зябкими сумерками, с усиливающимся голодом наваливалась на горожан. Одно выручало — Шурин район был старый, с деревянными домами, заборами. Разбитые деревянные постройки шли на дрова. Щепа, обрубки, палки трещали в печах, согревая людей. Шура позже, уже став немолодой женщиной, всегда считала, что спаслись они из-за обилия тепла. Стоило стодвадцатипятиграммовую горбушку размочить в кипятке и каждую крошку в себе ощущать, как живую. А в блиндаже перед домом баню наладили. Скохшееся тело распаришь, склоняясь перед тазиком, и словно оно залоснится, покраснеет, по-живому задвигается.

Торф приспособился в пищу употреблять. Даже ласково его величили: «черный творог». Нашла Шура со сверстниками на задворках яму с испорченной кислой капустой. Верно, до войны еще зарыли как не соответствующую кондиции. Подростки набивали раскисшим месивом кастрюли, несли домой. А еще — гниль картофельную в земле обнаружили — на сковороде жарили картошку, черную, морщинистую. Насыщала... Праздник выдался, когда принес отец невесту откуда лошадиную кожу. Натянули ее на полено, пихнули в печь, обожгли, мочили, чистили, резали на ремни и потом жевали, может, часами жевали...

Шура верила, спасение шло оттого, что она не за-

стывала на месте, не сидела сиднем, а двигалась, двигалась... Дрова собирали в вязаночки, волокла; дубовую кору отковыривала от стволов; коренья вытаскивала, крепкие, круглые, как затычки в бочке. Иногда укладывала на самодельные салазки березовые кругляши, плелась на Дерябин рынок. Стояла там, закутанная в материнский платок. Мимо, как тени из преисподней, скользили людские фигурки. Спрашивали Шуру:

— На что дрова?

— На хлеб.

Тени скользили дальше, а кто-то трогал полешину, кудрявящуюся бересту, торговался. Хлеб стоил тепла. Засунув за пазуху окаменевшую от мороза пайку хлеба, спешила Шура к матери.

Мать Шуры устроила дворником в своем же доме. Думала она, что за светомаскировкой следить придется, учет жильцам вести, домовое хозяйство поддерживать... Но оказалась работа жестокой, изматывающей душу.

С самого рассвета тянулись к Серафимовскому кладбищу саночки с покойниками, немощные люди их везли. Сил не хватало доставить трупы до кладбищенского морга, бросали горемык на снежных подступах к кладбищу. И дворничиха, как выражалась, «подчищала» квартал — собирала кинутых, дотаскивала до кладбища.

Целые семьи в частных деревянных домах незаметно вымирали, и дворничиха в неделю раз обходила окрестные дома, стучала в двери:

— Живы?

— Живы, — доносились бесцветные голоса. А не

дождавшись ответа, вскрывала дверь; и как-то увидела в опустевшей квартире одичавшего от голода ребенка у окоченевшего трупа матери. Она взяла ребенка на руки, отнесла в детприемник.

— Из Кривого переулка,— объяснила она,— Тимофеевы жили. А мальчику не помню, как звать.

— Я не мальчик, я девочка Катя,— выдавило бесформенное и жалкое существо, лихорадочно глядя на кружку с чаем и ломтик хлеба. Дворничиха не сдержалась:

— Что с детьми творят, ироды!

Дворничиха возвратилась в покинутый дом, отыскала документы и сбережения, сдала под расписку начальнику детприемника. Честна она была до суеверия.

— Копейку отделю для себя — не выживу. Придадут меня копейка чужая...

...Наведалась к дворничихе соседка Римма. Зорко оглядела запущенную комнату, потянула воздух ноздрями.

— Нежилым пахнет...

Дворничиха не любила Римму, шумную, рыжеволосую, гулящую. Возвращаясь к себе навеселе с новым дружком, Римма весело пугала любопытствующих седок:

— Чего выставились? С этим расправлюсь, — тыкала она в дружка, — за твоего примусь, — и заливисто смеялась, — за тво-е-го...

Бывало, и действительно какой-нибудь «нестойкий» муж обратил на нее ночной приют и ласку. Утром Римма напоказ выставлялась на пороге в цветастом халатике, с распущенными волосами и кричала хахаю так, что по округе слышалось:

— Вечеру жду, миленький, еще рюмочка не допита и я не доцелована...

За закрытыми окнами возмущались, кляли распутную, а жена неудачливого ухажера ставила ему под глазом фингал. Трудилась Римма до войны в пивном ларьке, потому и слыла в местном масштабе личноностью примечательной.

— Как живете? — поинтересовалась Римма.

— Сама видишь, — сухо ответила мать.

— Вижу, — бросила Римма, — потому и скажу кое-что.

В блокаду неведомо как возник за кладбищем свинохоз. Откармливали там свиней. Кого снабжали той свининой — неведомо. Может, армейские части. Может, госпитали. Может, по крохам горожан. Свиносвхоз обнесли колючей проволокой, вход в его зону сторожили охранники в гражданском, но с винтовками. До жилых домов долетало хрюканье свиней. Римма служила в свинохозе поварихой. Приготвляла густую суплю для свиней, следила за их упитанностью, добрела, когда они начинали ходить впереди. Кормили животных чем придется. Со горевших Бадаевских складов доставляли обугленный горох, труху от печенья... Люди о таких харчах только мечтали!

Римма повела беседу:

— С зари допоздна со свиньями маюсь, а дочка без присмотра. Не всегда к ней и отлучиться удается, — была у Риммы дочка-дошкольница, безотцовщина.

Мать слушала Римму, насторожившись.

— Так вот, — продолжала Римма, — пусть Шура за моей дочкой приглядывает, а Шуру я кормить буду, карточку ее вам оставлю...

Это был подарок судьбы. Мать засуетилась, попросила Римму сесть, чаек предложила. Выглядела мать трогательно-жалкой, униженной, но ради жизни дочери была готова на все.

— Какой чай! — снисходительно усмехнулась Римма. — Ко мне как-нибудь загляните, я и сахар выставлю.

Подрядилась Шура быть нянькой. В полдень с банкой отправлялась в свинохоз за супом. Охранники привыкли к щуплой девочке, поучивали:

— Опять к своей, свиноматке, — и улыбались свинки Шуре. Шура шла по двору, и на нее из-за загородок смотрели толстые, тупорылые свиньи. К Шуре приходили неожиданные мысли: приручить бы какую-нибудь свинью, как собаку. А потом ночью подкоп под забором сделать и подманить ее. Всех бы накормить можно было! Шура, приближаясь к изгороди, останавливалась своей взглядом на молодой хрюшке с красными оживленными глазами и поглаживала ее по щеке, слегка щекочала.

— Чего застрияла? — высывалась из окна Римма.

В грязном клаенчатом фартуке, с лоснящимися по локотку от жира руками, с торчащими из-под косынки лохмами она представлялась здесь девочке злой поварихой-бабарихой, и Шура испуганно вскрикивала:

— Бегу!

— Тут не задерживайся особо. Нечего людям в глаза влезать. Они все друг за другом приглядывают.

Римма брала черпак с изогнутой ручкой и наливала из котла в банку смачное варево. Закрутив крышку, стреляла глазами:

— Труси! Деточка-то моя как? Накорми ее сначала досыта, а уж потом сама. Знаю вас.

Шура вновь проходила мимо свиней, но уже не останавливалась возле них, а только кивала знакомой хрюшке. Охранники снова острили:

— Нам бы в свиньи пойти к твоей Римке! Путь Шуры лежал через кладбище. Шура поглядывала на знакомые, вдоль тропки, надгробия, удивляясь молодым, красивым лицам на портретах: как такие могли умереть! Потом-то и ей самой, жившей среди смерти, смерть все-таки казалась чем-то отстраненным, к ней доступа не имеющим.

Однажды, месяца пять назад, приметила она издали маленького человечка, приткнувшегося у могилы, под обгоревшим деревом. А когда приблизилась, узнала свою давнюю подругу — Сашу Филипову. Саша была в стоптанных мальчиковых ботинках, в потертой шали, серые чулки в рубчик перекосились на ногах и пузырились на коленках. Когда-то синие глаза словно размылись, стали водянистыми и провалились, как в ямки, в темноту подглазий. Подушечные недоеданием щеки осели на выпирающие острые скулы. Ничего не напоминало прежнюю Сашу, первую красавицу довоенного пятого класса. Только брови стрелкой, русые, шевелились, как раньше. Изумилась Шура:

— Ты что здесь делаешь?

— К маме пришла, — слабым голоском ответила девочка, как бы не удивленная странной встречей. Шура вспомнила, что у Саши за два года до войны умерла мать, но сейчас слова одноклассницы прозвучали по-особому жутко.

— Как к маме? — нелепо спросила Шура.

Девочка промолчала и, застыв в напряженной позе, наклонилась над гранитной плитой. Шура стояла, как прикованная, не в силах сдвинуться с места. Разговор не получился, но Шура выдавила:

— Как ты?

Девочка медленно обратила к ней тусклое лицо и безразлично уронила:

— Дома все умерли. Не знаю, куда их в морг отпустили. Одна мама осталась...

Исчезнувшие, запеленутые в простыни, младший брат и бабушка точно скрылись в туманном воздухе, и сандружинницы, которые увезли их, нигде не появятся больше и не поведают Саше, где ее родные. Но мать, умершая мать, была рядом, и оставалась последней прочной нитью, соединяющей девочку с надеждой. Она могла закрыть глаза и представить себе мать, как в детстве, подвижной, полной женщины, шумно заботящейся о дочери. Она приходила на могилу не ради памяти, а потому что эта могила была единственной душевной опорой в ее небольшой истощающейся жизни.

Конечно, Шура не понимала всех внутренних побуждений подруги, но улавливала, что уже на самом краю она, уже занесена нога для последнего шага. И Шура отчаянно, словно решаясь на подвиг, прошептала:

— Подожди... Подожди... — и, суматошно развязывая кошелек, достала из него банку с супом. Она взболтнула банку, чтобы равномерно разошлась густота, отвинтила крышечку и до края наполнила ее.

— Пей! — скомандовала она. Саша сделала от могилы несколько мелких шажков, протянула худенькие, чуть трясущиеся руки и приняла в две ладони драгоценную посуду. Сначала пригубила, потом затянула дыхание, вбирала в себя жижку, разварившуюся крупу, распаренные овощи. Саша опорожнила крышку, ничего не говоря, держала ее в руках, пока Шура не вынула осторожно крышку из цепких пальцев.

— Знаешь, — просветленно и не по-детски торжественно молвила Шура, — ты жди меня здесь в это время завтра... — И она пошла быстро, не оглядываясь на подругу, неся в себе сильную и возбуждающую радость. Возле дома в кустарнике она вынула банку — супа в ней не хватало на три пальца. «Ну, ничего, — утешила себя Шура, — себе поменьше налью».

Как-то Шура, придя из свинохоза, застала в Риминой квартире приковывавшую из дальнего городского района старуху родственницу.

— Ну-ка, давай банку, сама разолью, — прошамкала бабка. Обхватила костявыми пальцами стекло, посмотрела на свет, почмокала:

— Жирный харч Римка набухивает... А чего она до завязочки не нальет? Чай не свой?

На следующий день, когда Шура с банкой заявилась в свинохоз, Римма, поежившись, отвела ее в закуток и, нависнув, как хищная птица, зашипела:

— Воровкой заделалась! Все зубы повышили! Куда деваешь?

И тут Шура впервые ясно осознала гордость за свой поступок. Ответила, не пряча лицо, смело:

— Я не воровала. А даю немногого супа из своей доли девочке, подруге, у нее все умерли.

Римма не ожидала такого прямого признания и поэтому еще больше ожесточилась.

— Я от хрюшек отрываю, которые фронту нужны! А она благодетельствует всяких!

— Возьмите вашу банку, — так строго произнесла Шура, что Римма опешила и даже чего-то испугалась.

— Да ты не серчай, — вкрадчиво заюлила, — я ведь тебя воспитывать должна.

Но Шура уже подходила к охранникам, и вслед ей Римма иди не решалась.

— Воровка она, — заплакала дома Шура, и никто ей не возразил, а мать полуобняла печальную дочку.

Через неделю мать обрадовала Шуру.

— Нашла я тебе работу. Карточка рабочая. Телефонисткой.

И стала Шура обслуживать коммутатор на 6-м комбинате. Вообще-то это была воинская спецчасть — комбинатом для маскировки называлась. Высились ангары, вились железнодорожные пути, по которым курсировал бронепоезд.

Шура тринацать лет исполнилось. Красноармейцев развлекло ее появление в части:

— Ну, с такой телефонисткой хоть Гитлеру звони в его чертова логово!

А Шура встала перед коммутатором и расплакалась — низенькая она, не дотянуться ей до всех номеров. А номеров-то тысяча.

— Что ты с рева службу начинаяешь! — ободрил старшина. — Мы тебе на тридцать сантиметров площадку поднимем, враз вырастешь...

Красноармейцы принесли Шуре кресло из разбомбленного здания — тисненой кожи, мягкое, пружинистое, маленько осколками поцарапанное, ну, да это ничего. Села Шура в кресло, что на бабушкину перину в деревне.

— Как на троне, — закричал Вася-эфрейтор, — с трона и управлять легче.

К Шуре хорошо относились. Баловали, как война позволяла. Да и Шура научилась толково работать.

— Пожарная! — звенела она, — соединяю с 3-м! — И ей работа виделась очень значительной.

— Вот если бы меня не было, — объясняла она матери, — никто бы друг с другом поговорить не смог. А как на войне без переговоров? И приказы, и справки...

— Умница, дочка, — грустно гладила ее мать по волосам.

Жизнь в части текла размеренно до той поры, пока не возвращался бронепоезд с боевого задания. Раздавалась команда:

— Пост № 4, откройте ворота! — Это значило, что бронепоезд на подходе.

Едва лишь бронепоезд въезжал по рельсам в ворота, как немцы учинили массированный обстрел. Обычно, чтобы избежать поражения, бронепоезд выводили из опасной зоны.

Но в тот памятный для Шуры день обстрел превзошел все виденные ранее. Снаряды рвались во дворе, а Шура сидела перед коммутатором, зажав ладонями уши в каком-то оцеплении. Дав задний ход, загрозил бронепоезд, вырываясь из-под огня. Но огонь не затихал. Шура боялась шевельнуться, думалось ей, что так безопасней, иначе попадет она под лавину осколков. «Хоть бы пронесло! — вздрогивала она при каждом ударе и вбирала голову в плечи. Внезапно раздался звонок. Глухой звук доносился до заткнутых ушей Шуры, и она отняла ладони. «Кто мог звонить в такое время? — пронеслось в голове.

— Шурочка, — уверенно ворвался голос начальника штаба, — держись, девочка. Соедини-ка меня с пожарными.

Шура даже полегчало от его спокойствия. Она привычно протянула к номеру руку, но пожарники молчали. Мерно отрывались в ушах гудки.

— Никто не подходит, — передала она.

— Черт-те что! Ведь не взлетели же все они на воздух. У меня тут раненые и пожар. — Голос начштаба приобрел твердость и стальную решимость.

— Слушай, Шура, я прошу тебя, только прошу, понимаешь. Оставь свой коммутатор, склони-ка голову. Очень нужно. Мы горим. Прошу, девочка...

Шура часто встречала начштаба Константина, крепкого крепыша с буденовскими усами. Он всегда ей подмигивал и спрашивал: «Ну как, Шура, скоро победим?» Шура смущалась, робко улыбалась: «Не знаю». «Ну как не знаешь? — разводил руками начштаба. — Как война кончится — женихи вернутся. Дело серьезное». И Шура еще больше краснела.

Нет, Шура не могла отказать ему, товарищу Константину. Она спрыгнула с кресла, зачем-то нервно оправила платье и, словно включая в себя неистовую силу движения, распахнула двери.

В воздухе носились комья земли, обломки досок и бревен, метался клочковатый дым. Хлопали ставни, полусорванные с петель, а над головой странной и пронизывающей до глубины души музыкой гудели электрические провода. Шура нужно было преодолеть двор до красного старинного здания — пожарки. Шура представлялась, что она не пробежала эти десятки метров, а проплыла невесомо, не чувствуя своих рук, ног, тела. Словно ветер подхватил ее и забросил в распахнутые ворота проходной. Она опомнилась, когда очнулась в задымленном помещении возле красной машины.

— Есть кто? — не своим голосом прокричала она, но голос ее утонул в сумятице грохота. Пожарные были вольнонаемными и тоже, наверно, впервые попали в такой разверзшийся ад. Она заметила высунувшийся из-за ящика с песком носок сапога, подошла и что есть силы стукнула по нему. Нога дернулась, и кто-то оглушительно завопил:

— Ай, ранило!

Человек выскоцил из-за ящика и чуть не сбил Шуру. Это был дежурный, нестроевик-инвалид, хваставший всегда, что тушил до революции пожар в Зимнем дворце.

НЮЖИ ФИЛАТКИН

— Ты чего? — ошеломленно уставился он на Шуру.
— А что вы трубку не снимаете? — Овладев собой, укоризненно обратилась Шура. — Ведь война идет...
— Идет, — еще не приходя в себя, согласился дежурный, — а меня ранило в ногу.
— Да это я вас по ноге стукнула!
— Да, ну! — обрадовался дежурный. — Значит, цел я!

— Начштаба Константинов вас ищет. Пожар у них, раненые...

Тут вроде бы сознание вернулось к ветерану, и он бросился выволакивать из укрытий осоловелых от страха пожарных.

— А ты что, назад пойдешь?

— Как же! Ведь звонить могут...

— Ну ты, дочка... — неопределенно выразился он и заорал, морщась от стыда:

— К машине, нехристи!

И снова Шура не бежала, а плыла через развороченный двор, ощущая на зубах древесные опилки, выпавшие брызгами из раздробленной в труху деревянной стены. А когда подскочила к коммутатору, замерла в удивлении оттого, что номера у коммутатора открывались сами по себе. «Отчего они открываются?» — думала она, и ничто другое ее в этот миг не занимало. «Ах, это от разрывов», — уяснила она и снова, пугаясь, застыла, зажимая уши ладошками.

Наутро начальник штаба Константинов собрал всю военнонаемную команду и так сказал:

— Я Шуру поблагодарить хочу, как солдат солдата... — помолчал и добавил: — А больше никого, — и, круто повернувшись, вышел из помещения.

Дежурный из ветеранов потоптался, пооглядываясь, не находя собеседника, сказал, словно самому себе:

— Промашку здесь дали. Вот когда Зимний тушил... — но на него так посмотрели сослуживцы, что он запнулся: — Оно, конечно, иные обстоятельства...

А Вася-морячок с бронепоезда подрулил к Шуре и предложил свойски, как товарищу:

— Саша, Саша, ты хороший парень, хочешь из автомата пострелять?

— Хочу, — сказала Шура, хотя такие желания к ней никогда не приходили.

Они вышли на пустырь, в который упиралась заброшенная дорога, а на ней красовался дорожный знак «Проезд закрыт».

— Вот мы по знаку и вступим, — предложил Вася, — потому что нам все проезды открыты.

— Открыты! — засмеялась Шура, и Вася показал ей, как нужно держать автомат.

Шура нравилась ее служба, тем более после знаменитого обстрела люди ее зауважали. Но горе подстерегало вновь.

...Отец ее, шофер, вел грузовик под Любанием во фронтовой полосе. Бомба разорвалась, его из машины выкинуло и в обморочном состоянии засыпало землей. Отходили его, но возник у него гнойный плеврит и доставили его в Ленинград в госпиталь.

У Шуры было круглосуточное дежурство, а потом двое суток отгула. Теперь она свои свободные дни проводила на 22-й Линии, где в бывшей школе расположился госпиталь.

Отец в ее жизни занимал мало места: нелюдимый, занятый работой, он возвращался домой поздно и редко общался с дочерью. Но в госпитале у кровати больного отца Шура вдруг с пронзительным чувством печали поняла, как он ей дорог, как не хватало ей всегда отцовского участия в жизни. Отец лежал остриженный, строгий и часто, открыв светлые глаза, касался Шуриного плеча, руки, как бы желая удостовериться, что дочь рядом.

— Ты бы шла домой, отдохнула...

Но Шура качала головой, умирающуюность прокальзывала в лице отца — он был рад, что дочь не уходит. Шура не знала, о чем иногда размышляет отец, сдвинув брови и беззвучно шевеля губами, но ей казалось, что он думает о том, как они дружно будут жить вместе после войны. Отец кашлял, и Шура подставляла ему тазик. Он улыбался через силу.

— Ты не гляди, что я такой. Я еще... — И он не договаривал. А Шура про себя договаривала за него, и слова у нее все были хорошие. Каждый раз, когда Шура приходила, он старался чем-то угостить ее из своего госпитального пайка — кусочком сахара, хлебом с повидлом...

— Ты ешь, ешь, мне много нельзя, пищевод царапает, — уговаривал он отнекивающуюся Шуру. Шура, чтобы не обидеть отца, отламывала от горбушки, но хлеб не шел в горло даже при ее постоянном недоедании — стеснялась она.

Шуру полюбили в палате больные и раненые. Отец гордился этим. Иногда он шептал дочери:

— Ты к Потапову подсядь, что-то у него там к тебе есть...

Потапов, молодой сапер, подорвавшийся на мине, обросший рыбьей курчавой бородой, лежал в углу палаты. Руки у него были парализованы.

— Ты бы мне письмешко соорудила, — нервно и с каким-то защитным небрежением попросил он.

Шура подсела к его тумбочке, разгладила листок белой бумаги, приготовилась.

— Да что я тебе, малолетке, диктовать могу? — тихо сказал. — Ты еще и жизни не нюхала.

— Это почему же? — обиделась Шура. — Я все уже знаю.

— Все? — невесело усмехнулся Потапов. — А знаешь, как жены мужей бросают, оттого что мужьяшибко раненные?

Шура покраснела, но твердо сказала:

— Это нехорошие жены...

Каждый в палате был занят своим делом, не прислушивался, и их разговор шел для всех стороной.

— Ладно. А что такое любовь, слышала?

— Слышала, — просто ответила Шура и добавила с обезоруживающей детскостью, — это когда для другого человека все, что он хочет, сделаешь.

— Так, — глухо отозвался Потапов, — знаешь. Ну, напиши хоть: «Приедь, приедь ты, чертова кукла, и руки у меня тогда заработают, как щупальцы... Приедь...» — подумал и досказал: — «Чертова кукла» убери, напиши просто «Шура».

— Как «Шура»?

— Да тэки вы с ней.

Шура с ученической аккуратностью вывела слова и от себя досказала:

— Руки у вас непременно оживут... Это временное... А письмо ваше я на главный почтamt отвезу, вернее будет.

Отец беспокойно поглядел, когда Шура вернулась:

— Чего долго?

— Письмо писали...

— Умница ты. — И опять он нахмурил брови, шевеля губами, словно пытался во что-то неведомое проникнуть.

Шура за полночь с Васильевского острова возвращалась к себе домой и не замечала дальней дороги, потому что размышляла над письмом молодого сапера. «А действительно, что такое любовь?» И она ей представлялась огромным солнечным шаром, который летит по воздуху и тех, кто стоит под ним, согревает своими лучами.

Ах, Шура, Шура! Сколько ей еще предстоит в жизни понять, уразуметь, опечалиться, разочароваться, надеяться...

А пока... Она сидит перед коммутатором и каждому отвечает вежливо:

— Здравствуйте! Сейчас соединю.

За окном ослепительное солнце, синее небо, разрезаемое виражами ласточек. Посередине двора канава, наполненная водой, которая в такой сияющий день — голубая, с золотистым отливом. Две девочки, Шурины знакомые, хохоча и толкаясь, с разбега пытаются перепрыгнуть через канаву, но боязливо останавливаются у самой кромки. Шура отрывается от своих номеров, высывается в окно, кричит:

— Чего трусите? Смелее!

Девочки оборачиваются к ней.

— Это тебе не телефон. Сама попробуй. В воду можно упасть.

— Вот и попробуй! — отзывает Шура.

Сейчас в ней столько весенней радости, задора, что ей и вправду хочется выскочить во двор и показать этим неумехам, как надо прыгать. Коммутатор молчит. И Шура решается. Она выбегает во двор, разгоняется и высоко, так, что только мелькают ее белые коленки, взывает над канавой. Шура приземляется на другой стороне, плюхнувшись в неокрепшую свежую траву:

— Вот как надо! — смеется она и слышит нетерпеливое позвякивание телефона. Она хмурится и уже без разгона, спеша, перепрыгивает канаву, скользя на сырывающемся пласте, влетает в коммутаторную, но телефон уже молчит. А через несколько минут появляется суровый начштаба Константинов.

— Ты что, попрыгунья, обязанностей не знаешь?

— Я только им показать, — оправдывается Шура.

— Показать, показать, геройня, — передразнивает Константинов, — соедини-ка с пищеблоком.

Шура соединяет быстрее, чем обычно, и Константинов говорит, мячая:

— Возьми. — Он протягивает ей липкую конфетку-подушечку. — А вообще-то мы тут список составляем на новую медаль «За оборону Ленинграда». Тебя тоже вписали...

— Спасибо, товарищ Константинов, — благодарит Шура, хотя и недоумевает про себя: за что ее хотят наградить?..

Но она скоро забывает про медаль и снова хмурится, видя в окно, как одна из девочек скатилась в канаву и сейчас выбирается из нее, грязная и плачущая.

— Неумеха... Неумеха, — повторяет Шура. И опять звонит телефон.

Ах, Шура, Шура! Сколько ей еще предстоит в жизни понять, уразуметь, опечалиться, разочароваться, надеяться...

...И не знала Шура, что назавтра сапер Потапов, напружиня ноги, подойдет к открытому окну и, не касаясь подоконника обвисшими руками, выбросится на мостовую.

...И не знала Шура, что отец доживет до Победы и после нее проживет еще двадцать семь дней...

...Многое еще не знала Шура.

Любящий блуждает без дороги,
Впрочем, у любви и нет дорог.
У любви надежды да тревоги,
Да как ноша — расставанья срок.

■
А потом одно из двух бывает:
Боль разлуки, словно грань резца,
Или тихим светом высветляет,
Или закаляет до конца.

■
Лес прозрачен, как улыбка,
А на облачном венце
Солнце — золотая рыбка,
Или — камешек в кольце.

■
Покосились перила
Правокзального моста.
Ты, наверное, забыла,
Как уходят поезда.

■
А не их стальным ли эхом
Вековой разбужен лес,
Да и я к тебе приехал
Не на палочке с небес.

■
То промоины, то наледь —
Путь железный мой искрист.
Что там на гармошке шпарит
Наш таежный гармонист...

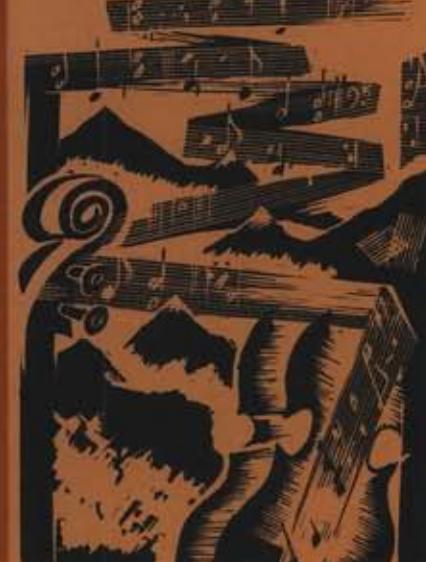
■
Погадай мне на ладони,
Посмотри в свой перстенек,
Пусть гармонь тоску хоронит,
Видишь, светится глазок...

■
Лес прозрачен, как улыбка
На родном твоем лице.
Солнце — золотая рыбка
Вместо камешка в кольце.

■
Передо мной осенний лист,
Как лист линованной бумаги.
Он так же неизвестно чист
И полон жизни и отваги.

■
А может, песню он хранит,
Что мне в пути недоставало.
Но, чу... То шум лесоповала.
...Он мне о многом говорит.

■
Все теряю, теряю,
А найти не могу.
Свою юность, что тает
На другом берегу.
Юность, берег далекий,
С каждым годом милей,
Только кончились сроки
Возвращения к ней.
Уплывает осока
На другом берегу,
И березы жестоко
Мне кричат на бегу:
— Не догонишь, не встретишь
Ты потерянных дней,
Их на тризне отметишь,
Да, на тризне своей.
Вижу — прошлов тает,
И себе уж не лгу.
Слыши — кто-то играет,
Но понять не могу.

Девятеро оглядывались назад. В ноябре 1985 года на этом полковом пляже стояли в темном сумраке новобранцы. Среди них — девять витебчан. Им всем было холодно и немного жутковато: впереди, два года неизвестности. Все новое и навсегда: однодельцы, среди которых наставники, письма, жизненные ритмы — все. Они могли только предполагать, что потребуют от них представления два года.

Рассказы, услышанные от уже отслуживших ребят, настраивали на оптимистический лад. В них шла речь о простоте начальников и хитрых рядовых, об отчаянных самоволках и смелых проказах, реже — о невеселых буднях и тяжкой солдатской работе. Никто не вспоминал о пережитых часах одиночества среди сотен людей, о нахваливающихся друг другу нравственной усталости и отчаянии, о необходимости перешивать через себя и делать то, к чему не ложит сердце. И, наконец, они мало что знали о тайных законах подчинения равным им в звании, но старшим по сроку службы солдатам. Эти законы управляли воинскими коллективами за спинами офицеров, и бывало, что именно они надавливали волю молодых людей, порождая смятение в их душах.

Сегодня мы смотрим на них, сильных, уверенных в себе, исполненных достоинства, невозмутимых, и вспоминаем их, тогдашних.

Курс молодого бойца. Одноэтажная длинная казарма в учебном центре. Полумрак. Пачка первоклассных газет на столе. Стриженые затылоки новобранцев. Какие там газеты! Они засыпали, едва опустившись на табуретку, засыпали на занятиях, в кузове машины, в столовой, даже в строю.

Многие из них впервые столкнулись с физическими нагрузками, они ошеломили их, и сонливость была естественной реакцией на усталость, изнурение, психологические стрессы. Скоро все войдет в норму. Но тогда на них больше было смотреть.

Первые дни в армии. Первые проявления характеров. Мы знали довармейскую судьбу каждого, но схематично. И мы были свидетелями, как в новой для них социальной среде они демонстрировали свое «я». У тихони Архиповского уже в первые дни вдруг прорезался командирский тон, способность предстать перед начальством в выгодном свете. «Нарушитель спокойствия» Федя Филинов обнаружил несигаемый оптимизм и высокое товарищество. Капешко — самостоятельность и стойкость. Ковалев (это у него скоро пройдет) инфантальность. Сметанников был крайне подавлен, и мы даже боялись, как бы с ним чего не случилось. Аланченко, если не спал, то винил весь белый свет в том, что поганки не наво-

ривались на ногу. Михаилов сразу обнаружил недостаток доброты и готовности помочь всем окружающим, хотя тогда мало что умел. Чиновников проявил штату и упорство. Он вообще оказался подготовленным к воинской службе лучше других и морально, и физически. Как и Андрей Наумов, который к тому времени имел уже около двухсот пятидесяти прыжков с парашютом.

Период, когда они начинали службу, пришелся на первые рабочие дни — гласности. И о многом, что происходило с витебчанами в армии, приходилось писать золотым языком. Военное начальство не жаловало упоминания о неуставных отношениях в воинских коллективах. Но от того, что мы делкатно обходили их молчанием, как бы загоняя болезнь внутрь, она лишь прогрессировала.

Не ходи в этом, последнем очерке нашего десантного цикла исследовать корни неуставных отношений. Есть специалисты, это их дело. Мы говорим о зле сейчас открыто, ищем пути исключения его. Это уже хорошо. Но должен признаться, что когда Живодров и Капешко, а потом Филинов дрались со старослужащими, отстаивая свое человеческое достоинство, я гордился ими. Тем, что не заскакиваю, не гнусаю. Когда Сметанников или Ковалев, парни далеко не слабые, угощали кому-то из «стариков», не желая идти на конфликт, я огорчался, но никогда не упрекал их. Каждый сам выбирает форму поведения.

Это не значит, что я считаю мордобой нормой. Нет, конечно. Но я просто не представлял, что оставалось делать ребятам, если их пытались унизить физически или морально. Жаловаться начальству среди порядочных людей не принято. Вот и приходилось полагаться на себя.

Справедливости ради замечу, что в десантном полку, где служили витебчане, неуставные отношения не принимали крайних форм и далеко не все солдаты второго года службы пытались обидеть молодых. Но в той или иной степени болезнь гнездилась в каждой роте. Она не побеждена полностью и поныне. Но сейчас неуставные проявляются скорее символически, до руко-прикладства доходит крайне редко. Молодые солдаты чувствуют себя равными и не боятся противостоять старослужащим, если видят за собой право.

Чтобы оздоровить обстановку в полку, понадобились соединенные усилия командования части, комсомольских батальонных комитетов, политотдела, рядовых десантников. Это была борьба без компромиссов. Витебчане для искоренения неуставных отношений тоже сделали немало у себя в батальоне. В стороне остался разве что один Архиповский.

Чтобы оздоровить обстановку в полку, понадобились соединенные усилия коман-

дования части, комсомольских батальонных комитетов, политотдела, рядовых десантников. Это была борьба без компромиссов. Витебчане для искоренения неуставных отношений тоже сделали немало у себя в батальоне. В стороне остался разве что один Архиповский.

Такими они были в ноябре 1985-го.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Евгения СТЕЦКО.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Глава восьмая

Такими они стали в ноябре 1987-го.

кации о десантниках вызвали у читателей журнала немало откликов. Наряду с другими редакция получала и письма от матерей, которые невозможно было читать без горечи. Люди писали о пережитом их сыновьями за два года службы, высказывали то, что наболело, советовали, как избавиться от язвы неуставных отношений в армии. В ряду воинских частей, пораженных этим недугом, называлась и та, что ведет свою историю с первых лет Советской власти, традиционно участвует в парадах, удостоена высоких наград.

Не будем драматизировать ситуацию. Практика показала, что болезнь излечима. Точный диагноз — уже подделка...

И вот служба витебчан заканчивается. Они стоят в воинском строю в последний раз. Все, кроме Леонида Архиповского. Он будет уволен позже из-за недавних нарушений дисциплины. Твой порядок. Если я правильно понял,

Леонид и сам не очень спешит домой. Кажется, он собрался жениться и остается в этом городе. Он из тех, кто не любит посвящать других в свои дела, и, разговаривая с ним, никогда не можешь быть уверен, что истина, а что фантазия.

Увы, армия не стала для Архиповского школой гражданского мужества. Он усвоил за эти два года минимум из того, что мог усвоить. Служба для Леонида — только временной отрезок жизни, который благополучно миновал. И я не знаю, кто больше виноват в этом — он сам или те, кто его окружал, кто прощал ему ложь и фанфаронство, потакал его слабостям и выгораживал перед начальством. Были такие.

Первым из девятки прощался с полком гвардии старшина Сергей Капешко. Я много писал о нем раньше и не хочу повторяться. Добавлю лишь, что он остался простым, честным парнем, ка-

ким и был с самого начала. Армия привила ему уверенности в себе, знания жизни, научила множеству полезных дел. Он единственный из витебчан был удостоен высокой чести простиаться со знаменем полка. В то утро батальоны замерли по команде «спирно». Капешко опустился на колено и поцеловал края попотнища. А потом стоял в середине площади, и полк шел мимо торжественным маршем, салютуя ему. Капешко, и еще нескольким парням, которые с первого до последнего дня в армии носили звание отличников.

Гвардии старшина Иван Михайлов демобилизовался двумя днями позже. Но уже без торжественного ритуала прощания со знаменем. Потому что двоих из одного взвода в команду отличников не занесли, такова установка свыше. Хотя и служил Иван не хуже, чем его друг

Последний развод. Больше не уни-

дят витебчане свой полк в полном составе, не пройдутся в батальонной шеренге по заснеженному плаку.

Многое уже не будет в их жизни: марш-бросков в утреннем холодном сумраке, субботней бани, каши из концентратов на привалах, команды «тобой», увольнений в город, ночных карапузов, разговоров по душам в каптерке, командирских привалов...

Прощай, оружие! Хорошо бы навсегда...

Как ни грустили они по дому, как ни считали дни, оставшиеся до призыва об увольнении в запас, оказалось, что многое привлекает их к полку, к жизни, которой они жили два года. И первое — товарищи, сам дух армейского братства.

Я видел, как они плакали, стыдясь слез. И те, кто уходил. И те, кто оставался. Как долго не разжимали объятий. Ох, как им будет недоставать по-

том чувства локтя, единства армейского коллектива, несмотря на всю его разнородность. Они встретят в жизни других людей и тоже, наверное, назовут их друзьями. Но то, что было здесь, в полку, уже неповторимо.

...После развода Аланасенок предложил: «Пошли сами попрощаемся со знаменем». Сметанников пробурчал: «Романтика, Миша...» Но пошел следом за всеми. Они поднялись по ступеням штаба. Всюду. И сказали дежурному по полку, что хотят проститься со знаменем, под которым служили два года. Офицер пожал плечами:

— Идите, это вроде не запрещено.

Гвардии старший сержант Федор Филинов, гвардии сержанты Александр Живодров и Олег Сметанников, гвардии ефрейтор Михаил Аланасенок и гвардии рядовой Сергей Ковалев отдали честь алюму полотнищу и пошли в батальон за проездными документами.

Михаил шел позади всех. Он не спешил. Он вообще был всегда немного сам по себе. И действительно, был слегка романтиком. Наверное, им и останется.

Помню, как он рвался в Афганистан. Ходил к командиру полка, просил помочь ему попасть в действующие части, сражающиеся с душманами. А сам толком тогда еще ничего не умел. Путал парашютные стропы, неважно стрелял, по забывчивости мог надеть чужую шинель и проходить в ней весь день. Но Михаил хотел быть там, где идет бой. Он вообще всегда готов принять участие в самом невероятном предприя-

тии. Скажи ему: «Миша, пошли к Северному полюсу», — он тут же согласится, но добавит, что лучше к Южному, в дороге теплее. Армия прибавила ему силы физической и моральной, избавила от незащищенности, но так и не сделала из него рационалиста.

В последний момент выяснилось, что Сметанников забыл сказать ребятам, где он спрятал в БМД набор новых ключей. В пятницу они пошли в парк. Все понимали, что ключи нашлись бы сами собой, но кто же откажется простишься с боевой машиной, на которой прошел не одну сотню километров по полям учений, в которой спал, прислонившись щекой к холодной броне, которую маскировал и окапывал, чистил и перебирал два года.

Отыскав ключи, Олег кладет их на сиденье механика-водителя, вытирает руки ветошью, машинально сует ее в карман. Все, можно идти. Больше ничего его здесь не держит. Но он не уходит, стоит, опершись спиной о створку ворот, смотрит на заиндевевшие чехлы на стволах, о чем-то думает...

Сергей Ковалев заскочил на минутку в роту, взять забытую в тумбочке книгу. Его остановили ребята: «Коваль, последний рисунок! Изобрази на память, будь другом».

Кто-то протянул лист бумаги, фломастеры. Ковалев присел на табурет, на минуту задумался. Потом улыбнулся чему-то про себя и быстрыми, четкими штрихами нарисовал самолет с открытой рампой. А из рампы шагает в небо молодцеватый, гренадерского вида

офицер-десантник, держа под руку еще двоих, но много мельче и не столь бравых.

— Так это же наш замполит, — тычет пальцем в фигуру офицера один из солдат.

И ведь действительно у Ковалева получился слегка шаржированный портрет гвардии капитана Коркути, бесменного знаменосца полка, двухметрового замполита десантного батальона, «крестного» отца многих впоследствии отличных солдат. О Коркуте они будут вспоминать с теплотой. Капитан умел шуткой снять напряжение в самой сложной обстановке, всегда держал свое слово, не заигрывал с подчиненными, был для них требовательным командиром и старшим товарищем.

Помню, как Коркути, обращаясь на аэродроме к новобранцам, собиравшимся на свои первые прыжки с боевого самолета, заметил совсем не военному:

— Это, ребята, настоящая мужская работа. Страшно только сначала, когда сидишь в самолете. А дальше все просто: разбежался, захмурил глаза, сгруппировался и вперед... Потом лети и пой. Замечательно.

И еще помню, как Коркутинес на себе солдата, повредившего при приземлении ногу. Капитан шел через раскинувшееся от дождей картофельное поле, с трудом вытаскивая сапоги из вязкого месива. В левой руке у него было две парашютные сумки, за плечом — два автомата и запасные парашюты. А когда ребята подбежали ему помочь, Коркути отдал только парашюты.

Поэтому, наверное, Ковалев и нарисовал капитана.

Вообще-то Сергей не из тех, кто высовывается, предпочитая держаться в тени. И в художники он сам не направлялся. Хотя другой на его месте извлек бы из своих способностей немалую выгоду, художник в армии — своего рода аристократия. Но Ковалев от этого далек. Рисовал для себя, иногда для друзей.

...В Витебске на перроне нас встречали Капешко и Михайлов. Ваня уже в роскошном модном пальто, весь из себя вальяжный. И не виделись-то всего три дня, а радости...

И, сдвинувшись плечом к плечу, они пошли через площадь, ловя на себе восхищенные взгляды девушек. Еще бы, десантники! Одна форма, специально доведенная до дембельской кондиции, чего стоит. Прохожие кутаются в пальто, а им в кителях не холодно. Им вообще сейчас сам черт не брат. Пижонство, конечно. Но ведь именно так они представляли себе возвращение домой — с помпой пройти через город, ошеломляя прохожих, проводить каждого до его дома и закончить этот день где-нибудь на дискотеке, где они будут, естественно, в гражданском.

Но жизнь вносит свои коррективы. Нас догоняют парень с девушкой.

— Ребята, вы те самые десантники, о которых пишут?

— Они есть, — хладнокровно кивает Аланасенок.

— Тогда просим вас сначала зайти в горком комсомола.

— Зачем?

— Ну, как это зачем — поговорить, расскажите, как служили, чаю попьем, самовар уже на столе.

— Ладно, чаю — это можно...

Куда-то вдруг исчезли бесшабашность и гусарство, смотрю, наши десантники тут же внутренне подобрались, поправили береты и двинулись за своими провожатыми. Я почти убежден, что в душе они были даже рады непредвиденному чаепитию, ведь оно давало им возможность подольше по быть друг с другом перед тем, как расстаться.

Десантники быстро оттали и дружно налегли на торт, пока Капешко хорошо поставленным голосом докладывал о том, чему каждый из них научился в армии. А потом ребята узнали немало интересного от первого секретаря гор-

кома ЛКСМ Веры Тихановской. Вера категорично заявила, что они тут тоже времени даром не теряли, комсомол перестраивается, ищет новые формы работы с молодежью, экспериментирует. Создано городское объединение молодежных клубов, проводился брейк-фестиваль, на телезаводе организован театр миниатюр. Одна из улиц переименована в улицу имени Воинов-интернационалистов. Силами комсомола строится молодежный центр. Образованы комсомольско-молодежные отряды помощи селу. И если у бывших десантников появятся интересные идеи — милости просим в горком в любое время...

Капешко, выразительно посмотрев в глаза симпатичного секретаря, на прощание сказал, что обязательно еще зайдет поделиться кое-какими соображениями.

Выходя из горкома, они пошли покупать цветы. Это не было запланировано, идею с цветами подбросил Сергей Ковалев. Он же первый с царственной небрежностью отдал последнюю пятерку за несколько гвоздик.

...Мы были с ними еще два дня. Ездили с Аланасенком и Сметанниковым на телезавод, куда те собирались вернуться работать. Гостили у Живодрова в его деревне, где живут Сашины родители. Он так много рассказывал о своей родине, о красоте окружающей природы, что не побывать в деревне было непростительно. Природа действительно оказалась замечательной, хоть и пришлось добираться пешком от трассы до его деревни «короткой дорогой» не менее часа по болотам и трижды переправляться через ручьи.

Потом мы собрались вместе еще раз, последний. И я спросил: что они будут делать дальше? С Олегом Сметанниковым и Мишей Аланасенком все было ясно — телезавод. Филинов колебался: то ли возвращаться на фабрику, то ли искать другую работу, за время службы он стал неплохим прибористом. Живодров не очень уверенно заявил, что, наверное, пойдет газосварщиком в комплексную строительную бригаду. Михайлов долго отмалчивался, потом заявил, что думает податься на обувную фабрику в экспериментальный цех слесарем-наладчиком: «Там «саламандру» делать будут на импортном оборудовании». Капешко собрался на стройку, в прежнюю свою бригаду, которой руководит знаменитый в области Ващук, будет плотничать. Ковалев честно признался, что пока не решил. Одно знает точно: в ресторан, где когда-то трудился грузчиком, не пойдет.

Сидели они тогда не то чтобы грустные, а какие-то притихшие. Наверное, они еще не привыкли к мысли, что безвозвратно минуло время, когда кто-то мог думать и решать за них, что теперь им предстоит самим выстраивать свою судьбу и что дальше их дороги должны разойтись.

...Михайлов позвонил нам в гостиницу уже поздно вечером. Говорил из автомата.

— Со мной тут еще трое наших... В общем, мы тут посоветовались... Хотим, значит, ехать куда-нибудь вместе. На стройку. Туда, где потруднее. Специальности у нас есть. И расставаться как-то неохота. Помогите в этом деле...

— Кто с тобой, Иван?

— Кто? Ковалев, Живодров, Капешко. Ну и я. Капешко, правда, колеблется, но, думаю, поедет. Пока вот четверо. Устроимся, глядишь, остальные подъедут. Так и будем вместе... Ну хотя бы еще года три.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы связались с секциями ударных комсомольских строек ЦК ВЛКСМ и попросили назвать объект, где нужны рабочие руки. Нам сообщили: люди нужны в Приморье и в Магадане. Десантники выбрали Магадан. Спустя некоторое время мы постараемся рассказать о том, как сложилась их дальнейшая судьба.

Микола ЛУКИВ

На склоне лета травы — голуби...
Я встретил дерево,

что думало про осень.

Под ним парнишка золотоволосый
Кормил с падони белых голубей.

Я молча встал у голубой реки,
Был склон — полог, а ноги мои босы.
В волну вступив,

я стал совсем таким.

Как дерево, что думает про осень.

Новогодней ночью

Сверкает в хате праздничная елка.

Двенадцать яств поставлены на стол¹.

Хрипя, пластиинку трогает иголка,
Поет про жизнь,

про тех, кто не пришел.

Поет про тех, кто в небе или в море,
Кого забрали голод,

смерть, война,

Над кем и звезды не стоят в дозоре.
И не своя — чужая сторона.

А за окошком снег летит крылатый,
И, не коснувшись хлеба и вина,
В углу нарядной новогодней хаты
Седая мать сидит совсем одна.

Весь мир душой обнять она готова.
И накормить, и обогреть в тепле.
Она должна сегодня думать снова
О всех живых и мертвых на земле.

И всю-то ночь сверкает в хате елка.
Двенадцать яств поставлены на стол

И все пластиинку трогает иголка.
Поет про жизнь, про тех,

кто на пришел.

За ужином

За ужином сидит,
Раскрыта окна.
Прохладный ветер
Рамы потревожил.
Услышал. Вздрогнул...
За окном темно.
— Взгляни-ка, мать,
Там свой или прохожий?

— Да что ты, дед!
Ну кто сюда зайдет?
— Аль показалось?
— Вот чудно, ей-богу!
Но вдруг сама
Примолкла, будто ждет.
И долгий взгляд
С надеждой —
На дорогу.

Далеко видно.
Тиши.
Закатный свет.
Пшеница.
Стель.
Перед окном — калина.
И сорок лет
Все нет с войны и нет
Сына.

Киты

Выбрасываясь на берег, киты
О рифы бьются гордыми телами.

С потопленными скожи кораблями,
Выбрасываясь на берег, киты.

И пусть не верят сказке о китах,
А все ж глядят с тревожною народы
На океана пасмурные воды:
Вдруг мир стоит
и вправду на китах?

Тот человек,
что мне не симпатичен,—
А зла он никому не сотворил,—
Он проводил сад огородил.
Тот человек,

что мне не симпатичен.
И странно как-то яблони цветли,
И яблоки на травы опадали.
И ребятишки в сад не попадали,
И странно как-то яблони цветли.

И я, смотря на черную ограду,
Со страхом думал:
«Как же он забыл,
Что сам два года
в Бухенвальде был,
Сам проклинал ту черную ограду?»

Наклонилась ветка над водою.
Думаешь, легко ей жить, склоняясь?
Думаешь, свыкаются с бедою,
Ветру-негодяю подчиняясь?

В синем поднебесье кружит пташка,
Крылья в солнце пламенем пылают.
Думаешь, ей не бывает тяжко,
Если грозы небо разрывают?

Зверь бредет, топча листы и корни,
Травы мнет, стремится к водопою.
Думаешь, трава всегда покорна
Под его безжалостной стопою?

Думаешь, в природе все согласно?
Тишина покойна, голуба?
Нет, природа учит ежечасно.
Что на свете и покой — борьба.

Поет Сличенко

Эх, цыгане! Простор и воля.
Золотой перелив гитары.
Кочевала по свету доля,
Словно тучи — с ветрами в пару.

Дальше, дальше...
В степи — кострами...
Для тоски не ищи причины.
Лошадей и возы с шатрами
Заменили дома, машины.

Забываете холод, голод —
Забываете годы, что ли!
Только голос, цыганский голос,
Одинокий, как ветер в поле...

Что он будет, о чём он тужит?
Станешь, глянешь, припомнешь...
Рассказал бы, что душу сушит.
Да названный тому не знаешь.

Весна

Цветы целует ветер на лугах,
А в небе птахи окликуют птах,
За рыбой рыба ходит под водой,
И где-то слышен голос молодой.
Дуплистый дуб стариинный —
Даже тот
Собрал все силы
И опять цветет.

Перевела с украинского
Ирэна СЕРГЕЕВА.

Юрий ГРЕЧКО

Доступ к книгам был ограничен.
И особенно к заграничным.
Почему такое — бог весть...
Мы, конечно, брали, что есть.

Да, под занавес пятидесятых —
прозревающих, смутных, предвзятых —
в информируемое но вполне,
но читающей самой стране.

Нас семья и школа любили.
И старательно так, любя,
мяли в крепких руках. Лепили
точный слепок с самих себя.

Марья Петровна, как ни устала,—
формуляры зорко листала.
Свесив шалевых два крыла,
всех от чуждых влияний блюла.

Были, были в стране изгой.
И проскрипций списки, из коих
узнавали массы людей
под ноготную их идей.

Директивно, нещадно бита,
тихо бедствовала элита,
цвет словесности нашей и злак —
ее Зощенко, Пастернак...

Что ж, ответим космополитам,
чужеродной элите той
интересом большим, монолитным
к русской классике золотом!

О спасибо, библиотека,
когда совестливость на кону,
за уроки прошлого века.
Я пойду на них. Не сачкану.

Обливается Гоголь слезами,
будто видит творимое нами.
Пушкин сердцем, а не умом,
чувствует все, что после поймем.

Марья Петровна щурится слепо
в мой классический формуляр.
Вряд ли выйдет желаемый слепок.
Я уроков не прогулял.

В деревнях становишься на постой,
умиляться давно ль не пристало
этой жизни в укладке простой,
что безропотно здесь обитала?

Бездорожье отрежет пути.
И ползет через поле телега,
в черноземе увязнув, почти
как в годину чумы и набега.

Элегический сумрак воды,
тайный холод ее зазеркальй —
пахнут тланом вселенской беды,
апокалипсисом химикианий.

Любим корни родства теребить:
мол, своя она, глупы, не чужая,—
по стихи, вроде как по грибы,
регулярно людя наезжая.

Можно прялку домой припереть,
черный глечик, букет горечавки.
Но не жить здесь. И не умереть
на широкой, натруженной лавке.

Русофильствуй, витийствуй, дружок,
чем страшна городская проказа.
Твоя жердочка — теплый кружок
над бессонным ручьем унитаза.

Ты проверил всеобщий охват
чем-то важным и нужным

крестьянин.
Но не счай заключенных хат
и подворий, забытых бурьяном.

Сокрушался о духе, как мог.
Но, лубок разрушая общинный,
синеватый сивушный дымок
из бутлегерской тянет лощины.

Что ушло, что покинуло нас,
если, в травах бродя по колено,
разучились косить про запас
золотого, валютного сена?

Лишь поем и поем, как щеглы,
про зарю, утонувшую в речке,
про родные глухие углы,
где доселе танцуют от печки...

Еще до твоей эпохи,
может, за тысячу лет —
махну из окна в шиловник
и в соловьевиной рассвет.

Из комнатушки душной,
где она спит, храня
вспышинку на подушке,
теплую от меня.

Провинциальный Ромео,
синие тени у глаз...
Первый роман кромешный
переживает весь класс.

Кровь по щеке размазав,
приподнимусь с колен.
Сад этот, вроде романса,
душ-шипа-телен.

Темный бальзаковский возраст.
Смуглая кожа плеча.
Смотрит соседка стервозно,
что-то ей в спину щепча.

Что с нами станет — не знаю,
когда минует весна.
Есть только свежесть лесная
с привкусом яблок и сна.

Свет в облаках розовый
и ледяная вода.
Шрамик продолговатый,
может быть, навсегда.

¹ Таков народный обычай.

Марина ТИМАШЕВА
Фото Игоря ЯКОВЛЕВА

ТОЧКА ОТСЧЕТА. «Какое поразительное совпадение: труппа МХТ, как и Свободного театра, набиралась из числа любителей. И это вечная истина: в период упадка, в те времена, когда пошлые и совершенно изношенные формы находятся при последнем издохании после чрезмерно затянувшейся жизни, когда продолжительное процветание порождает беззаботность или лень, мутя чистые источники, любители спасают театр, возвращая его к первоосновам». В 1987 году, если внимательно следить за театральными календарями, можно было бы отметить столетний юбилей Свободного театра Андре Антуана (ему-то и принадлежит цитата) в Париже, а заодно и дату рождения первой театральной студии. Далек тот день, не близок Париж, да и своего расцвета новое движение достигло не во Франции, а в России, когда ученики Вл. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского объединились в Московский Художественный театр.

Второй пик студийного движения в нашей стране пришелся на 60-е годы XX века, международный фестиваль, «оттепель» — ренессанс нашей культуры после «стальной свободы». Барды с гитарами, толпа, штурмующая Политехнический, где поэты читают свои стихи, студенческие театры. Театральная студийная вольница, как и в начале века, достигает своей вершины на профессиональной сцене — в театре «Современник». В 1966 году состоялся первый фестиваль любительских театров.

«Дальше — тишина» — шекспировская фраза определила собой 70-е годы. К началу 80-х по старой схеме — необходимость амортизации старых форм, студийный импульс — вновь поднимается волна любительских движений.

КТО ОНИ ТАКИЕ — ЛЮБИТЕЛИ И ПРОФЕССИОНАЛЫ? Довольно давно в нашем обществе сложилась ситуация противостоящая: профессионалом считается человек, обладающий «бумагой», любителем — тот, у кого ее нет. Конкретнее: Андрей Макаревич вне филармонии — любитель, а в ее стенах — профессионал. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: подлинному значению этих слов такая транскрипция не соответствует.

Весь ход культурной жизни подтверждает доводы здравого смысла: не существует любителей и профессионалов — есть то, что талантливо, и то, что бездарно. Любители и профессионалы могут прекрасно уживаться друг с другом на одной сценической площадке; любители могут проигрывать во владении техникой, но выигрывать человеческой одаренностью, личностной наполненностью. Театральная студия может состоять целиком из актеров-профессионалов, а может — только из актеров-любителей.

По сути, деление существует внутри самого любительства. Есть любители «вынужденные», стремящиеся к профессионализации, но при условии изменения господствующей в культуре бюрократической ситуации. Рядом с ними — любители «добровольные» — коллектизы, которые

посвящают себя организации молодежного досуга, их цели просветительские по преимуществу.

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О СТУДИЙНОМ БУМЕ? Вряд ли, если соглашаться с утверждением, что бум определяется не количеством студий или спектаклей, но отношением зрителей. Второй год наблюдая за «Играми в Лефортове» — Декадами московских любительских театров, я прихожу к мысли о том, что средний возраст аудитории клонится к 35—40 годам. То есть в зрительных залах сидят люди, воспитанные 60-ми годами, когда бум действительно был.

После каждого спектакля устраивалось зрительское, абсолютно демократичное обсуждение, поэтому общую картину симпатий и антипатий представить не так уж сложно. Оптимизма она не рождает. Привыкшая к тому, что худсовет решит за нее, публика часто не отличает хорошее от дурного. Многие театры, потеряв доверие зрителей, потеряли и его самого, а зритель при этом лишился всякого вкуса к условности, составляющей природу театра.

Раньше в прессе часто появлялись сообщения о том, что то или иное произведение классической литературы издается на Западе в виде карманного и адаптированного издания. Встречались мы с выдержками из школьных сочинений (*«На первом балу Наташа танцевала со Штирлицем»*), свидетельствующими о киноадаптированности сознания юных наших соотечественников. Но могли ли мы представить себе, что театр, испокон веков державшийся на воспитанном им самим зрителе, вырастит «потребителя» культуры? В большей своей массе публика воспринимает лишь информацию: что хочет сказать мне художник, причем это «что» выражаться должно сразу и желательно в двух-трех фразах. Виноваты в этом 60-е годы с их открытой публицистичностью, отчасти перешедшей в рок-культуру. Но теперь, когда лидерами рок-движения становятся «ДДТ», «Наутилус помпилиус», «Ноль», «Калинов мост», даже из этой сферы ушли критерии оценки по шкале одной лишь обнаженной социальности. Кто бы мог предположить, что эта ситуация зафиксирована именно в театре?

Нагляднее всего это было продемонстрировано на «Играх-86» во время спектакля студии «Театр» *«Преступление и наказание»*. Серьезнейшую человеческую информацию несет эта постановка, в которой нет социально узнаваемых типов, но есть страдающие люди — Личности. Зал опустел через 15 минут после начала спектакля. Воспользовавшись фразой из романа Достоевского: «Не Петрушку какого-нибудь мы представляем на улице, а споем благородный роман». К восприятию «благородных романов» большинство из нас, к сожалению, не склонно. Способность эту надо воспитывать. Лишь когда человек поймет, что он, а не дядя из какого-нибудь «центра по обеспечению культурой», ответствен за происходящее, ситуация сможет измениться.

ВИНОВАТ ЛИ САМ ТЕАТР? К сожалению, да. В начале XX века усилиями благородно и бескорыстно верящих в театр людей была разрушена «четвертая стена», разделяющая зал и сцену, зрители и актеры были воспитаны в прямом общении и доверию друг к другу. К концу XX столетия между людьми и театром встало иная, еще более мощная, стена. Она отсекла не сцену от публики, но людей от театра — стена между театральным зданием и улицей. Изречение «Театр — храм» поняли слишком буквально. На площадях различных городов всплыли гигантские бетон-

но-стеклянные «лодки» театральных зданий стиля «модерн». Превосходство храма над человеком обозначилось визуально. Входы сюда, входить больше уже не хочется. Театр законсервировался в неуютных зданиях, закрыв окна, преградил доступ свежему воздуху и голосам с улицы. Он стал искусством для элиты, «музыкой для музыкантов», где наслаждение созданным ищут лишь посвященные и искушенные. Можно назвать происходящее кризисом театрального языка. Обновление, видимо, должно было принести измену. Но театр, как цельность, оставилшия иконы культуры, формировался за его стенами. Спектакли А. Васильева (спасибо ему за них!) *«Взрослая дочь молодого человека»* и *«Серсо»* воспринимаются как реквием поколению джаза. Его отпели, но восторг. По сию пору не встретился театр и с рок-культурой. Она не коснулась театрального сознания, не повлияла на почерк театров. Театр подчинился действию центростремительной силы. Он стал наиболее интересно осуществляться в так называемом «третьем жанре», будь то пантомима или кукольные спектакли. Вновь поднялась волна студийного движения. По идее, гибкие маленькие организмы должны были значительно легче

если нас о чем-то спросят, мы не слышим. Надо зорять — тогда кто-нибудь откликнется. Звук человеческого голоса обесценился. И есть еще причина внутритеатральная: слово необходимо там, где есть культура театра. Если же она утеряна, надо вернуться назад и начать все сначала. И вот тут-то выяснилось, что объясняться в любви можно пальцами ног — да как. Что призрак страшного прошлого не обязательно описывать с большим старением — достаточно вынести на сцену серую шинель с красным бантиком в петлице, но без головы, и заставить ее сплюснуть лезгинку. Да что говорить! лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Но, кроме «Каникул Пизанской башни», ни один спектакль не удивил, не потряс, хотя были очень сильные и интересные работы. А на «Играх-87» — все то же самое минус «Каникулы Пизанской башни».

В чем же дело? Одно из требований родоначальников студийного движения — новая драматургия, репертуар, принципиально отличающиеся от афиши профессионального театра. Не так уж много современных пьес на афише «Лефортов», еще меньше тех, что не могли бы играться на сцене профессиональных теат-

ГДЕ ВЫ, ВЕЛИКИЕ ДИЛЕ?

податься воздействию внешнего мира, чем застывшие в академическом знании канонов и систем большие театры. Но не тут-то было. Демократизировать театральную ситуацию студии не сумели.

Спектакли их стали вызывать усталость, равно как все другие традиционные формы искусства. Театр должен был бороться не только с самим собой, но и с нашим сознанием. Вы-

ход был: поразить нестандартностью формы и высвободить мышление из сковывающих его пут знания о театре. Почему лауреатом «Игра в Лефортове-86» стала студия пластической импровизации Олега Киселева? Да потому, что Киселев возвращает театру его первородство, берущее начало в религиозном обряде, музыке, движении, танце, живописи. Студия отказывается от драматургии и от слова вообще. Ее можно понять: слишком много лет слова расходились с делами, чтобы у кого-то сохранилась охота в них верить. «Слова, слова, слова...» Есть и другая причина:

ров. Таким образом, важнейшая функция студий — поиск новых сценических пьес — ими не выполняется. Подавляющее большинство постановок — классика. В тех случаях, когда спектакль заслуживает высокой оценки, это происходит благодаря выстроенной режиссерской концепции, необычным способом классику интерпретирующей. Но такой подход был доведен до совершенства профессиональными театрами 70-х годов. Итак, призванные быть «разведчиками», студии на самом деле оказываются в тылу профессионального театра, а затем более или менее талантливо повторяют приключения.

Чего еще желали прежние лидеры студийного движения? Поиска новых средств сценической выразительности. Но если нам уже дали венгерский (прогрессивные пьесы), стоит ли изобретать к нему колесо? Отмычки мучительно подбирают для незнакомых зрителей, вряд ли нормальному человеку придется в голову взламывать собственную дверь, если в его карман забытыми рукой старенькой мамы вложены ключи.

Можно обнаружить в этом вину драматургов. И вину критиков, которые из статьи в статью продолжают оценивать творчество студий по явно заниженным критериям. В общем-то понятно умиление журналистов, что молодые люди теперь не пьют и подъезжают, и проводят свой досуг в театральном коллективе. Ничего не имея против борьбы за трезвость, хочу тем не менее освадомиться: стоит ли рекламировать спектакль только оттого, что его участники стали опять же выглядеть?

ЧТО ЗА ДУХ ВИТАЕТ НАД СТУДИЯМИ? Много-много лет назад Лев Ни-

колавич Толстой произнес странную фразу: «Вы знаете времена, когда эстетикой становятся этика. мнение бесспорное для основателей студийного движения. Студии начала века, как и 80-х годов, существовали во многом благодаря той особой атмосфере взаимономинации, доверия, единомыслия, которая позже зафиксировалась в словосочетании «студийный дух».

Посмотрим для начала, как уважаемые организации способствуют процветанию дружбы и единомыслия в студиях 80-х. Можно только удивляться тому, как студийный дух в считанные часы не выветрился из театра-студии Е. Озерцовой после того, как ей пришлось уволиться с работы в студии соответственно остаться без помещения. Администрация Дома культуры, в котором была прописана студия, не могла допустить, чтобы в «Лефортове» игралась «Исход актера» М. де Гельдерода. Знаете почему? В спектакле актриса «раздается до бедер», и много сексуальных намеков».

А вот чрезвычайно любопытный поступок Агентства любительских театров, призванного помочь студиям в решении всех их проблем. Агентство назначило свой приз на «Игры в Лефортове-87». Со сцены в заключительный торжественный вечер было объявлено, что обладателем премии становится театр-студия «ТЕМБР». А вот дальше произошла забавная вещь: оказывается, правление Агентства, состоящее из участников «Игр в Лефортове-86» (кстати, ни один из них не удо-

стоил своим визитом «Игры-87-го года), должно еще раз посмотреть спектакль-призер, и только после этого станет ясно, верное ли принятное решение.

К «Играм в Лефортове-87» новые студии подошли уже во всеоружии прошлогоднего опыта. Видимо, поэтому — чудовищная ситуация — на спектаклях студий появились клакеры. Клакерство — дополнительная система наима людей, бурно поддерживающих или проваливающих спектакль, влияющих тем самым на общественное мнение и коммерческий успех предприятия. Клакеры — в самодеятельных коллективах! А собрать все оставшиеся незаполненные анкеты социологического исследования с тем, чтобы прибавить баллы зрительской оценки своей студии и по возможности убить другим, — каково??

В газете появляется рецензия, в которой театр-студия АМО ДК ЗИЛ названа народным театром (она при нем формально состоит). Что ж, досадная оплошность, но дома у автора раздаются встревоженные звонки, требующие опровержения, несмотря на положительную оценку спектакля. Оказывается, народный театр давно уже «на ножах» с конкурентной фирмой — театром-студией.

Все это еще цветочки. «Ягодкой» (в прямом и переносном смысле слова) стал спектакль «Собачье сердце» театра-студии «Группа граждан». Он был отобран для участия в «Играх», на него возлагались большие надежды (справедливости ради надо заметить, что в итоге они оправдались, и спектакль получил диплом). Но не прошло и двух недель с того момента, как комиссия побывала в студии, а в результате скандала «Группа гра-

ТАНТЫ?

«Синтаксис» А. И. Островского и постановка Историко-этнографического театра.

Горностаевское открытие: театр-студия № 8 показывает спектакль «Мастера и Маргарита».

Наши гости из Риги. Театр-студия № 8 показывает спектакль молодого драматурга Л. Гундарса «Седьмой».

«Буклун» по произведениям Г. Маркса, Р. Блумфельда, Ф. Магнуса показывают студии «Модели».

Один из основателей студийного движения, народный артист СССР, ректор школы-студии МХАТ О. Табаков помогает нынешним любителям создать праздничную атмосферу открытия.

Владимир АНИСИМОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»

АКТ и ФАКТ

Сначала должен извиниться перед читателями, приславшими множество откликов на статью Ольги Вересенко «Амбиция» («Смена» № 6, 1987 г.), за столь долгое молчание. Некоторые наши подписчики уже прислали повторные письма, требуя сообщить, как сложилась судьба Владимира Гулевича — молодого рабочего из карельского поселка Вяртсиля. Дело в том, что комиссия Карельского облсовпрофа, выезжавшая для проверки фактов на Вяртсильский металлургический завод, прислали в редакцию опровержение. В одном, правда, комиссия согласилась с выводами журналиста: «В статье правильно отмечен низкий технический уровень предприятия, неблагоприятные условия труда, нерешенные социальные проблемы». Но основной факт, послуживший поводом для выступления журнала в защиту молодого рабочего, категорически отвергается: нарушен законодательства, сообщает облсовпроф, при увольнении Гулевича не выявлено. Так кто же прав? Потребовалась новая командировка, новое разбирательство...

Поскольку история конфликта волочильщика проволоки Гулевича с директором завода В. А. Владимировым изложена достаточно обстоятельно в «Амбиции», напомню только финал.

19 июня 1986 года Володя получает выговор — за низкую трудовую дисциплину (не выполнил норму).

20 июня следует второй выговор — за отказ работать на волочильном стане 2/550.

21-го профком завода дает согласие на увольнение Гулевича В. П. по пункту 3 ст. 33 КЗоТ РСФСР (за систематическое неисполнение обязанностей без уважительных причин).

Сортавальский городской нарсуд отказал Гулевичу в иске о восстановлении на работе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Карельской АССР оставила кассационную жалобу Гулевича без удовлетворения.

Заведующая отделом облсовпрофа В. Н. Пивненко пояснила мне:

— Если бы были хоть малейшие нарушения трудового законодательства при увольнении Гулевича, мы бы, разумеется, вмешались и потребовали восстановить его на работе. Но все было сделано по закону.

Валентина Николаевна, а также технический и правовой инспектора пробыли на заводе почти неделю. Результатом их командировки и явилась справка-опровержение. Приняли сотрудника «Смены», впрочем, вполне доброжела-

тельно, постарались предварительно ввести в круг проблем, стоящих перед Вяртсильским заводом. В конце разговора, собираясь уже прощаться, я знал в общем-то необязательный вопрос:

— Ну, а какое впечатление произвел на вас сам Володя Гулевич? Так, чисто по-человечески?

— А мы с ним не беседовали.

— ?!

— Ведь мы обследовали общее положение дел на заводе, а не этот частный случай.

Признаюсь, я тогда не нашел слов по поводу такой интерпретации событий... В опровержении «частному случаю» посвящено три с половиной страницы машинописного текста. Комиссия, судя по всему, вполне добросовестно поработала с бумагами. Перечислены все взыскания, полученные Гулевичем с 1984 года — за нарушения техники безопасности, дисциплины... Всегда ли бумаги справедливо, объективно характеризуют человека?

На следующий день в Сортавальском суде я читал «дело» Гулевича. Безнадежное, надо прямо сказать, дело. Два выговора есть. Согласие профкома есть. Гулевич пишет жалобы в судебные инстанции — получает отказы. Уже штук шесть получил. Получит и седьмой, потому что никаких процессуальных нарушений городской суд не допустил.

Не хочу — да и не имею таких полномочий — ревизовать решение суда. Но есть одно обстоятельство, которое в конечном счете должно было существенно повлиять на это решение.

Еще раз цитирую строчки из опровержения.

«20 июня 1986 г. тов. Гулевич В. П. получил наряд на работу на волочильном стане 2/550, но работать отказался, мотивируя тем, что стан неисправен. В этот же день была создана техническая комиссия, которая обследовала техническое состояние стана и дала заключение о его исправности. Выражать недоверие членам комиссии оснований нет».

Акт той комиссии фигурировал на суде; на него ссылаются также вышеупомянутые инстанции, разбирающие жалобы Гулевича.

Володя отказался работать на стане, прозванном в цехе «головорезом». Буквально двумя днями раньше произошел случай: вылетел наматывающий проволоку грейфер стана, едва не задавил рабочего.

Комиссию создали сразу же после Володиного отказа. Подозревали опытного волочильщика, тот намотал несколько мотков проволоки. «Может, хватит?» «Работает?» «Работает». « Зна-

чит, все в порядке!» Так примерно родился акт, сыгравший свою роль в последующих бедах Гулевича. Несколько месяцев он не мог найти работу в своем поселке и только после вмешательства корреспондента журнала сумел устроиться в местную строительную организацию, где работает и по сию пору. Тогдашний начальник отдела техники безопасности Ю. П. Пащенко твердо стоит на своем: стан был исправен! Но не все члены комиссии разделяют его уверенность...

Бывший начальник электроучастка В. В. Бойков работает теперь на другом предприятии, но по моей просьбе в цех привел.

— Вадим Васильевич, — спросил я его, — вы подписали акт о том, что стан исправен. Значит, Гулевич был не прав?

— Моя часть — блокировка стана. Она работала. Но опасность вылета грейфера существовала — этот стан вообще конструктивно несовершенен и травмоопасен. Да, бывало, что грейфер вылетал. Во время работы комиссии упора на это не делалось. Мы, составляя акт, основывались на том, что другие-то работали!

— Так насколько этот стан отвечал требованиям техники безопасности? Если судить без всяких склонностей на производственную необходимость, строго по правилам?

— Если строго по технике безопасности, то Гулевич отказался работать правильно. Но тогда здесь почти на любом стане нельзя работать!

Примерно то же самое подтвердил мне и начальник механического участка, член той злополучной комиссии Станислав Евгеньевич Вихров: да, прозвали стан «головорезом»; да, выскакивал у него грейфер; да, Гулевич правильно отказался от работы... Но что — слова? Подписи Бойкова и Вихрова стоят на бумаге — акте, а в суд свидетелями их не вызывали — там комиссия представляла Пащенко... Думали они, как та бумага отзовется на судье другого человека (имеющего, к слову, двоих малых детей)? Возможно, тогда — нет, не думали. Но и сейчас я не ощутил никакого движения души: пойти куда-то, рассказать, объяснить, как все было на самом деле...

Еще такая «деталь». На суде в Сортавале свидетелям задавался положенный вопрос: «В каких отношениях вы находитесь с истцом?» «В нормальных», — отвечали все. А что значит — «нормальные» отношения? Да и какие там «нормальные»! С некоторыми свидетелями у Гулевича только до драки не доходило. Но в их показаниях сомнений как раз и не возникало...

После статьи «Амбиция» механикам дали срочное задание: остановить стан

и изменить конструкцию грейфера. Так что прибывший в Вяртсиля технический инспектор облсовпрофа увидел стан уже в демонтированном виде.

Обо всех своих сомнениях по поводу правомерности последнего выговора, объявленного Гулевичу, я рассказал директору завода, парторгу, секретарям горкомов партии и комсомола. Ждал несогласия, новых доказательств вины рабочего; думал увидеть желание разобраться в конфликте еще раз — с учетом вновь открывшихся обстоятельств. Ошибся... С директором и парторгом был долгий и довольно тяжелый разговор о том, что не нужно еще раз писать обо всей этой истории: страсти после первой публикации вроде улеглись, забылись, а второе выступление журнала внесет разброда, пагубно отразится на настроении коллектива.

После командировки позвонил Пивненко в Петрозаводск, также изложил свое мнение. Кажется, новые факты облсовпроф не заинтересовали. Возможно, в Петрозаводске и Вяртсиля удивятся: почему редакция не придала значения приведенному в опровержении списку предыдущих «прегрешений» Гулевича? Да хотя бы потому, что за прошлые проступки он наказание уже получил, а у нас же разговор по одному конкретному делу — увольнению. (Кстати, последний выговор поневоле заставит сомневаться: а все ли Володины проступки действительно имели место?)

При последней встрече с Владимиром мы договорились: он пригласит Гулевича для откровенного мужского разговора, посоветуется с рабочим коллективом, а потом позвонит в редакцию — удалось ли решить конфликт мирным путем, без журнальных статей. Я ждал звонка полтора месяца... И тогда материал пошел в набор.

Рассказать о происходящем побуждает меня не только судьба одного молодого человека. В ответ на «Амбицию» пришло немало читательских писем из разных мест, которые начинались одинаковыми словами: «А у меня был точно такой же случай...» И вот какая проблема заявляет о себе все остнее: а так ли защищен социально каждый человек, как мы привыкли думать? Казалось бы, целый свод разумных, справедливых законов охраняет наши права. Но, оказывается, достаточно ложных показаний — а с ними можно сравнить «акт» вяртсильской комиссии, — чтобы молодого рабочего уволили «по всем правилам», в точном соответствии букв закона. Почему люди годами ходят по заколдованным кругу инстанций, добиваясь осуществления своих прав, восстановления доброго имени? Почему жалобы и сегодня возвращаются тем, на кого жалуются? Что делать человеку, если по форме с ним поступают правильно, а по существу издеваются?

И что делать, если даже профсоюзные работники, призванные защищать права рабочего, не удосуживаются встретиться с уволенным рабочим, судят о нем по бумагам и говорят: это, мол, «частный случай»?

Лодка ткнулась в берег, густо поросший травой и кустарником.

От подслеповатого домишко на пригорке покатился по тропе навстречу нам лохматый пес. Никто не смог бы определить его породу: уши висят, хвост торчком, шерсть густая и длинная, широкая грудь, крепкие лапы.

— Не бойтесь, не укусит! — крикнул невысокий, загорелый нивх неопределенного возраста. Был он одет в рыжую ковбойку и черный поношенный пиджак, на голове — кепка. Мы и не заметили, откуда взялся человек на берегу. Из травы вынырнул, что ли?

Одной рукой хватая за ошейник не в меру любопытствующего пса, другой принимая из лодки тяжеленные рюкзаки, человек между тем успевал знакомиться.

— Степан! — весело и как-то удивленно, будто впервые осознавая себя Степаном, представлялся он. И лодочкой совал свою ладонь, сухую и крепкую. Мы выгружали канистры с бензином, палатку, спальные мешки, надувную лодку-резинку, спиннинги.

В сутолоке прибытия и спешке разгрузки Виркин, наш давнишний приятель, хозяин рыбосчетной станции на речке Ул, пригласивший нас провести отпуск в тайге, нашел время негромко, как бы между прочим, поинтересоваться:

— А водку привезли?

Мы с другом переглянулись: с чего бы Виркину такой вопрос задавать? Сколько его знаю — он славился двумя качествами: неутомимого борца за чистоту речки Ул и гневного неприятеля спиртного. Неужели...

— Да нет, — криво усмехнулся Виркин, угадав наш вопрос, — если водка есть, чтобы Степану — ни-ни...

Степан охотно помогал перетаскивать груз в дом, распаковывать рюкзаки, вывешивал на просушку наши подмоченные во время переезда по озеру спальники. Делал все ловко и спортивно. А потом, когда мы присели передохнуть, так же споро взялся накрывать стол. Первым делом поставил глубокую тарелку с красной икрой, присипав ее сверху кружочками лука. Пояснил:

— Для хруста... Икра без хруста — разве ж это закусь?

Открыл банку маринованных маслят — шляпки одна к одной, все размером с пятак. Щедрой рукой плеснул в чашки золотой сазаньей ухи. А когда щербатый чайник на печке тонко запел, заверещал носиком, загромыхал крышкой, Степан, лукаво подмигнув, объяснил:

— Чего-то, однако, не хватает, а?

Ситуация складывалась пикантная. Я уже потянулся было к рюкзаку, где в кармане лежала фляжка с «Н3», но грозный Виркин, сдвинув кустистые брови, объяснил:

— Ребята непьющие! Совсем...

Здесь, в тайге, мы находились на суверенной территории Виркина, и подчиняться ему должны были беспрекословно.

Отсутствие спиртного Степана не рассстроило. Мне показалось — даже обрадовало. В движениях Степана пропала суетливость: напряженный хохоток вспремешку с неумолкаемым говорком сменился хорошей, обстоятельной беседой.

Говорили о рыбалке, о грибах, об осени, о «золотушниках», поставивших драгу в верховьях Ула и время от времени загрязняющих нерестовую речку. Виркин об этих безобразиях только в Москву телеграммы не отбивал. Быстро темнело. Затихал разговор. В темноте комнаты вспыхивали огоньки папирос.

— Ну ладно, — Виркин поднялся, с хрустом расправил плечи, — устали сегодня. Пора отдыхать. Спасибо тебе, Степан, за ужин... Завтра готовься, поплыешь с ребятами на зимовье. Будешь за Дерсу Узала, ты ведь у нас следопыт отменный!

Мы вышли со Степаном на крыльцо. Будто угадав мои мысли, Степан заметил:

— Глянь, несколько домов от Кульчей осталось: виркинский, мой «курятник» — он кивнул на покосившийся домик-сарайку, — да еще метеостанция. Во-о-он, огоньки горят. Молодежь после училища стаж отрабатывает. Кто год выдерживает, кто два... Ну, глиссер раз в месяц зарулит — почту подвезет, ну, грибники-ягодники на воскресенье подскочат... А зимой тоска зеленая. Снег, мороз и тайга.

Судьба Кульчей, родной деревни Степана, брошенной людьми, затерявшейся в дальневосточной тайге, была понятной для нас обоих. Неисчисляемыми косяками когда-то ходила в здешних речках рыба: сазан, калуга, щука, толстолоб. Летом и осенью поднималась на нерест кета-кормилица. В Кульчах, помимо оленеводства, колхозники занимались рыбалькой: добывали отличного сига — все Нижнеамурье кормилось.

Продолжая разговор со Степаном на крыльце, я задумался: где впервые мне довелось увидеть брошенный дальневосточный поселок? То ли за Нико-

лаевском-на-Амуре, на мысе со странным названием? Мы заметили я вдруг цепочку приземистых, протянувшихся вдоль берега домов и обрадовался: две недели провел в тайге без людей, хотелось тепла и света. Как же печально встретила меня деревенька! Заросшие лебедой огорода, заколоченные двери домов, павшие кресты на могилах за окопицей...

Или это было на Шантарских островах? За валом плавника — выброшенных морем и просущенных солнцем бревен, досок, ящиков и веток — мы увидели избы и хозяйственные постройки: склады, крытые гофрированным железом, навесы и столы, на которых, по всей вероятности, шла разделка китовых туш, лебедки. Самым поразительным оказалось то, что и нехитрая техника, и дома, похожие на грибы-боровички, — все это в отличие от деревни на мысе Мы было крепким и могло еще послужить.

Здесь жили люди. Рожали детей, раздавались цветами багульника и первому снегу, хоронили своих предков, шедших сюда, «встречь солнцу», чтобы открыть новые земли и зажить новой жизнью.

В Охотской тундре паслись стада оленей, в Аяно-Майской тайге бродил несчитанный зверь, по осени гулкое небо над речками и озерами застилали стаи перелетных птиц. И люди жили здесь — в краю супровом, но благодатном. Жили основательно.

Что же не получилось-то у нас, их внуков и правнуков? Почему пустыми глазницами выбитых окон смотрят на по-прежнему цветущий мир брошенные дома дальневосточных поселков и деревень? Почему бурьяном порастают жирные пашни, некогда отвоеванные у вековой тайги? Почему нескошенны-

ми стоят на лугах тяжелые от росы, перезревшие травы?

Не так уж цветущ сегодня этот мир? Не умели хозяевствовать? Повыбили зверя и птицу, выловили рыбу? Наверное... Но и это не полное объяснение.

Можно ли было при индустриальных задачах развития Дальнего Востока сохранить природу? Можно. И кое-где это удалось.

Запретило государство вылавливать некоторые породы ценной амурской рыбы, запасы которой были подорваны интенсивным промыслом. Нижнеамурский люд, мудрый опыт поколений, новый закон поддержал. Не только восстановлено, но и увеличено, скажем, стадо калуги, этой амурской царь-рыбы.

И звери в тайге остались. Тот же Виркин каждую зиму сдает государству пушнины на несколько тысяч рублей.

Нет, думаю, не в том только дело, что оскудела земля дальневосточная, что запасы ее подорваны. Какая-то жила надорвалась внутри нас. Какой-то важный корень, соединявший нас с землею предков, то ли подзасох, то ли сгнил совсем. В тоске ли зеленой, заставившей покидать родные места и искать новой жизни в городах, кроется этот недуг? Мы подались «стирать грани между городом и деревней», а тем временем некому стало пасти оленей, ловить рыбу, зверя добывать.

Года два назад заезжал на средний Амур, в поселок Сикачи-Алян, известный древними рисунками на камнях — петроглифами. Живут в Сикачи-Аляне нанайцы; есть там маленькая мастерская по пошиву тапочек с национальным орнаментом. Заходжу. Сидят седые старухи и пожилые женщины —

Фотоколлаж Михаила Эмельяна

Александр КУПРИЯНОВ

ОСКУДЕНІЕ

Задание редакции гласило: подготовить материал о британской рок-группе «Юрай Хип» и ее гастролях в СССР. Работа не сулила особых трудностей. Материал виделся мне чем-то вроде заметки под условной рубрикой «В записную книжку меломана»: краткая история группы, ссылки на зарубежную музыкальную прессу, выдержки из интервью с музыкантами и их импресарио, отчет о пресс-конференции, впечатления от концертов... — в общем, просто и без затей. Задача до предела облегчалась еще и тем, что «Юрай Хип» — группа знаменитая и информации о ней предостаточно в любых музыкальных справочниках и энциклопедиях (правда, лишь зарубежных, что не может не вызывать сожаления, но это уже тема отдельного разговора).

Однако от намеченного плана статьи очень скоро пришлось отказаться. Впечатления, полученные на концертах и за кулисами, на пресс-конференции и в беседах с членами ансамбля, настоятельно потребовали перевести разговор о прошедших гастролях совсем в иную плоскость, использовать их как отправную точку, как повод порассуждать о более важных вещах. Правда, собственно музыкальная сторона концертов при этом неминуемо отходила на второй план, но по крайней мере два аспекта состоявшихся гастролей, обсуждение которых мне хотелось вынести на страницы журнала, по-моему, стоили этой жертвы. Хотя бы уже потому, что оба они, впервых, касаются не только прошедших, но и будущих выступлений зарубежных (да и советских) рок-музыкантов, а во-вторых, до некоторой степени выходят за рамки столь узкой темы, какой является рок-музыка, и имеют прямое отношение к таким понятиям, как гласность, демократизация, перестройка нашего общества.

Итак, о чём же пойдет речь?

О том, какими методами следует обеспечивать соблюдение общественного порядка в зале, чтобы не оскорблять при этом зрителей, не нарушать их законных прав и не провоцировать конфликты между публикой и милицией. И еще о том, насколько оправдана новая практика совместных выступлений двух рок-групп — советской и зарубежной (в данном случае «Землян» и «Юрай Хип») и каковы должны быть критерии отбора партнеров. А также о том, как настоящий артист должен относиться к собственным неудачам...

Но сначала я хочу выполнить свой долг перед редакцией и сотнями читателей, приславших в журнал письма с просьбой рассказать об ансамбле «Юрай Хип»...

Рок-группа возникла в Лондоне в 1970 году на волне массового увлечения музыкой в стиле «хард-рок», начало которому положил ансамбль «Лэд Зеппелин». Основатель «Юрай Хип», гитарист Мик Бокс, с четырнадцати лет играл в различных самодеятельных группах, входил в аккомпанирующий состав женского вокального дуэта, а в семнадцатилетнем возрасте стал членом ансамбля «Сталкерс». Через некоторое время к «Сталкерс» примкнул вокалист Дэвид Байрон. Вскоре Бокс и Байрон, подружившись, организуют новый ансамбль «Спайс» и приглашают в него бас-гитариста Пола Ньютона из группы «Годс» и клавишника Кена Хенсли. Последним к «Спайс» присоединяется ударник Кит Бейкер, работавший до того в различных

группах в Бирмингеме и пользовавшийся отличной репутацией.

В этом составе — Бокс, Байрон, Ньютон, Хенсли и Бейкер — группа «Спайс» подписывает в 1970 году свой первый контракт с граммофонной фирмой «Бронз рекордс» и меняет свое название на «Юрай Хип», позаимствовав его у Чарльза Диккенса, — в его романе «Приключения Дэвида Копперфилда» это имя (в традиционной русской транскрипции — Урия Хип или Урия Гип) носит главный отрицательный персонаж, не способный вызвать у читателя ничего, кроме ненависти и отвращения. Такой на первый взгляд странный выбор не случаен — стремление удивить, ошеломить, эпатировать и «напугать» публику всегда было свойственно «тяжелым» группам. Понятно, что музыка «Юрай Хип» носила черты вторичности, подражательности, и она ничем не выделялась среди десятков ее подобных. Популярность к группе пришла не сразу. Если первые два альбома — «Очень напористый, очень роккий» (*Very'ous, Very'umb'e*, 1970 г.) и «Солсбери» (*Salisbury*, 1971 г.) — вызвали умеренный энтузиазм публики, то уже третий — «Посмотри на себя» (*Look at Yourself*, 1971 г.) — поднялся в британском хит-параде весьма высоко. Четвертый альбом группы «Демоны и колдуны» (*Demons and Wizards*, 1972 г.) и следующий за ним «День рождения волшебника» (*Magician's Birthday*, 1972 г.) знаменуют собой, пожалуй, высшую точку в карьере ансамбля. Оба эти диска, так же как и вышедший годом позже двойной концертный альбом (*Uriah Heep Live*), стали золотыми по обе стороны Атлантики. Следующие диски ансамбля — «Сладкая свобода» (*Sweet Freedom*, 1973 г.) и «Чудомир» (*Wonderworld*, 1974 г.) — не внесли ничего нового в стиль «Юрай Хип», и популярность группы стала падать. Между членами ансамбля начался разлад. Одни музыканты покидают группу, другие вливается в нее, и, несмотря на эту чехарду, ансамбль каждый год выпускает по одному, а то и по два диска.

В «Юрай Хип» образца 1987 года, помимо гитариста Мика Бокса (единственного бессменного члена ансамбля со дня его основания), ударница Ли Керслейка и бас-гитариста Тревора Боулдера, входят певец Берни Шоу и клавишник Фил Лэнсон.

Зарубежная музыкальная критика в целом довольно холодно оценивает творчество ансамбля. Американский журнал «Роллинг стоун» называет «Юрай Хип» «худшей из всех коммерчески успешных групп», а Дэвида Байрона, вокалиста группы на протяжении шести наиболее удачных лет (1970 — 1976) — «самым заурядливым певцом за всю историю рока». Так или иначе, невозможно, по-моему, отказать ансамблю в высочайшем профессионализме, да и огромная популярность его у публики многих стран не вызывает сомнения: в мире продано более 30 миллионов экземпляров дисков «Юрай Хип», ансамбль совершил множество гастрольных поездок по всем континентам мира.

И вот «Юрай Хип» в Москве. Для любителей рока в возрасте от 30 до 40 лет этот ансамбль — легенда! Советские ценители рок-музыки вообще не избалованы знакомством со звездами мирового уровня, а что уж говорить про такой стиль, как «хард-рок»! Правда, лет семь назад фирма «Мелодия» выпустила лицензионную пластинку «Юрай Хип» (как это случилось — до сих пор непонят-

ПОСЛЕ ХИППИ

Владимир ФРАДКИН

но), но, то ли убоявшись собственной смелости, то ли напуганная звонком «сверху», быстро пустила под нож красочную обложку пластинки с цветной фотографией группы («Страшные-то какие! И волосатые! Ужас!»), и дальние пластинка продавалась уже в невзрачном олеком конверте. Увидеть же «Юрай Хип» живьем — об этом еще несколько лет назад нельзя было и мечтать...

Вечером 7 декабря, в первый день гастролей, огромная толпа счастливчиков, имеющих билеты, запрудила все пространство между станцией метро «Проспект Мира» и крытым стадионом спорткомплекса «Олимпийский», где проходили концерты. Судя по афишам, сначала должны выступать «Юрай Хип», а за ними — «Земляне», но все уже знали, что будет наоборот. Наконец, я в зале. Выглядит он непривычно: там, где традиционно располагался партер, зияет огромное пустое пространство, огороженное металлическими барьерами и оцепленное милицией и дружинниками. От первых рядов до сцены — никак не меньше 30 метров. Блюстителей порядка немало и в зале — они стоят группами по двадцать человек в каждом проходе, с перегородками устройствами в руках, и настороженно следят за зрителями.

Концерт начинается с опозданием на полчаса. Ведущий — штатный конферансье группы «Земляне» — призывает публику аплодисментами поблагодарить Госконцерт СССР за организацию гастролей (сей призыв как-то не вяжется с едва успевшими отзвучать многократно повторенными радиообращениями: «Госконцерт СССР приносит извинения за задержку начала концерта...»), а затем представляет группу «Земляне». Он говорит, что «Земляне» — одна из самых популярных и любимых в Советском Союзе групп (в зале — свист и топот), вот уже более полутора десятков лет работающая в стиле «хард-рок» (в зале — хохот, улюлюканье, выкрики: «Это что — «Трава у дома», что ли?»). Выступление «Землян» публика принимает холодно. Попытка музыкантов расшевелить зал во время исполнения песни «Волны» превращается, по сути дела, в балаган — «Земляне» уговаривают подлевать сначала девушек, потом юношей, первые ряды, галерку, но зрители в подавляющем большинстве остаются безучастными. 40-минутная программа «Землян» заканчивается. На сцене снова появляется ведущий. «Земляне», Советский Союз! — гордо заявляет он, широким жестом указывая на музыкантов.

Антракт вместо обещанных 10 минут длится полчаса. И вот на сцене «Юрай Хип». То, чего так и не удалось добиться «Землянам», с легкостью получается у англичан: публике в восторге. Свет, пиротехника, последовательность номеров — все тщательно продумано, отточено до мелочей. Несмотря на частые изменения в составе, стиль группы почти не менялся на протяжении 17 лет ее существования, а потому в концертной программе «Юрай Хип» очень естественно сочетаются новые композиции (три из них исполнились в Москве впервые и войдут в очередной альбом, выпуск которого намечен на начало 1988 года) и старые «хиты» — «Легкая жизнь», «Июльское утро», «Цыганка», «Леди в черном», «Посмотри на себя». Солист группы Берни Шоу спрыгивает со сцены и бежит к зрителям. За ним устремляются теле- и кинооператоры, фотокорреспонденты. Шоу приглашает публику спуститься вниз, заполнить

пустое пространство перед сценой и танцевать. Он даже начинает сам разтаскивать барьера, но, оказывается, последовать его приглашению нельзя: первых же энтузиастов уводят милиция. Танцевать в проходах также запрещено...

Длившееся более полутора часов выступление «Юрай Хип» подходит к концу. Разгоряченная публика подпевает, хлопает в такт и не оставляет попыток приблизиться к сцене, но все подходы к ней плотно перекрыты шеренгами милиционеров. Наиболее строптивых зрителей удаляют из зала.

«Мы приехали не только выступать, но и общаться с публикой, — говорил потом на пресс-конференции Мик Бокс, — а что это за общение, если между нами и зрителями 30-метровая мертвая зона, — мы плохо видим их, не слышим их реакцию, а они плохо видят нас. Аппаратура на сцене установлена так, что по бокам зала не только ничего не видно,

но и почти ничего не слышно, и сидящим там зрителям, конечно же, хочется подойти к сцене. Группа впервые сталкивается с подобным методом организации концертов, и ее это очень беспокоит». Импресарио группы Ласло Хегедюш добавил: «Госконцерт обещал нам, что перед сценой можно будет танцевать. Мы привезли с собой специальный 24-метровый щит, который устанавливается перед сценой (такова практика во всех странах мира) и обеспечивает полную безопасность как зрителей, так и музыкантов. На концерте Томаса Андерса в Ленинграде, где директор Дворца спорта проявил понимание специфики мероприятия и взял всю ответственность на себя, перед сценой танцевало более двух тысяч человек — в основном подростки от 12 до 17 лет — и не произошло ни единого инцидента. А ведь публика, пришедшая на «Юрай Хип», гораздо взрослая и будет вести себя более ответственно! В чем же здесь опасность? В СССР мы снимаем фильмы о гастролях «Юрай Хип» в Москве, он, конечно же, войдет в историю рок-музыки — так что же это будет за фильм, если в нем не видно публики, если группа выступает перед пустотой?.. От себя хотел бы добавить: если перед пустотой — это еще полбеды. Но, скорее всего, в фильме будет другое — как милиция разгоняет зрителей, осмелившихся... танцевать. Кстати, могу сообщить причину, по которой первый концерт начался с полувременным опозданием — группа отказалась выходить на сцену, пока не будет заполнен партер, и ее еле удалось уговорить.

О необходимости соблюдать меру в стремлении поддержать порядок на рок-концертах, об излишней «строгости» и «придирчивости» милиции и дружинников наша пресса уже писала в связи с гастролями в Москве другой британской группы — «Ю-Би 40». Некоторые надежды на улучшение ситуации пробудили концерты Билли Джозефа.

Адриано Челентано, Томаса Андерса. Но гастроли «Юрай Хип» показали, что эти надежды не оправдались, что психология «как бы чего не вышло» живя. Газета «Комсомольская правда» откликнулась на выступления ансамбля статьей под красноречивым заголовком «Концерт по стойке «смирно». Жестко, но справедливо. Мы говорим о демократизации, гласности, перестройке, новом мышлении (сам факт приглашения «Юрай Хип» в Москву свидетельствует о том, что эти процессы в области культуры идут), к нам внимательно присматриваются друзья и недруги из-за рубежа, но такой «организацией» гастролей мы разочаровываем друзей и вкладываем в руки недругов крупный козырь: дескать, если уж у них с безобидными меломанами так расправляются...

А что думают по этому поводу официальные инстанции? Заведующий отделом организации и обеспечения гастролей зарубежных артистов в СССР Госконцерта СССР В. А. Тимошенков сообщил мне, что, следуя пожеланиям импресарио группы и сложившейся традиции проведения подобных концертов, Госконцерт СССР письменно ходатайствовал перед дирекцией спорткомплекса «Олимпийский» о том, чтобы пространство перед сценой было заполнено зрителями, но вопрос так и не был решен, хотя поднимался задолго до начала гастролей.

Заместитель начальника Дзержинского РУВД Л. А. Крамаренко, отвечающий за охрану общественного порядка в спорткомплексе «Олимпийский» во время гастролей, считает, что зрителям перед сценой делать нечего — туда билетов не продавали. «В билете указано место, вот пустят и сидят. Вообще же режим в зале устанавливает дирекция спорткомплекса, мы только обеспечиваем его соблюдение». Количество привлеченных к охране порядка сотрудников милиции Л. А. Крамаренко сообщил отказаться, ограничившись заявлением, что «их было столько, сколько необходимо». Впрочем, на мой вопрос о том, каково его личное мнение о разумности введенных ограничений, Л. А. Крамаренко ответил: «А по мне, так пусть танцуют. Пришли отдохнуть — ну и отдохните себе на здоровье!»

Отправляясь на беседу с директором крытого стадиона спорткомплекса «Олимпийский» В. М. Чурилиным, я, по правде говоря, думал встретить непонимание, однако обаятельный и любезный Владимир Михайлович подробно и честно ответил на все вопросы, и выяснилось, что он и сам приложил немало усилий, чтобы добиться для публики разрешения танцевать, но они оказались тщетными.

И В. М. Чурилин, и Л. А. Крамаренко, и руководитель КООД Л. Чеботарев в один голос говорили о необходимости контролировать ситуацию во время концертов. И тут я с ними согласен. Правда, некоторые доводы моих собеседников звучали наивно, в других проглядывала перестраховка. Мне говорили, что выступления «Юрай Хип» — это концерты, а не дискотека, и публика должна слушать сидя, а не танцевать. Помилуйте, возражал я, такое заявление свидетельствует о полном непонимании специфики рок-концертов, неотъемлемой частью которых является атмосфера раскованности и свободы, бурная эмоциональная реакция зрителей на музыку, проявляющаяся, в частности, и в танце. Мне говорили, что к таким концертам наша публика не готова, что она плохо воспитана. Но она никогда не будет готова, если над ней стоять с дубиной, возражал я, а что до воспитания, то методы, которыми порой действует милиция,

ОСКУДЕНИЕ

вряд ли могут способствовать повышению культуры зрителей и служить им положительным примером.

Но в некоторых моментах я не мог не согласиться с моими соисследниками. Они приводили удручающие факты: на одном из концертов изъят самодельный нож, на другом — задержана находящаяся в невменяемом состоянии группа наркоманов, некоторые зрители заявлялись на концерт изрядно пьяными. Возбужденная толпа действительно может стать неуправляемой!

Словом, проблема налицо. Какими же все-таки должны быть разумные способы поддержания порядка? Здесь есть над чем подумать. Чрезмерное количество милиции и дружинников, а подчас и методы, которыми они действуют, вызывают у публики естественное раздражение, провоцируют инциденты. И уж коль даже мои соисследники единодушно признают, что выглядит все это ужасно, значит, надо что-то менять. Как? У меня нет готовых рецептов. Надеюсь, читатели журнала высажут в письмах свои соображения на этот счет. Я же со своей стороны рискну предложить в качестве одного из вариантов, почему бы перед концертом не обратиться к зрителям с простыми, человеческими словами? Например, так: «Дорогие друзья! Вы пришли на выступление своих кумиров, хотите отдохнуть, приятно провести время. Администрация спорткомплекса постарается сделать для этого все, что в ее силах. Но согласитесь, что безопасность зрителей и артистов — в наших с вами общих интересах. А потому мы просим вас помнить: пространство перед сценой могут, если пожелают, занять зрители, сидящие в секторах номер такои-то и такои-то. Остальных зрителей просим не спускаться к сцене, а приглашаем их танцевать в проходах возле своих рядов или не сходя со своих мест...». Что-нибудь в этом роде. Ведь взаимная доброжелательность — залог превращения любых конфликтов.

В заключение мне хотелось бы посвятить несколько строк новинке Госконцерта ССР — впервые практикуемому совместному выступлению советской и зарубежной рок-групп.

Уже сама идея представляется мне отнюдь не бесспорной: зрители пришли на «Юра Хип», заплатив за это немалые деньги (самый дешевый билет в секторы, где — помните? — ничего не видно и не слышно, стоит 4 рубля), и в этих условиях почти любая отечественная группа должна неминуемо восприниматься как обременительная нагрузка. В данном же случае и «спарринг-партнеры» оказались подорваны неудачно.

Самое же печальное в этой истории — отношение к собственной неудаче самих Землян. На пресс-конференции, руководитель группы В. Киселев сделал заявление, в котором возложил вину за неудачу «Землян» на... журналистов, которые, дескать, приучили публику любить западную музыку и не любить отечественную. (Видимо, В. Киселев запамятовал, что сам же несколькими фразами раньше утверждал, будто музыка не делится на нашу и не нашу, а бывает только либо хороши, либо плохой.)

P.S. А в фильме о гастролях «Юра Хип» в Москве мы все-таки будем выглядеть пристоно. Оказывается, 12 декабря в 15 часов, вне объявленного расписания концертов, ансамбль специально для съемок приехал в «Олимпийский». В пространство перед сценой было запущено 800 также специально приглашенных зрителей, которые изображали бурный энтузиазм московской публики, пока группа исполняла пять песен для фильма.

нитку в ушко иголки с трудом продевают. Спрашиваю: «А молодежь ваша где?» Бабушки с юмором попались, отвечают: «Кто в институте — историю нанайских орнаментов изучает. Потом приедут нас учить. А кто в училище новые станки осваивает». Новые станки, как потом выяснил, с числовым управлением.

Что и говорить, нужны нам операторы станков с ЧПУ. И этнографии заниматься необходимо... Но ведь дело-то до смешного доходит: молодая девчонка-нанайка не то что изящный узор на платье вышить неспособна — не знает, как талу (национальное блюдо из свежей рыбы) приготовить. Молодой человек — по национальности нивх, студент медицинского института, отказывается принять участие в соревнованиях по... лыжным гонкам! Первая считает, что, будущему преподавателю, не обязательно владеть секретами национальной кулинарии. Второй полагает, что ему, врачу районной больницы, не придется на лыжах идти к больному. Что ж, по-своему они тоже правы...

2

...Утром, как только прибыли на зимовье, Виркин пришел проверить свое хозяйство. Штрафы, которыми обкладывали золотодобытчиков после телеграмм Виркина, одно время возымели действие: вода в Уле посыпалась, засеребрилась на длинных плесах. Виркин обрадовался: еще повоюем за речку! И вот на тебе. Опять «золотушники» драгу пустили...

— Прямо здесь пробуйте, — буркает Виркин, — если есть ленок, он везде хватается.

Поднимаем отвороты сапог-«болотников», заходим в речку. Тугие, даже сквозь резину холодные струи сжимают ноги, бурунчиками закапают у колен. Сильная речка у Виркина и Степана — Ул.

На третем забросе у моего друга характерно — резко и коротко — трещит катушка. Жало спиннинга «играет» дугой: быть нам с ухой!

— Подсекай! Слабину не давай! — скутится на косе Степан.

Скоро на косе бьется третий ленок. Мы с другом сматываем катушки.

— Что, больше ловить не будете? — ненатурально удивляется Виркин.

— А зачем больше? Одного на уху, двух — на «жареху». И собаке еще достанется.

Степан между тем уже острит ножик о камень: ленков хорошо разделять свежими, пока не задубели.

На скорую руку мы сварганили уху из свежего ленка. Как всегда, попили на дорожку чая, заваренного на этот раз брусками — ягода в изобилии росла рядом с зимовьем.

Я пошел проводить Виркина к моторной лодке, оставленной километрах в трех от Зимовья: иного пути сюда не было — сначала от Кульчей по протоке и озеру, потом пешком по таежной тропе к зимовью.

— Смотрите, — наказывал Виркин, — Степке ни капли спиртного не давайте. Я потом расскажу, какого я его подобрал в городе.

— А что, он в городе жил?

— На большом заводе токарем работал, семью имел... Жену потерял — кажется, утонула. И тоже все по этому делу. — Виркин выразительно щелкнул пальцем по горлу.

— Ты рисунки в зимовье на стенках видел?

— Да нет, не обратил внимания.

— Посмотри как-нибудь. Сынишка Степана рисует. Он в интернате живет, в Орель-Челя.

другого. Сначала он просто молчит, прихлебывая из кружки. Потом начинает расспрашивать меня про родителей, про деревню, в которой я вырос. Оказывается, в интернате поселка Маго, где я учился в средней школе, у нас были общие знакомые: Саша Дечули, Валя Ходжер. Это так искренне радует Степана, что он хлопает меня по плечу, будто родственника встретил.

Рассказываю Степану, что Валя известным человеком стала — танцует в знаменитом на всю страну ансамбле, ездит за границу, окончила Ленинградский институт народов Севера.

Больше всего Степана поражает то, что Валка Ходжер, их Валка из Орель-Челя, задира и задавака, ездит за границу.

Для Степана, как и для меня, давно стало привычным, что молодежь малых народностей Приамурья многое достигает в жизни. Мой закадычный дружок Юрка в свое время поступил в Сахалинскую мореходку и успешно ее окончил. Врачи, инженеры, учителя — сегодня эти профессии среди нивхов и нанайцев такие же распространенные, как рыбак и охотник. Среди нивховских детей особенно много талантливых рисовальщиков. Думаю что это природный дар: точность линий, гармония цвета, логика композиции — все это подсмотрено и схвачено из жизни тайги, рек и озер, их обитателей — птиц и животных.

Учиться любимому делу, просто ли получать профессию молодежь Приамурья, как правило, едет в несколько городов — Ленинград (там Институт народов Севера имени Герцена), в Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Хабаровск. Вот тут-то и подстерегает их испытание жизнью в городе. Не все это испытание проходит успешно.

Степан осторожно подбрасывает ветки в костер, протягивает руки к огню, словно ему внезапно стало холодно. Долго молчит. А потом рассказывает. Все рассказывает. Без утайки. В то время записывать я не мог, хотя блокнот с ручкой и был под рукой. Поэтому рассказ Степана привожу по памяти.

РАССКАЗ СТЕПАНА

«В городе мне понравилась одна девушка. Ее звали Аня. Я уже работал на заводе токарем. Училище окончил хорошо и водку тогда не пил. Некогда было. Очень увлекся чертежами, за пять минут мог любой, самый сложный, разобрать и прочитать. Мастер на участке по бокам меня хлопал: «Ну, Степка, быть тебе инженером!»

Когда мы с Аней поженились, нам сразу отдельную комнату дали в семейном общежитии. Бригада на свадьбу ходильщик подарила, мы мебель красивую купили. Потом Васька родился. Дружки в общежитии говорят: «Ты, Степан, теперь — глава семейства, семью кормить надо. А у тебя в новом ходильщике вечно пусто... Надо на рыбалку, однако, ехать».

На рыбалку меня каждый год тянуло: какой гиляк без юколя проживет? Отпуск брал в сентябре, приезжал домой в Кульчи, получал справку (представителям малых народностей Амура на время осенней пущины выдается специальное разрешение на вылов определенного количества кеты). — А. К.) и рыбачил себе на здоровье!

Конечно, маленько выпивал. На рыбалке все выпивают...

А тут дружки говорят: «Зачем тебе домой ехать? Сетки есть, лодки тоже, рыбачить будем по ночам недалеко от города... И справка тебе не нужна!»

Вот так и стал браконьером... Сначала мне не нравилось. И Аня ругалась: возвращаюсь под утро пьяненький, на завод то иду, то не иду — спать сильно хочется... А потом я уже сам начал ругаться: «Чего тебе надо? Не только рыбу с икрой приношу — деньги! Ты хоть раз видела, чтобы я такие деньги зарабатывал?»

Поначалу, правда, денег много было: я на рыбалку удачливый — тони знаю, погоду чувствую. Свежую кетину за бу-

тылку водки продавали или за пять рублей... Мы с Аней телевизор купили. ей — красивое платье и пальто с норковым воротником. Может, потому и она стала приветливее к моим дружкам? После рыбалки под утро вернемся — она уже и чай вскипит, и суп разогреет, и стопки из серванта достает... Напьемся и тут же на полу все вместе спать валимся.

Пронесулся я однажды утром — глаз открыть не могу, так голова болит. Но слышу Анию смех, звон посуды на кухне. Гляжу, а она сидит за столом с моими ночными дружками — опохмеляются... Одну рюмку выпила, вторую, за третью тянется. Тут будто кто меня в спину толкнул. Схватил я Анию за руку, сгреб со стола бутылки и посуду! А она на меня драчиться. Пьяная уже была. Ну, понятно... Крик, ругань, Васька плачет, дружки взялись нас разнимать.

Забрали меня в милицию, дали пятнадцать суток за хулиганство. Возвращаюсь домой. Аня притихшая, виноватая. В квартире чистота и порядок, только телевизор разбитый стоит. Это мы его в свалке расколотили.

На работе меня, конечно, разбирали. Но больше так, для порядка. У нас в цехе многие по пьяному делу в вытрезвитель попадали. Подходят после собрания, потихоньку по плечу хлопают: «Ничего, Степка, обойдется...»

И, правда, обошлось. Зима настала — рыбалки нет, я водку пить почти перестал, только в воскресенье и по праздникам. Аня второго ребенка родила — дочку. А мне квартиру не дают — из-за той пьянки очередь передвили. Тесно, конечно, жить стало. Земляки в гости приезжают, домой зовут: «У тебя, Степан, еще изба родительская в Кульчи стоит — пустая. Приезжай, живи, работать будешь, охотиться». А куда мне ехать — я ведь токарь-расточник. И Ане в городе нравится.

Лето настало — опять дружки одолели: «Поехали, Степан, на рыбалку — у тебя рука удачливая: и в инспекцию не попадаем, и кеты много берем. Опять же телевизор надо новый покупать...»

Не выдержал я, даже осенний путины не стал дожидаться — на горбушку и на летнюю пошел. А у горбушки, сам знаешь, икра какая — маленькая, одна к одной, и не давится, если умел приготовить. Отличная икра! За литровую банку по десять — пятнадцать рублей давали.

И снова все по-старому пошло: ночью рыбачим, днем отсыпаемся и пьем. Я на работу совсем перестал ходить. Аня мы тоже для своего дела приспособили — она соседям и знакомым икру продавала. Как мы тогда в милицию не попали, не знаю. А с завода меня уволили за прогулы. Дружки утешают: «Не переживай, Степан, ты на икру да на рыбе тыщи заработаешь...»

Тыщи... Очнулся я как-то после загула: лежу на полу, на рваном полуушке, рядом бутылка из-под «бордотушки» валяется. Васька, сынок, за руку тянет: «Папка, я есть хочу...» А жена моя Аня на тахте с незнакомым мужиком в обнимку спит. Тоже пьяные оба.

Я шуметь не стал. Поднялся потихоньку, повел сына на кухню. А там — шаром покати. Даже того ходильника, подаренного бригадой, нет. Я и не заметил, куда он делился. На столе — куски черствого хлеба, икра в блюдечке, засыпанная леппом от папирос, бутылка с недопитым вином. Я ее схватил и — прямо из горлышка... Поверишь, никогда не забуду: пью, захлебываюсь, а сынишка за руку тянет, дескать не надо, папка... Было тогда ему года четыре.

Сел я на табуретку, заплакал. Аня проснулась, пришла на кухню меня утешать: «Давай, Степан, лучше выпьем. Я вчера бутылочку припрятала. А про Женеву (это про мужика, с которым она начевала) ты ничего плохого не думай, он мой родственник, двоюродный брат из Тахты».

Родственник, значит, говорю... В общем, расколотили мы все последнее, что в доме было. В милиции меня как

3

...Тишина тайги, треск веток в огне — все располагает к разговору необыденному и несуетливому.

Степан — еще раз убеждаюсь — человек, тонко чувствующий настроение

родного встретили — я у них к тому времени частым гостем был. Начальник вытрезвителя как-то попросил батареи отпления наладить. Я быстренько разбрался что к чему, к вечеру управился. Он вздыхает и говорит: «Дурак ты, Степка, дурак! Руки у тебя золотые, за день сделал то, что бригада слесарей за неделю не может... Учиться тебе надо было в техникуме».

А я, точно, когда-то в техникум судостроительный поступать хотел. Чертежи чертить кораблей новых для Амура. Но получилось, однако...

Потом приехала сестра моя из Орель-Чля, поглядела-поглядела на Аню да и забрала ребятишек с собой, в деревню. Мы вроде и не заметили.

А еще через какое-то время выселили нас из комнаты за тунеядство и пьянство. Приехали в Орель-Чля. Там снова пили. Но с Анькой я уже не пил, ушел от нее... Она с кем только не пугалась!

Сидим однажды на пристани, ждем, может, кто пригласит выпить. Подруливает моторка, из нее мужик прыгает — высокий, костистый, брови лохматые. Подходит к нам и ни слова не говоря как пнет ящик. А на ящике у нас закуска приготовлена и пустой пузирек из-под «Тройного» одеколона. Мы уже к тому времени маленько поправились.

Ну, мы понятно, на ноги повскакивали. А мужик (Виркин это был) за шиворот меня схватил — крепко так воротником придушил, чувствуя: задыхаюсь — и говорит: «Сдохнешь на пристани, водки дожидаешься. Я за тобой давно наблюдаю. Собирая свои шмотки, если еще остались, и быстро в лодку! Будешь у меня на станции — рыбосчетчиком работать. Не поедешь сейчас — пропадешь. Я сам когда-то водку сильно пил, знаю...»

Вот так я и вернулся назад, в Кульчи. Водку сейчас почти не пью. Совсем. Ребятишки в интернате живут, учатся. На лето ко мне приезжают. А Аня моя... Что ж, нету больше Ани. Погибла».

Нельзя было тогда записывать за Степаном рассказ, невозможно спросить, как погибла его жена Аня.

Мы молчали. Тревога, беспокойство и настороженность чувствовались в настроении, во всех движениях Степана. «Зря человеку душу потревожил», — думал я.

Судьба Степана предстала передо мной во всей ее трагической сложности. Судьба эта, к сожалению, не исключение.

Цивилизация, пришедшая на берега Амура, несла в себе не только созидающую, но и разрушающую для малых народностей силу. Начальник Амурской экспедиции Г. И. Невельской, первым поднявший русский флаг в устье Амура, понимая всю ответственность русских перед «отставшими народами», положил конец бесчинству многочисленных иностранных торговцев, промышляющих среди нивхов. Особенно жестоко наказывались те, кто «спаивал гиляков и нахально обирал их». Не допускал адмирал снисхождения и к своим подчиненным. Г. И. Невельской писал в книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России»: «Строгое соблюдение нами как бы священных для гиляков их обычая и, конечно, строгое взыскание при них же и с наших людей за всякую причиненную им обиду постепенно располагали гиляков в нашу пользу».

Пьянство — один из самых страшных пороков, разъедающих семьи нивхов и нанайцев, чукчей и удэгейцев, орочей и звенков. Несколько лет назад, еще до опубликованного известного Указа, мне довелось на Чукотке прочитать неопубликованные заметки Юрия Рытхэу. Ходили они по рукам, кочевали из редакции в редакцию.

С боями и гневом писал Рытхэу о том, как спиваются все, от мала до велика, в поселках чукчей. Спиваются до такой степени, что некому идти в море добывать зверя. Юрий Рытхэу предлагал действенные меры: введение «сухого закона» хотя бы на время

промысловых сезонов. Те самые меры, которые успешно применяются (и не только на Чукотке) в наши дни. Но публиковать письма писателя никто не хотел: принято было громко и помпезно писать о расцвете малых народностей в лунах новой культуры... Да разве же кто отрицал животворящий свет этой культуры?

Страна позабыла об интернатах для детей нивхов, созданы ансамбли талантливых нанайцев, чукчи и звенки стали писателями и летчиками. Но не позабыли ли мы о той ответственности старших братьев, которую видел и предполагал еще в XIX веке Геннадий Невельской?

Помню, в общежитии Хабаровского пединститута в комнате рядом со мной жил нанаец — студент-историк (назовем его Витя, он сейчас директором школы стал). Умница, ленинский стипендия, всегда аккуратный и подтянутый Витя частенько растолковывал нам — «филологам» — непростые законы диамата. Отлично стрелял, бегал на лыжах, на уровне перворазрядника играл в шахматы. По воскресеньям в гости к Вите приходил земляк, тоже нанаец — студент медицинского института (назовем его Коля; он и сейчас в Хабаровском крае достаточно известный человек). Коля — тоже отличник и тоже умница.

Витя с Колей расставляли на шахматной доске фигуры, открывали бутылку водки и, сделав первый ход, выпивали по первой рюмке. По мере того как опорожнялась бутылка, разговор Вити с Колей принимал все более агрессивный характер... Наконец, когда летели на пол шахматы, трещали стулья и бились рюмки, мы вырывались в комнату и заставали такую картину: Коля и Витя с окровавленными лицами валялись, вцепившись друг в друга, на полу. При этом друзья-отличники пытались укусить друг друга за нос или за уши. Нет, не анекдот из студенческой жизни припомнится мне! Случай, о котором рассказываю, неизменно повторялся.

Но самое страшное было то, что мы привыкли к этим «шахматным баталиям», более того — ожидали их, как некий барабан или представление. Что характерно, отношение к Вите и Коле, людям умным и уважаемым, ничуть не менялось. А им самим было стыдно. Я это знаю. Поговорить бы по-мужски с ребятами, пристыдить за дикость и безобразие... Ведь никто не догадался!

И Виктор, и Николай нашли в себе силы — бросили пить. Кстати говоря, не такой уж редкий случай среди представителей малых народностей Севера...

Ну, а другие? Те, кто не пересилил себя, не нашел замены проклятой «горячей водичке»? Судьбы их исковерканы и страшны. Поведение Виктора-историка вспомнилось мне однажды в Чукотской тундре. Мы шли с изыскательами на вездеходе из Эгвекинота в Анадырь. Путь этот измеряется не одной сотней километров. Шли почти неделю. По дороге встретилось стадо из оленеводческого хозяйства. Бригадир там был знатный, известный всей Чукотке оленевод, Герой Социалистического Труда, делегат партийных съездов.

Первым делом, когда пришли в чум и сели возле костерка, бригадир поинтересовался:

— Аккымыль есть?
Аккымыль (водка), конечно же, был прихвачен: такое по тем временам и представить невозможно, чтобы в гости к оленеводам без бутылки заявиться?! Значит, не уважаешь бригадира, плохой, значит, ты человек, плохой и жадный.

Я смотрел, как прекрасный мужик, мудрый и лукавый, сильный и гордый, на глазах превращался в обыкновенного слюнтя-пьяницу. Цикл «напился — очнулся — опять напился» он проходил не как русский горемыка — за день, а от порции к порции. Чашка (или из отличного чайного сервиса, специально выставленного хозяйством для дорогих гостей)

дрожала в его руках. Каюсь теперь: не было на нас, «дорогих гостей», Виркин, который мог бы взять за шиворот и крепко встяхнуть: «Вы что делаете?»

Для любого народа алкоголь — беда. Для нас, русских, водка — горе. А для чукчей, нивхов и нанайцев — трагедия. Что ж мы раньше об этом не задумывались?

...Не мог я знать, что завтрашний день приготовит мне серьезное испытание. Мыслить и рассуждать правильно и трезво мы умеем. Но всегда ли поступаем в соответствии со здравым смыслом?

не, хотелось верить в то, что Виркин Степана спасет. Обязательно спасет.

А через несколько дней закончилась наша таежная вольница. Приспела пора возвращаться. В поселок Орель-Чля мы заглянули на несколько минут: из виркинской моторки пересели в по-путный катер- почтовик. Где Степан, что с ним? Искать было некогда.

ПИСЬМО СТЕПАНА

«Здравствуй, Александр! Виркин очень сильно ругался на вас и на меня. Дескать, это вы меня подтолкнули. А я гулял совсем недолго — дни четыре или пять. Правда, немного руку повредил — плечо. Так что лекарства, которые ты оставил для меня на зимовье, и особенно мазь очень пригодились. Спасибо тебе также за монтажную шапку. Она оказалась очень удобной, особенно для охоты. Длинные отвороты закрывают шею, и снег с деревьев за шиворот не падает. Помнишь, мы говорили с тобой про наши деревни, которые все забросили? Не знаю, как ты, Александр, а я решил точно: останусь теперь до конца жизни в Кульчах. С Виркиным работать можно: он хоть и кричит на меня, а всегда помогает. А мне ведь еще ребятишек поднимать надо.

У нас в Кульчах, конечно, холодно и давно лежит большой снег. Я поймал уже трех соболей. Зря про меня Виркин говорил, что я плохой охотник. Виркин собирается в отпуск, говорит, что к тебе с Юрий заедет. Я вам икру и рыбу передам. А сейчас посыпаю тебе мороженой бруслики. Она может до весны храниться и не пропадет. Я же знаю, амурские все бруслики любят.

Кроме охоты, Виркин надавал мне других заданий — измеряю глубину снега, долблю лунки в заводях, чтобы рыба без кислорода не задохлась, немножко рыбачу на махалки. С осени, правда, я ленком запасся — по заберегам. Ленок шел хорошо. Жду вас с Юрий летом. Приезжайте, порыбачите — душу отведете. Я же вижу, как ты рыбачить любишь. Рассказал про вас Ваське, он очень жалел, что не познакомился с городскими... Заставляю его рисовать, говорю: из тебя художник получится, а он отвечает, что хочет быть мотористом на катере.

Ну, вот и все, заканчиваю. Надо топить печку на ночь, а то чувствую, буран собирается. Жму руку. Степан».

Через несколько дней я проснулся глубокой ночью от чувства, будто что-то случилось. И увидел: в комнате моей светло. Я догадался — первый снег...

И тогда я сел за письменный стол и начал писать эти заметки про возвращение Степана из города в родное село. Не давало покоя лишь одно: долго и мучительно я выдумывал имена и фамилии всем нам, а также названия речек, озер и поселков, где происходили все эти, наверное, очень незатейливые, но важные для меня события. Степана, например, я пробовал называть Дмитрием, и Василием, и Петром. И всякий раз, когда я придумывал новые имена и новые названия, мне приходилось переписывать страницы набегло. Выходило фальшиво. Степан все равно оставался в памяти Степаном.

Наконец, измученный, я назвал все и всех так, как в жизни.

И только в фамилии Виркина я изменил одну букву. Сделал я это по одной причине. Виркин, человек придиличный и строгий, может обнаружить в моих записках досадную неточность. Ну, например, он скажет: «А я курю не папиросы, а «Приму»...» Критики тогда и обобщений типа «напридумывал» не оберешься. На что я ему резонно возразил: «А почему ты решил, что этот рассказ про тебя? У моего героя фамилия другая — Виркин...» И тогда Виркин задумается. Такого подвоха он никак не ожидал.

А вообще-то мы Виркина все побаиваемся: и я, и Юра, и наш друг Степан.

Георгий ВАЙНЕР

ДЕС ВРЕБРО

Не забуду. Может быть, вот эта покорная готовность делать все время бессмысленные взносы жизни начинается с двадцати копеек на содержание общества, о котором Маринка слыхом не слыхивала?

Их голоса еще шумели за дверью, потом зашипел и лязгнул на площадке лифт и увел их навстречу приключениям, прыжкам, побоищам с пиратами. Я сидела в сонном оцепенении на кухне, прислушивалась к стрекоту осмелевшего сверчка — «цик-цик-цик!», пила чай и думала о том, что давно-давно, когда мы были с Витечкой еще молоды и совсем бедны, на этой кухне собирались множество людей. Каждый день. Ни у кого не было денег, не было положения, но в избытке наличествовали идеи, планы и надежды. Веселились, шутили и все время говорили — тысячи, тысячи часов. Ели винегрет, печеную картошку и пельмени, пили самое дешевое вино. Это называлось у нас кутить!

У Витечки тогда было много друзей, и все они были мои друзья. Они были прекрасные или казались мне такими прекрасными, потому что Витечка всегда провозглашал свой любимый заглавный тост: «Давайте выпьем за наш стол, где нет ни одной противной морды!»

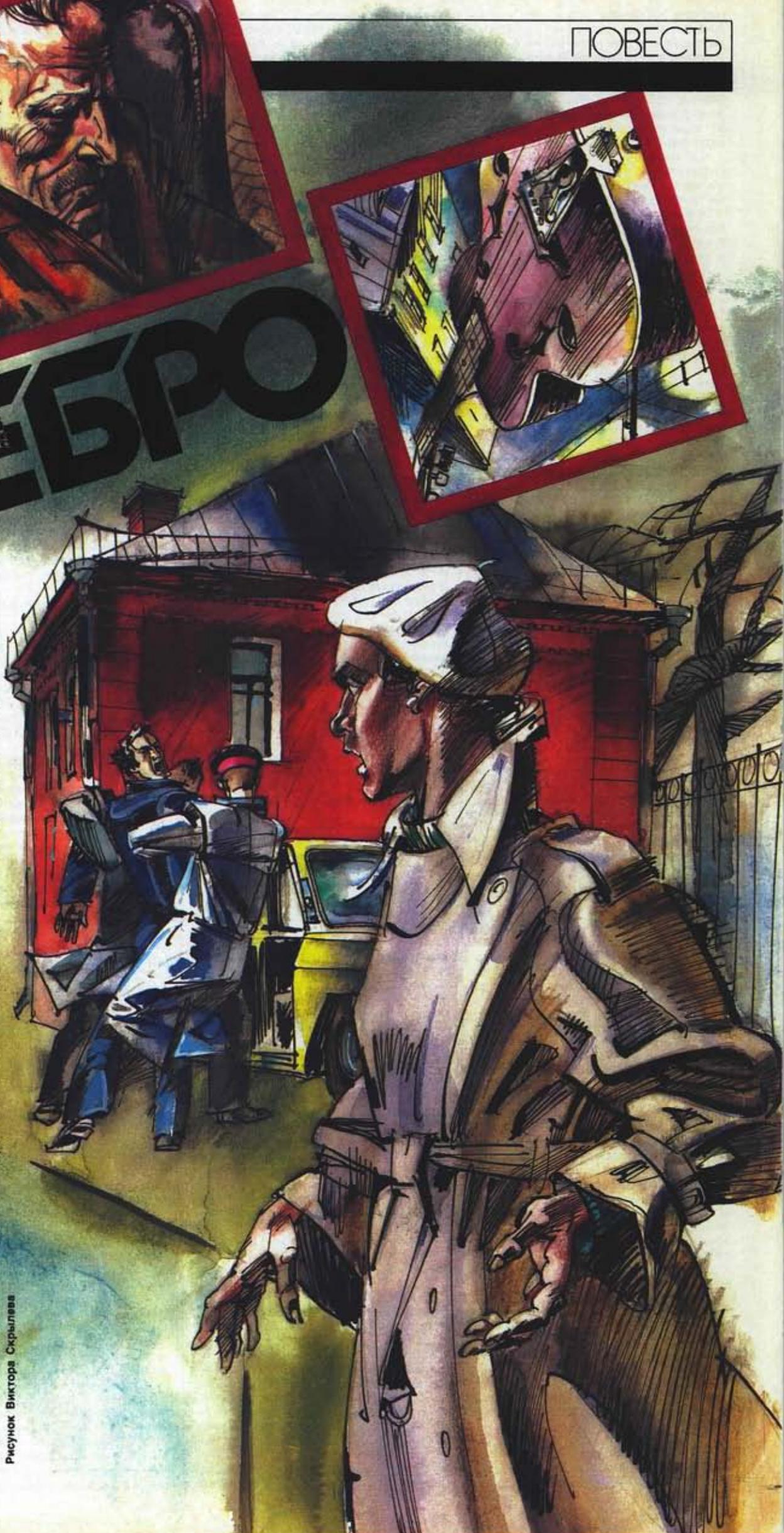
Да, когда-то там не было ни одной противной морды. Бежало время, и приятные морды наших друзей старели, изнашивались и как-то незаметно исчезали из-за нашего стола. И так же незаметно их замещали другие, и я не сразу заметила, что они не такие приятные, или не совсем приятные, или совсем неприятные. А точнее говоря — противные. Противные морды «нужников», влиятельных нужных людей, оседали за нашим столом. Это были какие-то редакторы, заместили начальников управлений, художественные руководители, люди неприятные, но со связями, которые должны были помочь Витечке сделать наконец большой скачок. Невооруженным взглядом было видно, какие у них противные морды, но Витечка, с той же искренностью, с какой он жил в своем рекламном киномире, провозглашал свой неизменный тост, все с той же страстью и сердечной верой: за то, что в нашем застолье нет ни одной противной морды!

Мне любопытно было бы понять сейчас: действительно Витечка не видел, что приятные морды заменились на противные? Или это было ему безразлично?

Наверное, не видел. Ведь тост всегда очень нравился противным мордам, они аплодировали ему и лезли целоваться. Они-то, наверняка, не считали себя противными.

Все-таки, как художник и режиссер, Витечка был последовательным адептом системы Станиславского. Он мне всегда объяснял, что вся система Станиславского может быть сведена к формуле: «Искренняя вера в предполагаемые обстоятельства». И только

РИСУНОК Виктора Скрыльева

сейчас я стала понимать, что он и со мной проклил жизнь по этой системе. Он искренне верил в предполагаемые обстоятельства нашего счастья. А потом закрыл спектакль, отменил весь репертуар, разрушил театр и ушел...

Я встала, чтобы подогреть чайник, и вдруг услышала щелчок замка и скрип открывающейся входной двери. У меня замерло сердце: кто это может быть? Я вышла в прихожую — на пороге стоял Витечка. В руках у него был сверток и цветы. Ай да номер!

— Здравствуй, Ириска! — сказал он ласково и приветливо улыбнувшись, будто мы расстались час назад.

— Здравствуй, Витечка, — сказала я, а голоса было почти не слышно.

— Я тебя очень рад видеть, — сказал он с максимально видимой искренностью, потому что, наверное, у меня сейчас была приятная морда. А может быть, противная, но как режиссер он считал правильным, чтобы у меня была сейчас морда приятная.

Он скинул куртку, подошел ко мне, сунул мне в руки цветы и поцеловал меня в щеку братским поцелуем комнатной температуры. Я отстранилась слегка, а он, не замечая этого, взял меня за руку и повел на кухню. И я пошла за ним. Мы уселись за стол, и он положил на край сверток.

— Это я Сережке купил гитару. Я знаю, что он давно очень хотел...

Я смотрела на него взглядом следователя Бурмистрова.

— Ты бы лучше купил ему сапоги на осень!

— Почему лучше? Не вижу противоречия, — засмеялся Витечка и с треском стал срывать бумагу с гитары. — На сапогах молодые люди не играют, а в гитарах не ходят по лужам. Сапоги купим отдельно. Это не проблема. Я пришел поговорить по более серьезному делу...

— Не сомневаюсь, — хмыкнула я. — По пустякам ты бы не стал меня беспокоить...

— Не надо, Ириска, не иронизируй. Не до шуток нам. Мне сказали, что у тебя есть мужчина... Довольно быстро, я бы сказал...

Я не могла понять, хорохорится он или ему действительно наплевать, что у меня есть мужчина. Забавно, что моя репутация верной жены рухнула раньше, чем мое целомудрие.

— А кто же это тебе сообщил? — спросила я тихо, наливаясь злостью, как цементом.

— Ну, это не вопрос! Земля, как знаешь, слухом полнится. Но я не собираюсь устраивать тебе сцены. Черт с ним, с мужчиной, если бы он не навесил на тебя свои кошмарные проблемы...

— А ты откуда знаешь про проблемы?

— Как видишь, знаю. И мне кажется, Ириска, что мы должны всерьез подумать о сложившейся ситуации.

— Мы? А ты тут причем?

— Очень причем! Сегодня меня вызвал директор и поставил перед жесткой альтернативой: или на следующей неделе меня переводят в штат телевидения, в объединение «Фильм», или у меня отберут те мусорные заказы, что я делаю сейчас...

— Видишь, Витечка, ты из-за моих плутней становишься мучеником.

— Я не хочу быть мучеником, — серьезно ответил он. — Мученик — это посмертно реабилитированный неудачник. А я хочу еще при жизни успеть что-то сделать, но по прихоти судьбы решение этого вопроса, как это ни странно, зависит от тебя. Передо мной нет выбора, выбор предоставлен тебе. Никогда моя судьба так не зависела еще от тебя...

Я усмехнулась:

— Раньше соловьям, которых держали в трактирах, выкалывали глаза, чтобы они пели чувствительнее, с надрывом.

— Не надо, Ира, не говори так, тебя это не украшает, — покачал печально головой Витечка. — Жизнь очень сложная штука. И нужно иметь большую мудрость сердца, чтобы сделать правильный выбор в ситуации, которая определяет всю нашу жизнь.

Я чувствовала, что он под руководством Гейл Шинхи далеко продвинулся на пути преодоления своего кризиса.

— Что же я должна выбирать? — спросила я.

— Ты должна выбрать одно — нашу будущую совместную жизнь, творчески полную для меня и радостную для тебя в семье! Неужели ты предпочитаешь какое-то минутное увлечение?..

Я вдруг впервые в жизни подумала, что Витечка, может быть, не такой умный? А вдруг он дурак? И мне просто раньше никогда это не приходило в голову?

— А тебе не кажется, что ты поставил меня перед трудным выбором?

Но, кажется, он совсем не понимал, что происходит.

— Не трудный! Он не трудный, а ясный как день! — воскликнул со страстью Витечка. — Не уподобляйся человеку по фамилии Буридан. У него был осел по имени Жан, который умер от голода между двух охапок сена, не зная, какую выбрать сначала. Не будь Буриданом!

Я долго внимательно смотрела на него, пока он не стал нетерпеливо ерзать. Наверное, я никогда так долго внимательно не смотрела ему в глаза.

— Не поняла я — кто умер? Буридан или осел? Витечка, ты умеешь говорить просто?

— Я всю жизнь старался это делать.

— Значит, у тебя это никогда не получалось, — сказала я грустно. — Я впервые за пятнадцать лет подумала, как ты всегда сложно и красиво говоришь...

— Я всегда говорю искренне, — сказал Витечка. — Может быть, ты чего-то не понимаешь, но это не моя вина!

Эти слова он говорил уже с нажимом, с тихим дребезгом в голосе, на обертонах — вспомнился большой опыт давания мне укорота. Он знал, что надо слегка поднять голос, яростно свернуть глазами и круче наказать — и в гроте приближающегося укорота я сразу же скажу: «Витечка, давай сделаем, как ты считаешь...» Он не знал просто, что у меня была довольно хлопотная неделя, за которую я много чего передумала. Знала, это глупо, бессмысленно, а все-таки спросила:

— А вдруг тебя обманывают? Вдруг никто и не думает брать тебя режиссером в объединение «Фильм»?

— Этого не может быть! — отрезал Витечка категорически. — Ты не представляешь влияния и возможностей людей, которые об этом просили.

— Я представляю себе их возможности. Поэтому и хочу спросить, правильно ли я тебя поняла. Ты возвращаешься домой, становишься режиссером телевидения, мы счастливы. Мир и благодать, розово-голубая гармония. Правда, какой-то человек пойдет в тюрьму...

— Мы с тобой про это ничего не знаем, — быстро перебил Витечка.

— Ты не знаешь, а я знаю.

— Но мы не можем всю свою жизнь ставить в зависимость от поступков какого-то неведомого нам человека, не умеющего себя вести на улице...

Я вдруг поймала себя на мысли, что мне хочется его избить. Мне никогда в жизни никого не хотелось избить. По отношению к Витечке такое представить себе было невозможно — абсурдное кощунство. Но сейчас я с удивительной остротой ощущала, как мне хочется размахнуться и ударить его изо всех сил по лицу. Он был мне сейчас противнее Шкурдюка, он весь светился ясноглазым, жизнерадостным, здоровым людеством.

И говорил горячо, напористо:

— Ирина, поверь мне, я прошу тебя, ты все усложняешь! Все еще может быть замечательно в нашей жизни.

Мне нечем было дышать, ком стоял в горле. Подошла к окну, отворила фрамугу, вдохнула холодный сырой воздух, пахнущий дождем, асфальтом и огуречным рассолом. Но удушье не проходило. Я повернулась к Витечке и сказала задушенно-хрипло:

— Прошу тебя, уходи отсюда! Уходи...

— Что значит уходи? — обескураженно спросил Витечка. — Мы с тобой ни о чем не договорились.

У меня не было сил с ним препираться. Я взяла со стола гитару, подошла к окну, шире распахнула створку и выкинула ее в черную мокрую пустоту. Я видела, как гитара летела, косо планируя, и на полированной ее деке мелькнул фиолетовый отблеск уличного фонаря, и тишину осеннего вечера вдруг разорвал треск и долгий дребезжащий звон лопнувших струн.

Витечка испуганно смотрел на меня, потом встал, повернулся и молча вышел.

Не знаю, сколько времени прошло. Омут воспоминаний, пустыня чувств. Тоска и боль, немота и бессилие. Потом заявились мои киношники. Крики, толкучка, сопение, суета.

Пока ребята мыли в ванной руки, я сказала Ларионову, нарезавшему большими ломтями торт:

— Я нашла таксиста.

Он удивленно повернулся ко мне и спросил растерянно:

— Моего?

— Ну, конечно, вашего. Другой ведь нам не нужен. Его фамилия Глухоманов. Номер машины 25-15. Второй таксомоторный парк. Он сейчас капусту возит в Приреченске.

— А где этот Приреченск?

— Километров сто отсюда.

Ларионов молча смотрел на меня, дожидаясь моего слова. Я кивнула:

— Да, конечно! Завтра с утра я договорюсь на работе, и сразу поедем в Приреченск. Ничего, ничего, найдем мы этого Глухоманова...

— С утра не могу, — вздохнул Ларионов. — Меня Бурмистров вызывает в прокуратуру на очную ставку.

— Знаете что? Вы с утра отправляйтесь к Бурмистрову... Сколько может продлиться очная ставка?

Ларионов пожал плечами:

— Бог весть, я никогда не был на очной ставке...

— Ну, я думаю, часа два, не больше... И сразу скажите ему о Глухоманове. И насчет девушки Риты подайте ему заявление. Надо его заставить ее разыскать. А я в редакции до двенадцати освобожусь и заеду за вами. Прямо в прокуратуру...

Дети давно спали. С экрана телевизора приглушенно вещал синоптик, обещая переменную облачность, резкие порывы ветра — до шквалиных, сильное понижение температуры, и вид у него самого был очень обиженный предстоящей непогодой.

Ларионов взял меня за руку:

— Ирина Сергеевна, можно я вас поцелую — мне тогда будет веселее идти в прокуратуру...

Он сказал это как бы шутя, но голос у него рвался от волнения. Я растерянно молчала, а он вдруг обнял меня, и я услышала, как бешено молотит в мою грудь его сердце...

— За что же мне такое счастье? — прохрипел он, задыхаясь...

В это утро у меня все получалось удивительно споро и ладно. И впервые за долгое время настроение было легкое, радостное и неожиданно вернулось ощущение уверенности, которое, казалось, навсегда оставило меня.

Я ощущала в себе молодую упругую силу и с легкой досадой думала о том, что жизнь в последнее время сумела убедить меня в моей старости, никему не законченности моей женской судьбы.

Но это не так! Я в это не хочу верить! Я с этим не согласна! Мне всего тридцать три! Уже тридцать три. Но меня любят Ларионов! Меня любят дети, Старик, все мои товарищи! Нет, я не хочу быть одинокой злой старой бабкой! Я хочу синего неба, ветра, молодой травы, солнечной ласки. Я хочу любви, я хочу еще жить...

И на работе все получалось необременительно, легко и быстро. Все, кто был мне нужен, оказались на своих местах, у телефонов, со всеми успела договориться, все мне говорили в это утро «да!». Потом написала ответы на письма и понесла ответственному секретарю Галкину. Как всегда, заваленный кипами гранок и рукописей, он колдовал над макетом газеты. Искоса взглянул на меня из-под очков, помахал рукой и углубился в бумаги. Я положила на угол стола письма и уже было собралась уходить, но у дверей вспомнила и вернулась:

— Слушай, а ты не знаешь, кем работает в прокуратуре Кравченко?

Галкин — по должности или по складу ума — знал на память всех мало-мальски должностных людей. Он приподнял на меня взгляд, кивнул:

— Знаю. Прокурор области. А зачем он тебе?

— Да меня попросили узнать...

— Не отвлекай, дел полно. — Галкин отмахнулся и переложил из папки «загона» к себе поближе новую стопку исписанных листов.

— Ты меня можешь отпустить сегодня после обеда?

— А зачем? Что-нибудь случилось?

— Нет, у меня очень важное дело, не знаю, когда отобьюсь...

— Поехай. Только не забудь, за тобой заметка об ансамбле на Компрессорном заводе.

Прокуратура обитала в двухэтажном старом доме на углу Пескареки. В киоске, распространявшем на всю округу сладко-масляный аромат свежей выпечки, я купила несколько горячих коричневых пончиков, обсыпанных сахарной пудрой. Остановилась напротив прокуратуры и с наслаждением жевала мягкие поджаристые колесики пончиков, одновременно испытывая стыд и раскаяние из-за своей обжорской слабости.

У дверей прокуратуры притормозила «Волга». Из нее вышли двое, милиционский лейтенант и штатский, который что-то сказал в открытое окно сидящему за рулем сержанту милиции, и они отправились в здание.

Я взглянула на часы — половина первого, посмотрела на вход в прокуратуру и увидела, как распахнулась дверь. Появился тот лейтенант, за ним шел Ларионов. Под руку его держал человек в штатском.

Еще ничего не понимая, я вдруг — отрывом сердца — ощутила, что случилось ужасное. Столбняк обрушился на меня, я замерла с пончиком в руке, ноги отнялись. Я не могла пошевелиться.

У милиционера и штатского были скучные, равнодушные лица людей, занятых обыденным, раз и навсегда надоевшим делом.

Ларионов, почему-то без шапки, неестественно синюшно-бледный, затравленно озираясь, крутил головой по сторонам, видимо, искал меня, пока не встретился со мной глазами. И тут столбняк, напавший на меня, прошел.

Я бросилась к нему через дорогу, а милиционер, шедший впереди, уже открыл дверцу «Волги» и показывал рукой Ларионову, чтобы он садился на заднее сиденье. Ларионов резко отодвинул его и рванулся мне навстречу. В тот же момент лейтенант и штатский схватили его за руки и стали тянуть в машину, но Ларионов уперся ногой в порог «Волги», и лица его конвоиров вмиг перестали быть скучными, напряглись и покраснели от злости.

— Ира! — орал сипло Ларионов, упираясь изо всех сил. — Меня арестовали Бурмистров!.. Совсем!.. В тюрьму!.. Найди таксиста и Риту!..

Он хотел что-то еще сказать, но шофер перегнулся через сиденье и тоже поволок Ларионова в машину, зажимая ему рукой рот, и я слышала только тяжелое пыхтение конвоиров и страшный горловской клекот Ларионова.

Я испуганно крикнула:

— Не дерись с ними! Алеша! Не дерись! Я все сделаю! Я всех найду!

А Ларионов неожиданно крутанул их, рывком бросился в машину и, отбиваясь ногами, быстро опустил стекло двери с моей стороны — я была уже рядом с машиной. Сзади на него навалился штатский, шофер

истошно крутил стартером мотор, а Ларионов успел сказать:

— Спасибо... Ира... за все... Люблю... Ира...

И машина рванула с места, с визгом набирая скорость, помчалась по улице.

И неожиданно для себя я вдруг горько заплакала. Не помню, когда я плакала. А тут схватило за сердце — не могла остановиться. Я плакала, как на похоронах. Мне жалко было Ларионова, себя, детей, я плакала о беспомощном Старику, об уходящей жизни, о нашем бессилии перед бессмысленной жестокостью бездушной машины.

Я стояла на улице, плакала, тушь разъедала глаза, ползла по лицу косметика, и ни один человек не остановился, никто не спросил: что с тобой?

Так стояла долго и плакала, не соображая, куда идти, что надо делать, пока вдруг не почувствовала на своих плечах чьи-то тяжелые руки, и знакомый голос откуда-то сверху гремел:

— Ирэн! Что с тобой? Очнись! Ты что, девушка дорогая?

Подняла нестерпимо горячие от туши и слез глаза — передо мной стоял Сашка Жигунов.

— Ты что тут делаешь? — тряс он меня.

— Ларионова сейчас арестовали... — сказала я ему.

— Так-так! — крякнул он. — Этого надо было ожидать...

Я с ненавистью сказала ему:

— Иди к черту! Ты был такой парень золотой, а стал тоже держимордой и тюремщиком... Совести ни у кого у вас нет!..

— Перестань, перестань, не бушуй. — Он обнял меня за плечи и повел прочь от прокуратуры. — Ну-ка соберись, будем думать, что делать...

— Я тебя раньше просила подумать! Вот ты и подумал...

— Да я и сейчас ничего не могу надумать! — сказал он сердито. — Я же ему, дураку, тогда говорил, что кончится именно этим. Он, видишь, достоинство хотел отстоять! За это платить надо...

Я схватила его за лацканы куртки и закричала:

— Что ж, суда нету? Правды нету? Закона не существует?

Он прижал меня к себе и сказал:

— Не ори на улице, не ори. Есть суд, есть закон, а правда вот, к сожалению, не всегда есть. И не везде. Да ладно, что об этом сейчас рассуждать... Есть только один способ помочь своему Ларионову...

— Какой?

— Я тебе уже говорил: надо собрать материал на его спарринг-партнеров. Доказать неоспоримо их вину...

— А о чём я тебе говорила? Я тебя с самого начала просила именно об этом!

Жигунов наконец рассвирепел:

— Я тебе уже сказал: у меня нет своего сыскного бюро! Я на службе! И вылететь с работы не хочу! Ты сама что-нибудь разузнала?

Я слготнула ком в горле, сказала:

— Разузнала. Я нашла водителя такси, и я точно знаю, что с ними в машине была женщина, с которой путается Чагин. Они ее укрывают от следствия. Но не знаю, как найти ее.

Жигунов подумал одно мгновение:

— Прикидывая ситуацию, думаю, что шли они из ресторана. Почти наверняка...

— И что из этого? — спросила я. — Обойти все рестораны в городе?

— Да нет, они по всем ресторанам города не ходят, — усмехнулся Жигунов. — Судя по тому, где компания перехватила такси, они отдыхали в «Актёре». Фешенебельный кабак, и скорее всего они должны были там развлекать кишки. Ты знаешь кого-нибудь в «Актёре»?

— Откуда? Я там была раз в жизни...

Жигунов взглянул на часы и приказал:

— Так-с, мне надо вернуться в прокуратуру, подписать документы. А с тобой мы встретимся в три часа дня у входа в «Актёра». Только давай больше не дюйонит. Приведи свой фейс в порядок и держи хвост пистолетом. Чего-нибудь сообразим...

За пять минут до срока я была у ресторана «Актёр», но Жигунов уже нетерпеливо расхаживал у входа.

— Ты чего опаздываешь? — накинул он.

— Я не опаздываю! Я приехала раньше времени...

— Ну, значит, это я так сильно торопился, — сразу смягчился Сашка. — Пошли, времени мало...

Швейцар за стеклянной дверью отрицательно помахал рукой, показывая на табличку «Свободных мест нет». Жигунов резко застучал кулаком в стекло, на лице швейцара неспешно проплыли гримасы-маски — удивление, гнев, внимание, интерес, смущение, удовольствие, огромная радость. Последняя маска, щедро гарнированная медовой улыбкой, распахнула перед нами дверь.

— Заходите! Пожалуйста, прошу вас... Не признал сразу, давно нас не посещали, — сочилась патокой маска в синей фуршакке с галуном.

— Да делать у вас нечего, — усмехнулся Жигунов. — Тут у вас порядок, мир да благодать...

Мы отдали швейцару плащи и прошли в зал. Несмотря на запрещающую табличку у двери, половина столов была свободна. Непостижимая тайна для

меня — подозрительное бескорыстие рестораторов, старающихся любой ценой отогнать от себя клиентов. Может быть, они всегда ждут Чагина с друзьями?

— Скажи, Саш, а почему ты решил, что они были в этом ресторане?

— Гипотеза! Предположение. Версия, — развел он руками. — Городская география и знание их вкусов... Он посмотрел на меня, переспросил:

— Не понимаешь?

— Нет.

— Это очень модный ресторан. Здесь собираются журналисты, актеры, киношники. Здесь гуляют все девушки полусвета и мальчики полуутмы. Это тусовочное заведение — Чагин со своей девульской и компанионами должен отдохнуть в таком заведении. А находится оно в двух минутах ходьбы от места их драки...

Я раскрыла сумку и достала фотографию Чагина.

— Посмотри, Саша, это я на стадионе со стенда содрала. Может быть, она тебе понадобится...

Жигунов посмотрел на фотографию Чагина, усмехнулся:

— Наука в лес не идет. Хорош, — положил фотографию в карман, взял меня под руку и провел в глубину зала к стойке бара. Здесь царил золотисто-коричневый уютный полумрак. Навстречу нам плыла метрдотельша, расфуфрененная, «фирмово» одетая, с бриллиантовыми булыжниками в ушах. Она широко разводила руки для объятия с криками:

— Какой гость дорогой! Кто к нам пожаловал!..

Насмешливо-холодно Жигунов остановил ее:

— Рад тебя видеть, Ангелина. На воле...

— Вечно вы, Александр Кирильч, со своими шутками! — трусливо-радостно захихикала Ангелина, и ее булыжники затряслись, разбрасывая маленькие радуги. — Будете обедать с дамой? Есть миноги, угри, телятина «фри». Или аперитив? «Чинзано»? «Мартини»?

Жигунов покачал головой:

— Для нас аперитив — слишком тонко. А на обед с телятиной сегодня еще не заработали. Скажи, чтобы нам дали две чашки кофе и пепси. Ты пирожное будешь? — повернулся он ко мне.

— Нет, у меня утренние пончики еще в глотке стоят.

Барменша за стойкой нажала на пневматические рычаги кофеварки, с шипением брызнула из краников коричневый напиток. Ангелина сама подала чашечки и спросила любезно:

— Чего еще изволите?

— Советов, подсказок, указаний, — сказал Жигунов.

— Александр Кирильч, для вас-то всегда пожалуйста...

Жигунов достал из кармана фотографию Чагина и протянул Ангелине:

— Узнаешь, конечно?

Ангелина удивленно подняла нарисованные брови:

— Естественно... Владимир Петрович...

— Чагин часто к вам ходит? — спросил Жигунов.

— Ну, не то чтобы часто, но регулярно. Вот последний раз неделю — десять дней назад заходил.

— Да, я знаю, — сказал Жигунов. — Он был со Шкурдоком и Поручиковым...

— Совершенно верно. А что, Александр Кирильч, случилось что-нибудь?

Жигунов долго смотрел на нее, качал головой:

— Наверное, случилось, Ангелина, раз ты вместо товарищеских подсказок задаешь мне вопросы... Чего ж ты мне про Риту не рассказываешь?

— А что рассказывать? Вы же и сами про все в курсе...

— Ну, был бы про все в курсе, не приходил.

Жигунов прихлебнул из чашки кофе и спросил небрежно:

— А ты Риту эту знаешь?

Ангелина засмеялась:

— А кто же ее не знает? Ее весь город знает. Можно сказать, в масштабах страны известность. Она же в сборной по плаванию...

— Так-так-так, — постучал пальцами по стойке Жигунов. — Маргарита... Маргарита... Маргарита... — повторял он, вроде припоминал высокочившую случайно из памяти фамилию.

— Терёшина, — подсказал Ангелина.

— Да-да-да! Маргарита Терёшина! — обрадовался Жигунов, будто вспомнил. — Ну ладно... А сильно гуляли?

— Ну как это — сильно? В пределах допустимого. С ног не падали, — ласково улыбнулась Ангелина.

В это время из-за шторки позади бара возникла женщина в белом грязном халате и драматическим шепотом позвала:

— Ангелина Степановна! Подь на минутку! К телефону директор кличет!

— Простите, я сейчас же вернусь, — пообещала Ангелина и скрылась за занавесом.

Я схватила Жигунова за руки:

— Саша, ты не можешь у нее в письменном виде получить показания?

Жигунов сердито мотнул головой:

— Я ж тебе объясняю, что я не только брат у нее письменные показания, но и расспрашивать не имею права.

— Саш, но если ее официально вызовут в прокура-

туру или в суд, она ведь обязана дать эти показания?

— Никогда она не даст этих показаний в прокуратуре и откажется даже от того, что сказала нам сейчас...

— Но почему?

— Потому что она сама жульница и стучать на своих клиентов не будет. Это выходит за рамки их воровской этики. Она уже и так мне их сдала. А в прокуратуру она не пойдет и ничего подтверждать не станет.

— Но она же ведь от них никак не зависит. Чего ей бояться их?

— Это тебе только так кажется. Она их боится, и зависит. И говорить про них ничего не будет. Думаю, что визит исчерпан. Допивай кофе и можем идти...

Мы дошли до улицы Маяковского в ожесточенном молчании.

— Саш, если ничего мне не удастся узнать и дело дойдет до суда — осудят Ларионова?

Жигунов развел руками:

— Наверняка. Срок вляют, как из пушки...

— А какой срок по статье полагается?

— До пяти лет. — Он взглянул на меня и поспешил утешить: — Ему больше года не дадут первый раз — характеристики, наверняка, хорошие...

— Да — кивнула я. — У него наверняка будут хорошие характеристики. Хорошему человеку с хорошими характеристиками дадут всего год тюремы — ума дадут, мозги на место вправят...

— Не убивайся так, Ирэн! Он мужик крутой, он год в колонии на одной ножке простонит...

— Это я не сомневаюсь! — согласилась я. — А то, что опозорят на всю жизнь, работу любимую навсегда отнимут, судьбу сломают — это так, чепуха! Это даже в приговор не включается, мелочи.

На противоположной стороне перекрестка, у того самого золополучного магазина с заново остекленной витриной по-прежнему стояла бабка с цветами.

Я показала ее Сашке:

— Вот эта старуха все видела. Она была в самой свалке, при ней началось все. Но она говорить ничего не хочет...

— Вполне естественно, — хмыкнул Жигунов. — Она и торгуется здесь незаконно. Наверное, постовую службу умасливает. Ей еще лезть в чьи-то дела! Что она, с ума сошла?

Я понимала, что испытываю к бабке несправедливую ненависть, вызванную ее резонным нежеланием помочь мне.

— Скажи, как ты думаешь, откуда у нее могут быть цветы? — спросила я у Сашки. — Она ведь явногородская жительница. Она не похожа на деревенскую.

— Цветы? — задумалась Сашка. — Да сейчас не разберешь, кто городской, а кто деревенский, все одеты одинаково...

— Да дело не в одежде. Она не похожа на деревенскую.

— Это твои выдумки, — махнул он рукой.

— Саня, умоляю тебя, голубчик, дорогой, сделай милость, прошу тебя — подойди, спроси ее. Ты совсем по-другому с ними разговариваешь. Они тебя боятся!

— Никто сейчас никого не боится, — сказал серьезно Сашка, но решительно сошел с тротуара и направился через дорогу. Я припустила рывком вдогонку.

— Почем цветы? — улыбчиво спросил Жигунов.

— Три рубля букетик, — протянула ему бабка свои желтые нарциссы, мазнула по мне взглядом и, по-видимому, узнала — сразу же отвела глаза в сторону.

— Дороговатенько, — хмыкнул Жигунов, посмотрел внимательно на нее и эпически спросил: — Бабуль, а ты почему здесь торгуешь? У тебя разрешение на это имеется?

— А на кой разрешение? — вскользнулась бабка.

— Ты же знаешь, что исполнком запрещает торговлю в неустановленных местах.

— А кто их знает, эти места — где они установленные, а где нет! — У нее ярко, молодо, зло светили пронзительные желтые глаза. — Может, здесь оно и надо бы установить, раз никому вреда от этого нет, а людям радость...

— Вреда нет, а порядок соблюдать надо, — сказал сержантским голосом Жигунов. — А документы у тебя есть?

Бабка звякнула:

— Какие еще документы? Зачем они мне? Что я, шпионка или беглая какая?

Жигунов твердо указал:

— Документы нужны не шпионам и беглым, а всем нормальным гражданам. У тебя должен быть паспорт!

Интересно, что бабка, разговаривая с совершенно партикулярным, модно одетым Сашкой Жигуновым, ни на миг не усомнилась в том, что он настоящий милиционер. Наверное, дело не в форме, не в погонах и петлицах — он не вызывал сомнения в своем праве спрашивать, допрашивать, командовать какой-то особой милиционерской статью, ухватками, тоном и манерой разговора.

— Дорогая бабушка, придется пройти со мной в отделение, уточнить вашу личность и составить протокол, — категорически завершил он дискуссию и этим почти незаметным переходом с «ты» на «вы» перевел их беседу из уличного разговора в административную процедуру.

— А чего там уточнять? — испуганно бушевала бабка. — Незачем меня по милиции таскать! Еловацкая моя фамилия, Надежда Капитоновна меня зовут...

— А моя фамилия Жигунов, — вежливо представился Сашка. — Но у меня есть документ, удостоверяющий этот факт, а у вас нет. Поэтому мы поедем все-таки в милицию...

Он вынул из внутреннего кармана плаща продолговатую черную коробочку, и не только бабка, но и я с удивлением увидела, как он выщелкнул из коробочки хромированный прут антенны, нажал кнопку тумблера и сказал в черную решеточку микрофона:

— Алло... алло!.. Двенадцатое?.. Алло... Это Жигунов...

И все это время он неотрывно смотрел на ерзающую и суетящуюся бабку Еловацкую, которая махнула рукой и стала складывать в сумку разложенные на картонной коробке нежные желто-зеленые букеты.

— ...Панюков, это я, Жигунов. Слушай, подошли ко мне патрульную машину на угол Маяковского и Революции... Да, надо... Хорошо... Отбой...

Чикнул тумблером, положил радио обратно в карман и попросил бабку:

— Надежда Капитоновна, давайте-ка дособерем ваши цветочки, надо будет нам немного отвлечься от торговли...

Бабка попыталась взять его на голос:

— А что ты безобразничашь? Это издевательство! Чего пристаешь?

Жигунов усмехнулся мрачно-спокойно:

— Ну-ка тихо, тихо, успокойтесь, Надежда Капитоновна! Мне кажется, что вы не своими цветочками торгуете...

— А чьими — твоими?

— И не моими. Вот мне и охота узнать, чьими. А если ошибаюсь, принесу глубокие извинения...

Мимо нас шла по тротуару компания молодежи в защитно-зеленых строитрядовских штормовках, расцвеченных яркими институтскими этикетками. Парень играл на гитаре, а остальные вразнобой подпевали:

Я жить-то не умею, а не то что — убивать...

Бабушка Еловацкая подняла с асфальта сумку, потоптавшись нерешительно и вдруг сделала рывок навстречу студентам, как атакующий форвард. На ходу перевернула сумку, и цветы дождем посыпались на тротуар.

— Берите цветочки! Берите на память, сыночки дорогие и доченьки! Славной нашей молодежи цветочки! Разбрайте быстрее, пока этот черт не отнял... — показывала она на смеющегося Жигунова.

Ребята с хохотом и шутками расхватали цветы и галдящей разноцветной стаей умчались по своим прекрасным молодым беззаботным делам.

А Еловацкая уперла руки в боки и спросила Жигунова злобно-торжествующе:

— Ну, кто это тут нарушает? Торговать нельзя, а раздавать цветы не запрещается? Я ведь цветами и не торговала никогда! Я их раздаю тут... Понятно?

— Понятно, Надежда Капитоновна! — все еще улыбался Жигунов. — Теперь, коль вы улики уничтожили, придется мне вас проверить обязательно...

Около нас остановился раскрашенный в канареечные цвета «жигуленок». Жигунов взял из рук бабки пустую сумку и пошел к машине.

Бабка вздохнула, плонула сердито и пошла следом. Жигунов открыл переднюю дверцу и сказал мне:

— Садись сюда, а мы с Надеждой Капитоновной устроимся сзади, побалакаем по дороге, пошепчемся маленько...

Уселись в машину, Жигунов похлопал водителя по плечу и сказал:

— Ну-ка, Володя, подкинь нас по адресу бабушки. Где проживаете? — повернулся он к Еловацкой.

— Пролетарская, семнадцать, — мрачно буркнула бабка.

Шофер включил мигалку, дал газ, и машина, выскочив с ревом на осевую, помчалась через город.

Я старалась не думать сейчас о Ларионове. Из-за того, что я плохо себе представляла тюрьму, воображение услужливо подсовывало какой-то бесформенный, мрачный, зловонный кошмар, полный постоянной угрозы насилия и ужаса. И кошмар этот сразу вызывал обморочную слабость и дурноту...

Водитель притормозил у бетонной башни. Приехали — Жигунов галантно подал бабке руку, помог выплыть из машины. А она предприняла последнюю попытку сопротивления:

— Ну чего ты на мою голову навязался? Хочешь... — она заговорщики наклонилась к нему: — Отдам всю выручку, и пошли все по домам...

— Это вы мне что, взятуку предлагаете, Надежда Капитоновна? Так я вас понял?

— Почему взятуку? За провоз плату!

— Давайте-давайте, — ухмыльнулся Сашка. — Не надо лишнего разговаривать! Сейчас идем к вам, проверим документы, поболтаем о пустяках, и мы уезжаем...

На восьмом этаже бабка Еловацкая позвонила в дверь, и я заметила, что это условный сигнал.

В квартире было тихо. Она обернулась к нам, скрупульно вздохнула:

— Нет мужа дома... Не ждал он меня так рано, не

знал он, что вы меня на своем такси повезете...

— Ай-яй-яй, — сокрушенно покачал головой Жигунов. — А ключа у вас своего, конечно, нету? Не добраться нам никак до паспорта, в дом не попадем?

А сам подошел к железной дверце электрического распределительного шкафа, перочинным ножком вскрыл запор, открыл створку и стал рассматривать электросчетчики.

— Фью, — присвистнул Сашка. — Надежда Капитоновна, в квартире вашей беспризорной никак печь плавильная? Счетчик крутится, как оглашенный...

Бабка затрепетанно заметалась глазами, а Сашка спокойно предложил:

— Давайте, звоните, как надо, — пускай муж открывает. И не тяните зря время, я все равно не уйду...

Еловацкая досадливо крякнула, достала из кармана ключ, отперла и распахнула дверь.

В прихожей стоял испуганный пожилой мужчина с вытянутым напряженным лицом.

— Что? Что такое? — спросил он.

— А-а! Напасть такая! Вот, захватили меня...

Жигунов, доброжелательно улыбаясь, вошел в квартиру:

— Вы, Надежда Капитоновна, предъявите, пожалуйста, документы. А вы, если не ошибаюсь, мужем доводитесь?

Мужчина механически кивнул, по лицу его текли капли пота.

В квартире было невыносимо жарко. Влажная парная духота, запах гниения и мокрой земли. Здесь дышать было трудно, воздух такой тяжелый и плотный, что казалось, его можно двигать руками, как шкаф.

Жигунов уже освоился здесь, сказал весело:

— Хозяева, а попить-то у вас можно?

— Сейчас принесу, — сказала бабка и пошла на кухню.

Жигунов отодвинул ее мужа, как стул, сделал шаг и распахнул дверь в комнату. Плотный поток света и влажной жары плеснулся в лицо. Я ахнула: комната была превращена в теплицу! Настоящая оранжерея! Так вот откуда этот теплый гнилостный запах. Весь пол в комнате был установлен пластмассовыми лотками, в которых цвели желтые нарциссы. На стенах и на потолке были укреплены самодельные софиты, сочавшиеся нестерпимо ярким светом. Жигунов вернулся в прихожую и распахнул дверь во вторую комнату, и оттуда тоже полыхнул яркий свет. Прихожая была так яростно освещена, будто мы собирались здесь фотографироваться. Во второй, чуть меньшей оранжереи в лотках тянулись наверх упругие зеленые стрелки еще не набравших силу тюльпанчиков.

Из кухни вышла Еловацкая, в руках у нее тряслась кружка, и вода проливалась на пол.

— Так, дорогие юннаты, — сказал мрачно Жигунов. — Значит, частное предприятие организовали? Подпольный цветочный промысел?

— А что мы плохого делаем? — запречитала бабка. — На пенсии мы... дети живут отдельно... нам такой большой квартиры не надо... мы и цветочки выращиваем здесь...

— А где же вы спите? — спросил удивленно Жигунов.

— На кухне и спим, тахта там у нас...

— Елки-палки, цветы из дома людей выжили, — вздохнула Сашка. — Ну ладно. Будем два протокола составлять. Сейчас вызовем из домоуправления и участкового, опишем то, что здесь происходит. А вы, Надежда Капитоновна, напишите нам пока все, что видели во время драки...

— А я ничего не видела, — ответила она быстро, повернувшись ко мне и, полыхая желтыми глазами, страшно сказала:

— Знаю, знаю, это ты, гадина, навела мента на меня... Отольются тебе мои горести...

Жигунов неожиданно повернулся к ее мужу:

— Очнись, почтеннейший! И объясни жене, чтобы она со мной не ссорилась. Не такие у вас сейчас дела прекрасные. Да и врат нет смысла, раз я оранжерею вашу нашел.

Муж с трудом разлепил губы и тонким голосом сказал:

— Пиши, Надя, что видела и слышала. Напиши, что мне говорила. Не спорься с ними, правду напиши. Сейчас нам все равно...

Риту Терёшкину я перехватила на выходе из бассейна.

По милиционному адресному бюро Жигунов очень быстро нашел ее адрес и домашний телефон. Какая-то женщина, наверное, мать, ответила мне:

— А у Риточки сегодня вечерняя тренировка... В бассейне она...

Дожидаясь окончания тренировки, я просидела час на пустой трибуне и смотрела, как невероятно тяжело работала Рита, неутомимо распахивая голубую воду плавательной дорожки. На спине, на груди, брассом, кролем, в одну сторону, в другую, от бортика до бортика она плывала через аквамариновую синь бассейна, как моторная золотая рыбка.

Сверху в мерцающей линзе воды она казалась ми-ниатюрной, а здесь, на улице, я увидела неожиданно

крупную, статную девушку с копной золотых волос. На ней была элегантная широкая куртка и модные высокие сапоги, похожие на карту Италии. Два длинных Апеннинских полуострова с цоканьем бодро вышагивали по асфальту, пока я провожала ее от бассейна к троллейбусу.

— ...Чагин? — спросила Рита и засмеялась. — Да ладно! О чём вы говорите? Кого он интересует? Мне лично он — бим-бом. Мне его дела — до фонаря! Подрался, пусть отвечает. Он у нас герой, всемером одного не боится...

— Но Чагин как раз не отвечает, — перебила я. — Он заставляет за это отвечать других.

— О! Это он может! Наш Владимир Петрович — сладкий мужичок, живет и в ухо не дует! — усмехнулась Рита и вдруг с горечью и злостью добавила: — Он бы и мою жизнь просвистал и прособачил, да у меня свой ум есть. Я ему этого не дам!

— А вы давно с ним... — Я замялась, подыскивая соответствующее слово, и от этого сказала самое нелепое: — Дружите?

— Давно дружим! — резко захотела Рита. — Я с ним шесть лет прожила — он меня присмотрел еще в юношеской сборной. Шесть лет он мне мозг ремонтирует. Чего он мне только не обещал! И в сборную СССР, и поездки за границу — золотые горы, изумрудные реки. Сказал, что жену бросит, на мне женится. Ну, понятное дело, дурочка я была, соплячка — верила. Все наврал, конечно. Он же ведь врун-профессионал. Врун, болтун и хохотун...

— А зачем же вы с ним тогда общаетесь? — удивилась я.

— А больше не с кем, — печально-уверенно сказала Рита. — Мужиков нет, драма эпохи. Все какая-то шелупень и шушера. Мужику под тридцать, а он все равно молокосос, мумсик. А те, за кого бы я пошла замуж, они, как Чагин, — все женаты. Все хотят погулять, развлечься на стороне. Разговоры, вздохи, любовь, а в десять надо домой мчаться. А я не люблю, когда мне продают ситро за шампанское...

Я смотрела на нее и понимала, как она должна нравиться Чагину — розовая, сладкая, хрустящая, как вафельная трубочка с кремом.

— А вы Ольгу Чагину знаете? — спросила я.

— Знаю, — кивнула Рита и пренебрежительно скривила рот. — Они с моим другом Владимиром Петровичем хорошая пара — веселый людоед и животное, полное грез...

Некоторое время мы шли молча, потом Рита сказала:

— Вот этот мужик, морячок, за которого вы хлопочете — вот он мне понравился. Это настоящий боец, — добавила она уверенно.

— А чем же он вам понравился? — поинтересовалась я.

— Ну, как вам сказать, в нем достоинство есть. Плюнул в него когда Шкурдюк, я посмотрела ему в лицо и обмерла — сколько в нем было боли, стыда, гнева, силы! Господи ты ж боже ж мой, подумала я, убьет он сейчас эту скотину! И дрался когда он с ними, не было в нем страха и злости — он их бил, как карал за низость...

— Но они его посадили в тюрьму за это... — напомнила я.

— Э! Мужик, не сидевший в тюрьме, мало про жизнь знает... Хотя, конечно, не повезло ему.

— А вы не хотите ему помочь?

— А чем я могу ему помочь? Ну, подумайте сами, пойду я с заявлением в милицию? Мол, гуляла с чужим мужем, развлекалась, отыхалась с его друзьями, а потом ввязалась в драку? Я ведь сама костей не соберу после этого. Эх, знала ведь я, чувствовала, что из-за Чагина все срамом большим закончится, неприятностями крутыми и позором. Давно ведь уже хотела его выгнать! — А что же не выгнали?

— А я уж было в последний раз решила: ну его к черту, не буду больше встречаться. А он каждый раз появляется и словами, как паутиной, облекивает. Поспорю, поругаюсь, посопротивляюсь, а потом думаю: ладно, пойду последний раз. А вот тут и случился скандал...

— Рита, но ведь никого не интересует, чей Чагин муж. Интересует, чтобы вы сказали правду о том, что произошло.

Она остановилась, посмотрела на меня в упор и твердо сказала:

— Этого вы от меня ждете напрасно. Я не большого ума дама, но это соображаю. Мне в этой истории светиться нельзя. Чагин со своим тестем мне за такую правду голову оторвут. Поймите меня тоже, я ведь по спортивным меркам старуха, мне двадцать три, если я попаду в такой скандал, меня потом училкой физкультуры не возьмут. Ни за что, ни про что жизнь свою унижую...

— Похоже, только один человек мог позволить ни за что жизнь себе сломать, — вздохнула я.

Рита махнула в ответ рукой:

— А! Не сломал, отбьется! Мужик молодой, здоровый, сильный, все перемелется. Как Чагин говорит: «Пройдут года, мы состаримся, будет потом чего вспомнить». Нет, я вам ничем не могу помочь, — повернувшись и ушла, сразу бесследно растворилась в ве-

черной мгле, и только стук Апеннина по тротуару доносился еще до меня. Проехал троллейбус.

«Нет, я вам ничем не могу помочь»...

Вот и наступило это кошмарное серое утро, которое якобы мудрее вечера. Мудрее оно было только тем, что у меня было в руках объяснение бабки Еловацкой, подробно и грамотно описавшей всю хронологию драки, адрес Риты Терёшкиной и твердое знание, что сегодня пошли вторые сутки содержания Ларионова в тюрьме.

Я сидела за редакционным столом, пытаясь изо всех сил сочинить заметку о самодеятельном ансамбле на Компрессорном заводе. Позвонила Зина, секретаря главного, и встрепанным, напуганным голосом вызвала к шефу.

Я шла по коридору, не испытывая даже чувства страха. Мне уже не суждено испытать большего испуга, да и вряд ли что-нибудь может случиться еще. Они ведь победили, Ларионов в тюрьме, и со мной можно больше не возиться, я и так уже выключена из игры.

Зашла в кабинет к главному, поздоровалась. Очень сухо он кивнул и, не приглашая садиться, возгласил:

— Товарищ Полтева, на вас поступила серьезная жалоба...

Ого, товарищ Полтева! Видимо, дела мои совсем плохи, если меня называют «товарищ Полтева».

— От кого? — спросила я ровным голосом. — Вам стали часто на меня жаловаться.

Главный сказал подчеркнуто вежливо:

— Я вам не дам к этому привыкнуть. Газета опубликовала месяц назад ваше интервью с директором комбината спортивных товаров Кузевым. Анализиру положение с производством детских кроссовок, вы извратили все факты...

— Ага, понимаю, — кивнула я. — Значит, им понадобился месяц, чтобы понять, что я все извратила. Это ясно. А почему вы решили, что я извратила?

— Потому что Кузев утверждает, что никакого интервью вам не давал и вас в глаза не видел...

Он протянул мне несколько листов бумаги, скрепленных желтой скрепкой, покрытых аккуратными рядами ровной машинописи и увенчанных в конце взрывом подписей от возмущенного коллектива...

...В то время, когда вся страна и, в частности, вся наша отрасль... и все труженики промкомбината... стоя на вахте и изыскивая скрытые резервы... мобилизуют все силы... для того, чтобы улучшить... усилить... увеличить... расширить... ассортимент и качество товаров народного потребления... с помощью сквозного наряда... корреспондент газеты И. Полтева отнеслась безответственно к порученному заданию... вместо того, чтобы вскрыть действительно реальные проблемы, стоящие перед трудовым коллективом, грубо извратила факты... весь коллектив возмущен... Особенно негодование тружеников комбината вызывает то обстоятельство, что, ссылаясь в материале на разговор с директором комбината Кузевым, она не удосужилась даже встретиться с ним... Непонятно, как такие люди могут работать в органах советской печати...

Я положила письмо на стол. Боль остро когтила сердце, сухо во рту. Вздохнула глубоко и сказала:

— Я сейчас принесу из сумки блокнот с записями разговора с Кузевым, который мне все рассказывал. Три часа подряд объяснял, почему нет в продаже кроссовок. А оценка его высказываний является моим правом журналиста...

— Эти высказывания он категорически отрицает. Он пишет о том, что вы с ним даже не встречались...

— Ну да, — согласилась я. — Настолько не встречались, что он после разговора предложил еще встретиться в ресторане. Этот Кузев, похоже, может написать, что угодно. Особенно, если его попросят.

— Для меня ваши доводы неубедительны, — сообщил главный. — Вы нарушаете все этические нормативы поведения журналиста и пытаетесь злоупотребить своим профессиональным и общественным положением. Я не могу больше доверять вам и издаю приказ об отстранении вас от должности до тех пор, пока созданная мной комиссия не разберется в этой истории. Если товарищ Кузев пишет правду и вы это интервью высосали из пальца, а у меня нет оснований ему не верить, то вы будете уволены из редакции...

— Хорошо, — разверла я руками. — А какие у вас есть основания не верить мне?

— У меня нет оснований вам верить, — отрезал редактор и показал на дверь. — Вы свободны...

Вот он, окончательный укорот. Оказывается, довольно просто накормить человека деликатесным паштетом из печени Прометея в собственном соку. Действительно, рукастые ребята — чагинцы. Затевать второе расследование и доказывать, что я встречалась с этим мордатым жуликом Кузевым, мне было явно не по силам. Ладно, дождемся комиссии.

А, плевать! Чем хуже, тем лучше! Не надо писать об ансамбле на Компрессорном заводе.

Я постучала в дверь с табличкой «Старший следователь Н. С. Бурмистров».

Мундир Бурмистрова висел на стуле, а сам он щеголял в голубой застиранной рубашке с помятым галстуком, в широких старомодных подтяжках. Ну никак, хоть убей, не был похож Бурмистров на грозного вер-

шителя закона. Ему сильно не хватало черных сатиновых нарукавников, тогда бы он неразличимо слился с обликом счетного работника.

Бурмистров взглянул на меня, напрягся на миг — вспомнил! — и быстро сказал:

— Я вас не вызывал! И говорить с вами сейчас не могу — у меня допрос свидетеля...

Он показал для убедительности на сидящего перед ним широкого коренастого человека.

Свидетель приподнялся на стуле, поздоровался:

— Здравствуйте, гражданочка...

— Здравствуйте, — кивнула я ему и повернулась к Бурмистрову: — Я надеюсь, что к вам приходят не только вызванные повесткой...

— Те, кого я не вызываю, должны приходить в мое нерабочее время, если я согласен их принять.

— А я уверена была, что вы согласитесь меня принять.

Свидетель, безмятежно живший на своем стуле, ощущил в наших голосах нарастающее напряжение, и обеспокоенно завертел головой.

— Это почему еще? — На лице Бурмистрова простили коричневые крупные пятна, похожие на пленку в стынившем стакане какао.

— Потому что вы меня приперли к стене, — сказала я. — Вы меня довели до отчаяния, и я постараюсь сделать все, чтобы это вам не сошло с рук.

— Что вы хотите сказать? — поднялся Бурмистров, и я увидела, что в глазах у него мелькнул испуг.

— Я хочу сказать, что вы ведете следствие невоективно. Не знаю — по собственной ли воле...

Свидетель крякнул, а Бурмистров надел мундир, подергал галстук и сказал:

— Вы предъявляете мне тяжелое обвинение. Вы подумали перед тем, как сказать?

— Я обо всем подумала! И не могу объяснить, почему вы посадили в тюрьму невинного человека.

Он поправил меня:

— Не невинного, а невиновного. Это разные вещи. Но ваш протеже Ларионов очень даже виновен. Вот вы послушайте, что говорит свидетель Архипенко.

Свидетель Архипенко горестно вздохнул:

— Ох, бил он их жесток! Жесток их мордовал, как зверь лютый...

Он делал ударение на последнем слоге — жесток! Польщеный нашим вниманием, охотно вспоминал:

— Из-за чего задралась они — не знаю, не видел, врат не стану, кто там из них кого зацепил! А как был их жесток Ларионов — это наблюдал собственными очами...

Для убедительности или от волнения он выкатывал свои рыжевато-бесцветные очи.

— Я, гражданочка, врат или преувеличивать не стану, я в драке толк понимаю — сам был и боксер раньше, и самбо крутить могу. Так что честно говорю — насмерть он их бил.

— Прости, — перебила я его. — Вот вы говорите, что вы боксер и самбист. Как же вы не вступились, если на ваших глазах людей убивали?

— Голубушка моя! Да как же я мог? У меня в одной руке авосьенька с молоком, а в другой торт, «Штефания» называется, пять сорок коробка...

Я сказала Бурмистрову с горечью:

— Хорошего вы свидетеля сыскали. Они вместе разными способами и по разным поводам все врут, и вы это знаете. Неужели вам не совестно?

— Да как вы смеете? — взъерился Бурмистров. — Совестить меня здесь! Кто вы такая? Я обязательно сообщу к вам на работу, что именно вы оказываете давление на следствие. Я уверен, что на работе с большим интересом рассмотрят это письмо.

— Вот именно, — поддакнул свидетель. — Такая же молодая и такая гордышка...

Бурмистров отмахнулся от его поддержки, как от муши, и спросил меня изо всех сил строго:

— Вы меня, надеюсь, поняли?

Когда я шла в прокуратуру, то надеялась сразить Бурмистрова сообщением о Глухоманове, заявлением бабки Еловацкой, сведениями о Рите Терёшкиной, рассказом о ресторане «Актер». Не знаю, на что я надеялась — заплачет Бурмистров от стыда, срочно вызовет бабку, допросит таксиста или сам помчится на такси в тюрьму вызволять Ларионова...

А сейчас поняла, что говорить с ним не о чем. Нельзя. Бурмистров не расследует уличный конфликт, он совсем не над схваткой — он в самой гуще, он втянулся в драку на стороне чагинцев, и будет молотить нас с Ларионовым сколь силы хватит.

— Я вас поняла, — сказала я тихо. — Николай Степанович, я прошу вас дать мне свидание с Ларионовым...

— Не могу, — отрубил Бурмистров. — По закону я могу разрешить обвиняемому свидание с родственниками. Но ведь не родственница? Я не ошибаюсь — вы Ларионову родней не доводитесь?

— Нет, не довожусь, — кивнула я. — А вам никогда не бывает страшно?

— А почему мне должно быть страшно? — старательно изображал он пренебрежение.

— Неужели вы думаете, что все это останется безнаказанным?

Он хлопнул ладонью по столу, но стук этот тоже получился каким-то дребезжащим и неуверенным:

— Мне надоело с вами препираться. Кто вы такая, чтобы оценивать мою работу? Я закончу следствие, передам дело в суд, и там решат, правильны ли были мои действия.

— Да, по-видимому. Я только хотела у вас спросить, зачем вы посадили Ларионова в тюрьму? Какая была в этом необходимость? Чем, кому он угрожал?

— Он никому не угрожал, но его действия мешали проведению объективного расследования. В частности, ваши действия заставили меня взять Ларионова под стражу.

— Я надеюсь, что есть на земле возмездие. За все рано или поздно приходит отмщение. И вы ответите страшно. Я надеюсь увидеть, как вас посадят в тюрьму. Хоть на один день — этого будет достаточно...

— Уходите отсюда вон! — свистящим голосом сказал Бурмистров. — Я вам покажу, где раки зимуют...

У него было лицо, как сургучная печать, коричнево-серое, неумолимое.

Я вышла в коридор — пелена застилала глаза. От волнения я перепутала коридор — повернула не туда и направилась в другую сторону, пока не уперлась в тупик с наглою забитой дверью, над которой светился трафарет: «Нет выхода»...

Какая-то запошная суета. Мысли прыгают, руки трясутся. Не могу точно времени рассчитать.

Позвонила из автомата Маринка:

— Доченька, дождись из школы Сережу, и идите к дедушке... Я приеду сегодня очень поздно, вы оставайтесь ночевать у него...

— А Алексей придет?

— Нет, не придет. Он уехал...

— Как? И не попрощался?

— Мариша, его срочно вызвали, он не мог.

Бросила трубку, потому что ком залер горло, я поняла — сейчас сбива разревусь. Сейчас не время, сейчас надо в Приреченск ехать...

На вокзале царила обычная толкучка, гремел над головой хрюпкий радиоголос. На перроне пахло яблоками, горячей резиной и самоварным дыном.

В электричке было пустовато — середина дня, отлив между волнами нашествия пригородных пассажиров. Устроилась у окна, поезд плавно тронулся.

Еще было совсем светло, когда я вышла на станции в Паутове. Женщина в оранжевом путевом жилете объяснила мне мой дальнейший маршрут, и я успела на автобус, ехавший час по разбитой тряской бетонке. Сошла в совхозе «Октябрьский» и долго плутала в поисках общежития шоферов. Как выяснилось, они жили в артистических комнатах поселкового Дома культуры. Было семь часов вечера, совершенно темно, и я старалась не думать, как я буду отсюда выбираться. Поднялась на второй этаж и увидела, что несколько мужчин в фойе играли в домино.

Так огромно было мое желание найти Глухоманова, что, взглянув на этих незнакомых людей, я уверенно — толчком сердца, раздерганными нервами, яростной надеждой — выбрала седоватого спокойного мужика с сизо-стальными зубами, оглушительно трахнувшего костью по столу и торжественно объявишего:

— Рыба!..

Подошла и потрогала за плечо:

— Вы Глухоманов?

Он оторвался от «кошки», поднял на меня глаза:

— Да. А что?

— Я журналистка... Моя фамилия Полтева... Я вас разыскиваю целую неделю...

— Вот-то раз! — удивился он. — Сюда не поленились приехать?

— Нужда привела, — сказала я. — Я к вам по делу житейскому, а не газетному...

— Какие же это у меня житейские дела с молодой журналисткой? — засмеялся он. Его партнеры с интересом смотрели на нас.

Глухоманов сказал им:

— Ну, чего уши развесили? К вам, небось, журналистки не приезжают за тридевять земель... — улыбаясь, встал и предложил мне: — Идемте, чайком побалуемся и все житейские дела наши обсудим...

Он варил чай в стакане электрическим кипятильником — обжигающий, черно-красный. На стол бросил большой пакет мучнистой пасты.

— Каким-то чудом в селью попало, — кивнул он на пакет. — Угощайтесь... Так что случилось-то?

— Вы помните, недавно в вашей машине произошла драка? Вечером?

Взгляд его напрягся, он с силой вонзил стальные зубы в нежное бело-розовое тельце пасты, пожевал и ответил неопределенно:

— Да, припоминаю кой-чего... А зачем вам?

— А затем, что у пассажира вашего из-за этой драки вся жизнь пошла под откос...

— Это у которого? Их там много было... — прищурился Глухоманов.

— Вы помните, Юрий Никифорович, кто сел к вам в машину первым?

— Конечно, — уверенно сказал Глухоманов. — Парень такой моложавый, в морской фуражке.

— А что происходило потом, вы помните?

— Да что ж тут не помнить? Слава богу, глаза и уши не отняло... Попросил он притормозить около бабки с цветами, вышел, тут эта компания попрыгала в ма-

Вячеслав ФЕТИСОВ

Прибыли мы как-то в Ленинград на календарный матч. Я к тому времени уже в основном составе играл. Утром, после раскатки, подходит ко мне знакомый болельщик и многозначительно говорит:

— Классный защитник у нас появился! Любо-дорого посмотреть.

— Кто такой?

— Леша Касатонов. Сам убедишься!

Алексей КАСАТОНОВ

Вечером я его увидел. Гренадер. Здоровьем так и пышет. Что до хоккея, то нескладный, угловатый, все невпопад или не до конца выполняет. Не понравился мне, еще подумал: и чего в нем нашли? Расхваливают, рекламу создают. До чего же вредная штука, этот местный патриотизм!

Но что-то, наверное, тренеры все же увидели в нем, потому что ленинградца пригласили в молодежную сборную. Там мы и познакомились. Я ощущал себя бывальным хоккеистом; сейчас мне это смешно, а тогда дистанцию между нами оценивал как огромную — я был годом старше. В «молодежке» Касатонов по-прежнему особо не выделялся, горьковчанин Юра Вожаков смотрелся получше.

Пригласили Алексея в ЦСКА.

Кое-кто из признанных хоккеистов скептически воспринял его появление в наших рядах. Да и я по-прежнему ничего выдающегося в нем не находил. Помню, как Боря Александров, бывший тогда на гребне славы, ехидничал: «Ну и увальня привезли! Видно, долго искали». Сдружились мы как-то совершенно незаметно. Парень хороший, добродушный — как и многие такие богатыри. Настоящий товарищ. В нашем сближении сыграл роль и непростой Лешин быт: жил он, как и другие новобранцы ЦСКА, в пансионате у Песчаной площа-ди. Я дома под родительским крыльыш-

ШТРИХИ К ГРУППОВОМУ ПОРТРЕТУ

ком, на всем готовом, у него же забот полон рот, к тому же был он и неорганизованный, временами даже разгильдяй. У цэковцев есть такое негласное правило — помогать ребятам из других городов. Когда появился в команде Макаров, он обитал поначалу у обжившегося в столице Сергея Бабилова, земляка-челябинца. Ну вот и я стал помогать Касатонову, загружая свою мать дополнительными хлопотами: кормила нас, поила, обтиривала. Частенько он и ночевал у нас дома, а раненько поутру, на скорую руку перекусив, мы спеш-

шили на Ленинградский проспект к стадиону, у ворот которого алеют теперь четыре огромные буквы — ЦСКА.

То есть стал для меня Алексей другом, а не просто одноклубником.

Меж тем дела его спортивные складывались по-прежнему. Оптимизма он тренерам не внушил. Тихонов говорил, что «придется отправлять назад». Надежды на то, что Алексей останется в команде, были и впрямь невелики.

И тогда с ним начал работать Моисеев, да так, как только Юрий Иванович умеет работать с молодыми игроками.

Не все выдерживали нещадные нагрузки... Леша сдохнул, не сломался. Мягкий на вид, вроде без стержня, а устоял в трудные минуты. И побежал, покатил шустрой, ориентироваться стал лучше, словом, заиграл в хоккей.

Конечно, помог Володя Лутченко. С ним в паре Касатонов выходил на лед. И Гена Цыганков тоже уму-разуму учил. Здорово помогли ему, да и мне тоже бывальные защитники ЦСКА. В таком возрасте, когда на первый взгляд выбился в мастера, а на самом деле мастером еще не стал, все-таки необходимо иметь рядом крепкое плечо.

На словах и на деле мы показывали, что друг за друга стоим горой. Виктор Васильевич замечал нашу крепнущую дружбу. И тренер, по-видимому, решил на этом сыграть. Объединить нас и сделать пару защитников. До поры до времени давал погряз врозь, чтоб достаточно окрепли.

Тихонов выжидал, пока мы с Алексеем возмужаем. Наконец, объявил, что будем выступать вместе. Ну, ясное дело, мы обрадовались нескованно. Заиграли с вдохновением. Мы уж было посчитали — все, наш дузт на долгие времена. И тут вдруг мальчишество в нас заговорило: «Не побегут!», «Не буду этого делать!». Уступать, не рожая собственного достоинства, что Касатонов, что я не были готовы: в этот момент сознание наше явно отставало от целей и задач хоккея. И наступила расплата. Тихонов, почувствовав междуусобицу, развел нас по разным звеньям. Было это как раз незадолго до мирового чемпионата 1981 года. Обидно получалось, досадно, а винить было некого. Сами напортчили. Сами и явились потом с повинной: «Больше у нас выяснений отношений не будет. Обещаем твердо».

На чемпионате в Швеции играли уже вместе...

Претензий в свой адрес почти не слышали. Но чего-то не хватало нашей игре. Сейчас понимаю: слаженность ходов, сплитность понимания ситуаций, общая горячая заинтересованность в исходе каждого эпизода еще не достигли того уровня, который вскоре определит лицо всего звена.

Сами того не подозревая, мы, четверо молодых хоккеистов, уже почти нашли друг друга. В Швеции три пары защитников, естественно, отрабатывали по скользящему графику с четырьмя тройками нападения. Пока что наши появления вместе с Крутовым и Макаровым, возглавляемыми многоопытным Петровым, были эпизодическими.

Ларионов на нашем горизонте еще не появлялся.

Хоккеисты, как правило, хорошо осведомлены, что происходит в их спортивном цехе: где появился интересный молодой игрок, кто куда переходит, собирается, кто заканчивает со спортом. А Ларионова я и знать не знал.

Игорь ЛАРИОНОВ

Приехали как-то в Воскресенск. Смотрю: появился в «Химике» неплохой мальчик — худенький такой, чтоб не сказать грациозный, симпатичный, с мягкими чертами лица; вроде и техничный, и мобильный, и соображает быстро. Почему же я обратил на него внимание? Уж очень внешность нетипичная. Повстречай я его где-нибудь на улице или в компании — ни за что бы не догадался о его причастности к хоккею. За кого бы его принял? Музыкант, художник.

Суть даже не в том, что казался Игорь хрупким. Глядя на него, любому становилось ясно — перед ним интел-

лигентный человек. Такой интеллигентный, что уж к хоккею отношение... не должен иметь!

Не подумайте, что на ледовую коробку этикеты выходят. Отнюдь. Есть у нас свое деление игроков в зависимости от хоккейных манер, интересов и привычек, жизненных запросов. Пожалуй, сегодня могу сказать, что Ларионов является подлинным представителем интеллигентного хоккея. Он находится как бы на противоположном полюсе по отношению к тем, кто полагается на силу мышц и безоглядный таран, а все интересы замкнуты овалом ледовой коробки.

А вначале я оказался под гипнозом невразличности его хоккейной «фактуры». Пригласили Игоря в ЦСКА. Как потом выяснилось, далеко не сразу, тщательно взвешивая все «за» и «против», решился молодой парень переступить порог лучшего клуба страны.

Ездил из Воскресенска на тренировки. Ранехонько, без опозданий явится, все занятия в течение дня отработает, а вечером садится на электричку и два часа кемарит, «восстанавливается». Кстати, и в этом важном вопросе, на который взрослые, а тем более молодые игроки зачастую внимания серьезного не обращают, Игорь стоял особняком. Вот закончились тренировки, ребята быстро забегают в душ, переодеваются и разбегаются кто куда, используя каждую минуту свободного времени. А Игорь спокойно, ничуть не смущаясь, достает целлофановый пакетик, раскладывает морковь, зелень, яблоки, апельсины. Пожует чуть-чуть и на выход, а другие ухнули залпом стакан газировки и вперед: сил-то невпроворот. И хотя Игорь не жаловался на их недостаток, был бодр и неутомим в игре, относился к ней, а значит, и к себе, весьма серьезно, основательно, профессионально. И, разумеется, сохраняет такой подход и по сей день.

Кругом удивлялись, иногда не без ехидцы посмеивались по поводу чудачеств новобранца. А тот, не поддаваясь, однако, стадности, имея свою голову на плечах, пусть и не могучих, не сторонился ребят, а, напротив, легко и охотно находил общий язык с любым, располагая к себе и именитых старожилов команды, и сверстников, являвшихся в какой-то степени ему конкурентами. В игре, в час досуга, на скамьях — везде он оказывался на удивление кстати. Интеллектуал, к которому инстинктивно тянулись армейцы. Понимали, что этот парень действительно на своем месте. И вообще не понято, как же мы раньше не понимали цену ему: играет на радость партнерам, команде на пользу, в быту приятен, но не к чему придаться.

Но это я немного перескочил вперед по времени.

После чемпионата мира-81 Тихонов попросил Владимира Петрова остаться еще на годик, помочь молодых подтянуть. Не знаю, что было тому причиной, только Петров отказался и ушел из команды. И осталась она без единого по-настоящему сыгранного, спаянного, зарекомендовавшего себя звена. А скоро, очень скоро, уже в сентябре — Кубок Канады. Незавидная ситуация!

В команде, правда, появились два «край», таких два форварда, которых оставалось связать классным разыгрывающим. И можно было считать, что ударная тройка готова. Да где же взять этого разводящего? Где?

Было известно, что в молодежной сборной Ларионов играл вместе с Володей Крутовым, и связка эта смотрелась хорошо. Но тут буквально за считанные недели предстояло совершить скачок до уровня национальной команды. Был момент, когда заколебалась чаша весов, определявших судьбу воскресенца и, как теперь понятно, судьбу всего нашего звена. Почти уверен, что Игорек полетел за океан благодаря быстрому и какому-то ненавязчивому врастанию в новый коллектив. И Крутов с Макаровым, и мы с Касатоновым, да все, собственно, ребята были за него. На голосование этот вопрос не

ставился, но и пройти мимо единодушного расположения к новобранцу тоже нельзя было.

В Канаду мы отправились все вместе. Каждый втайне надеялся, что получится у нас игра. Но вслух говорили о чем угодно, только не об этом — самом главном.

Начался турнир. Играем против чехов, против шведов. Своим звеном играем. Пятеркой! Удивительно, но факт: звено заиграло сразу. Пятерка заиграла на «пятерку», заметно усложнив себе жизнь. Для всех, следящих за хоккеем, мы как бы определили там, в Канаде, точку отсчета, ту школу, по которой нас будут отныне оценивать. И стоило нам потом хотя бы чуть-чуть, хотя бы временно по объективным причинам снизить нашу мощь, как это единодушно относили к событиям, из ряда вон выходящим.

Лично я почувствовал, что держу журавля в руках — состою в звене. Что бы я ни предпринимал на площадке, ничто не оказывалось напрасным. Это — самое важное! Представьте, что в деле, которым занимаетесь, каждый ваш шаг, каждое усилие идет на пользу общему делу. Вы же наверняка будете гореть в работе, а не то сколько «отбывать номер», вы словно крылья отберете. Так именно и сложилось в нашем звене. Звено, которое отныне называлось кратко — ларионовское.

Наш разводящий доказал, что и в нынешнем сверхжестком и сверхбыстро хоккее есть нечто такое, что ценней могучих бицепсов и эффектных торсов, ценней ярости в столкновении и сумасшедшей скорости... Что? Ясная голова. Игорь все видит и все понимает. И к партнерам расположены по-доброму, стараясь помочь каждому именно тем, что и требуется в данный момент. И так себя держит, будто нарочно умалчивает о себе. Если Макаров может не отпасовать в какой-то ситуации из-за того, что хочет сам забыть; если Крутов может не передать шайбу, тебя не заметив, то Ларионов и увидит, и отдаст.

Приятно играть с ним! Он человек, который получает удовольствие от того, что помогает другим отличиться, выделиться, сорвать аплодисменты. Ведь как ни крути, а гол, взятие ворот — венец наших усилий, именно этого ждут зрители. И только истинные знатоки по достоинству оценивают игру Ларионова.

Я ему частенько твержу: «Игорек, бросай по воротам. Бросай. Ты должен много забивать!» А он кивает, чуть перестроится без ущерба для звена, начнет забивать, потом, глядишь, снова полностью окунулся в свои малозаметные хлопоты о нас четверых.

Приятно с ним играть. А когда его нет рядом, как-то и не по себе. Уверен, не только мне, но и Крутову с Макаровым, и Касатонову. Незаменимых нет, однако плохо представляю себе без Игоря Ларионова ЦСКА и нашу сборную.

...Итак, в сентябре 1981-го родилось наше звено. Родилось и сразу оказалось на виду. Не скрою, здорово, когда тебе и твоим партнерам по двадцать с небольшим и вас заряжают высокой целью: «В столь раннем возрасте не бывало в нашей сборной ударного звена, и, стало быть, вы должны, должны, должны!»...

Любой тренер мечтает создать ударное звено. Мечтал и Тихонов. И после немалых усилий, поисков и ошибок нашел, что хотел. И как бы кто ни относился к Виктору Васильевичу, данный факт нужно занести ему в актив. Это — вне сомнений.

***

Раньше у нас как бывало в команде? Получим увольнительную на полдня, на день, о большем и не мечтаем, но не разлетаемся кто куда. Само собой получалось, что оказывались снова вместе. Или в компании общих друзей, или друг у друга в гостях, или в театре, или еще где-нибудь. Всячески старались отвлечься, переключиться на обычные житейские проблемы. Шутили, смея-

лись или, напротив, обсуждали серьезные вопросы. О хоккее — ни пол слова. Запретная тема. Да и хватит, и так ссыты им по горло. А потом все равно мысленно возвращаемся на лед и выплескиваем наболевшее без утайки. И не понимая, с чего закрутилось, кто начал, злимся на самих себя, уже не в состоянии остановиться, пока не докопаемся до истины. А когда это произойдет, никто не знает...

А может ли быть иначе между людьми, увлеченными общим серьезным делом? Не делящими его на пять равных частей, а творящими его сообща. Нам это помогало. Создавало обстановку совместного горения, что ли. У каждого из нас «шарики» крутись по поводу того, как сделать нашу игру еще краше, еще острей и слаженней, непредсказуемей.

Шло время. Мы взрослели, обзаводились семьями. Добавлялось обязанностей и проблем. Свободного времени, которого и без того в обрез, стало еще меньше. И постепенно мы все реже обсуждали в наурочный час хоккейную тему. Я чувствовал: теряем что-то важное. Ведь не тогда получается откровенный разговор, когда вам настойчиво советуют: «Соберитесь, обсудите!»

Форвардов связывает, по-моему, только хоккей. Бывает, и тренер не то просит, не то посоветует им: «Ну хоть бы разок собрались, поговорили между собой, обсудили, что да как!» А они невозмутимо возражают: «А зачем? Мы ведь и так понимаем, над чем работать». Быков с Хомутовым вечно ходят, шушукаются на предмет взаимодействия в игре, а Макаров, Ларионов и Крутов ни в какую. Они и живут в разных комнатах на загородной базе, в гостиницах, и друзья у них разные, разные взгляды на жизнь — ровным счетом ничего общего.

В 1985-м мы в Праге получили бронзовые медали. Дома закинули награды подальше, чтобы на глаза не попадались. Собрание тогда было жестким, жестче любого матча: сгоряча, на нервном запале, выкладывали взаимные претензии. Выступил каждый. На пользу это, когда вот так — глаза в глаза. Были претензии по игре и ко мне. Но и не мог я сыграть лучше, если только с декабря восстановился после перелома ноги. Сколько было сил, все и выкладывал. По самоотдаче мне никто худого слова не сказал.

Еще более резкая беседа произошла у меня после собрания. С кем? Ни за что не догадаешься. С Касатоновым. какие-то мелкие, не сразу заметные трещинки подточили нашу годами выверенную дружбу, казавшуюся прочной, как крепость. В чем же мы переменились? Право, не знаю... Вроде и пуд соли успели съесть, а возникла отчужденность. Так, без явного на то повода. А внешне все оставалось по-прежнему, чинно и благородно — никаких конфликтов, ссор и мало-мальских перебранок. Что же тогда мешало? Стал Леша уж больно сдержаным в словах, будто на весы их клал и решал потом, делиться наболевшим или нет. Да и я в том духе все больше расхожие выражения в оборот пускал, а сокровенное, что по-настоящему волновало, держал при себе, словно под замком. Вот и жили мы бок о бок, а эмоции свои некуда было выплеснуть. Вместо того, чтобы душу отвести, внутренне еще больше напрягались... Мы уже не были с Лешей теми двадцатилетними парнями, которые вне хоккея и учебы в Институте физкультуры были вольными птицами. Семейные обязанности, нерядицы не сделали жизнь проще, но это вовсе не оправдывало возникшей отчужденности. Мы одновременно пришли к этому выводу.

Вот пробежала черная кошка между мной и Касатоновым, и положа руку на сердце сказалось это не лучшим образом там, в Праге... А в чем именно повлияло это на игру, не скажу. Не знаю. Однако монолитность нашего дуэта снизилась. Я это ощущал в игровых мелочах.

Друзья познаются в беде. А характе-

ры проявляются в спорах. Прямой и открытый Володя Крутов — сторонник того, чтобы вообще не ссориться, не ругаться. К примирению идти по хорошему, мирно, без острых слов, а лучше всего — молча, чтобы само как-нибудь наладилось.

Я считаю, что молча ничего путного не добиться. Как это не спорить?! Значит, ты попросту не болеешь за игру. Ругаемся. Крупно, случается, ругаемся. Обычно мы, защитники, с нападающими, они — с нами; а между собой они ладят идеально, и намека на расхождение нет.

Вернувшись к Володе Крутову. Не любитель он словесных стычек. Но уж коли угодил в нее, будет рубить правду-матку. И снова, сами видите, неоднозначность. Тут уж не игровая — человеческая.

Или, допустим, сошлись мы в обсуждении с Макаровым. Это значит, что есть серьезный повод. По пустякам мы с ним не «запаляемся».

А Леша, тот будет стоять на своем до упора, до последнего. Даже если явно не прав. Переубедить его в чем-либо — затея, почти безнадежная. А со стороны он — само спокойствие и добродушие, покорность.

Легче всего с Ларионовыми. И тут он, как и на льду, контактен, стремится понять партнера и помочь ему. Но и не скажешь, что своего мнения не имеет. И настоять может на нем, только слова подберет и скажет их таким тоном, что сразу притупит остроту ситуации. Интеллигент.

Однажды наш старший тренер так сказал:

«Все вы завязаны в звене, играете за счет партнеров, благодаря сумме мастерства пятерых, а каждый в отдельности неизвестно что собой представляет».

Не возьмусь судить, прав ли наш тренер или суща краски из педагогических соображений. Рискну лишь обрисовать картину, какой я представляю ее.

Представим, что не пересеклись наши пять судей. Как бы тогда сложилось у каждого? Только прошу держать в уме субъективность моих соображений.

Макаров и в Челябинске стал бы тем же Макаровым, каким является ныне. Порукой тому — Сережино самолюбие. Болезненное или какое-то иное, оно непременно будоражило бы его, заставляя снова и снова утверждать свое «я».

С Крутовым тоже серьезных сомнений я не испытываю. Что в клубе, что в сборной оставался бы забойщиком, надежнейшим партнером.

...Касатонов... С налету не ответишь. Хоккейный Ленинград туманом окутан: игроки тут хорошие появляются, да не встают в полный рост. Что-то мешает. А что конкретно — не ведаю. Много ребят с отменными задатками погибли здесь для большого хоккея. Это факт, точней — факты. Может, земляки оказываются излишне внимание молодым спортсменам, которые незаменимыми себя чувствуют. Впрочем, не мне об этом судить... Леша Касатонов должен быть признателен, что его позвали в ЦСКА и помогли тут раскрыться.

Ларионов... Загадка еще сложней. По складу своему Игорь не максималист. Пришел в армейский коллектив, где его сразу озадачили высокими целями... Думаю, благодаря таланту приносил бы немалую пользу «Химику». Смог бы в полной мере раскрыться? Затрудняюсь ответить.

Прав наш тренер или нет? Смысл в этом соображении безусловно есть. Иначе не считались бы мы, будучи вместе, ударным звеном сборной на протяжении уже семи сезонов. Силу звена не рассчитать путем элементарной арифметики: к мастерству Крутова прибавить дар Ларионова, затем — блеск Макарова да не забыть про нас с Лешей.

Настоящее звено — это произведение. Произведение хоккейного искусства, в создании которого участвовало множество людей.

Записал Леонид РЕЙЗЕР
Фото Юрия СОКОЛОВА

шину... Ко мне вперед на сиденье уселся такой веселый мордоворот и командует: «Гони, дед, на праздник опоздаем». Я ему говорю: «Успокойся, машина занята». А он мне спокойно: «Да ничего, не возникай, мастер. Двойной счетчик оплачу»... А тут уже и моряк возвратился — аллё, говорит, простите, занята моя машина, я на минуту вышел. Они его посылают — давай, мол, гуляй дальше... Ну, начал он с ними выяснять отношения, все еще вежливо пока, наклонился в открытую дверь и втолковывает. А этот, жлобец впереди, раз — и в лицо ему харкнул. Ну, тот ему, конечно, дал оборотку по всем правилам. А те двое, что сзади с бабой вместе сидели, они тоже выскочили, один из них ему по башке — бац бутылкой! По правде сказать, морячок этот оказался боевой парень. Он его через себя вертнулся так, что витрина посыпалась... Шум, крики, визг. Ну, я думаю, мне конец. У меня и так смена кончается, я опаздываю, а сейчас в милицию загребут всех, начнется там — кто, да что, да почему, это до ночи зависну... А нас ведь за это рублем стегают... за опоздание, значит... Думаю, этот парень себя в обиду не даст, и уехал...

— Юрий Никифорович, от ваших показаний жизнь его зависит. В тюрьму его посадили, — сказала я.

— Вот это дают! — ахнул Глухоманов. — А что же мне делать надо?

— Напишите все, что вы сказали, на бумаге.

Он покряхтел:

— Ох, не люблю я с ними связываться...

— Да что значит связываться? Вы же правду говорите. Я ведь не прошу ничего, кроме правды...

Глухоманов досадливо покрутил головой:

— Писать не люблю — смерть! Кабы ты могла за меня написать...

Я развела руками:

— К сожалению, я этого не могу сделать... Это ведь документ...

Еще долго искали бумагу, ручку, и он, усевшись за стол, прилежно и подробно писал свое заявление, в деталях описывал, как и что происходило, потом затейливо расписался, отдал мне лист, спросил:

— А как же вы в город-то поедете?

— Автобуса буду дожидаться, потом на электричке.

— О, автобус не скоро будет, — сказал он. — Ладно, заведу свой самосвал — доброшу до электрички...

Я ехала в кабине грузовика, пропахшей маслом, бензином, головой упиралась в теплое мощное плечо Глухоманова, дремала и слышала все время его бубнящий, словно пристыженный голос:

— Кабы знать, что так все обернется, то, конечно, остался бы я на месте. Я ведь видел, что он ни при чем, нечего ему бояться. Я потому и укатил... Я уж потом обнаружил, когда в парк приехал, что за моим сиденьем коробка с фруктами лежит. Но я ее диспетчеру сдал сразу...

Он проводил меня до платформы, и когда пришел поезд и с шипением раздвинулись двери, я обхватила его за шею и крепко расцеповала в обе щеки.

Он застенчиво отстранился и сказал:

— Да ладно, чего уж там... Неловко мне, конечно... Нехорошо... Кабы знал...

— Мы с тобой поедем сейчас к Кравченко, — сказал Старик сиплым тихим голосом.

— А почему ты думаешь, что он нас примет? Дальше входа нас милиционер не пустит...

— Я звонил ему... Я не знал, что ты найдешь таксиста и бабку, я хотел, чтобы этим занимались его люди, — бесцветным голосом говорил Старик.

— Ты ему сказал, зачем мы идем к нему?

— Нет, — покачал он головой. — По телефону легче отказать. Я хочу смотреть ему в глаза...

Старик пошел в комнату, достал из шкафа сорочку, черный оттуженный костюм, перевелся и стал вывязывать перед зеркалом галстук-бабочку. Припухшие старые пальцы тряслись, узел не получался.

— Если ты так любишь бабочки, — сказала я, — то почему бы тебе не купить готовый? Знаешь, на резиночку застегивается? Называется «регат»...

Дед гордо отрезал:

— Нет! Это недопустимо. Тот, кто хочет носить бабочку, должен уметь ее вывязывать. Вся беда в том, что нас, умеющих галстук-бабочку вязать, почти не осталось...

Наконец он связал свою пышную бабочку, я помогла надеть ему пальто, твердую фетровую шляпу, и мы вышли из дома. Я молила бога, чтобы только не сломался лифт. И гремящая коробка не подвела — приехала. И такси сразу подошло. А больше всего времени у нас ушло на подъем от милиционера в вестибюле до второго этажа. Ноги у Старика еле-еле ходили.

Вошли в приемную, и он величественно сказал секретаршу:

— Доложите товарищу Кравченко, что к нему пришел Герасим Николаевич Полтев.

— У него назначено совещание, — холодно отрезала секретарша.

— А вы доложите, он сам решит...

Секретарша неохотно исчезла за огромной дубовой дверью и через мгновение выпорхнула обратно с таким лицом, будто ждала нас неделю.

— Проходите, пожалуйста, Борис Николаевич вас ждет...

Мы вошли в необозримый кабинет, и я увидела, что навстречу нам торопится, через всю комнату шагает, сильно прихрамывая, немолодой сутуло-высокий человек в мундире с петлицами прокурорского генерала. Он обнял Старика, крепко прижал к себе и так стоял несколько мгновений, бормоча чуть смущенно:

— Как я рад, как я рад вас видеть, дорогой Герасим Николаич...

Потом повернулся ко мне, протянул руку:

— Кравченко...

Дед осторожно проводил к столу, усадил нас, и сразу же секретарша принесла чай в мельхиоровых подстаканниках, печенье, лимон.

— Какими судьбами? Какая-нибудь беда случилась? — сказал уверенно Кравченко.

— А почему, Борис, знаешь, что беда? — спросил, прищурясь, Старик.

— А потому, что ко мне никто сюда не приходит с делами веселыми. У меня все дела бедовые, — усмехнулся он.

Старик помолчал немного и сказал:

— Беда, действительно, большая. Невинного человека жулики в тюрьму усадили...

Я заметила, как напряглось лицо прокурора. У них, по-видимому, профессионально недоверчивая реакция на любые ходатайства о милосердии, они попросту отучены верить в бескорыстие ходатаем по чужим делам.

— А если поконcretнее? — попросил он.

— Поконcretнее пусть лучше Ира тебе дложит... Сбивчиво, торопясь и волнуясь, я начала рассказывать историю драки Ларионова со Шкурдюком. Лицо у Кравченко было непроницаемое, он ничем не выдавал своего отношения к рассказу. То ли потому, что он не перебивал меня и внимательно слушал, то ли потому, что сама я постепенно собиралась, как спортсмен в бою, но говорила я все спокойнее, увереннее и, как мне казалось, все более убедительно.

Прокурор дослушал и спросил:

— А почему вы думаете, что Бурмистров вел следствие тенденциозно?

— Ему не составляет никакого труда убедиться в том, что Шкурдюк, Чагин и Поручиков все врут. Таксист Глухоманов подтверждает, что Ларионов занял такси и опровергает тем самым их показания, будто Ларионов пристал к ним первым. А таксист действительно человек объективный...

Я достала из сумки и положила перед Кравченко заявление Глухоманова.

— Он очевидец того, как Шкурдюк плюнул в лицо Ларионову и, таким образом, спровоцировал драку. Надежда Еловатская, продающая цветы, говорит, что после плевка Ларионов схватил за грудки Шкурдюка, еще не успев его ударить, а Чагин нанес ему сзади удар по голове бутылкой. А когда Ларионов пошел на Чагина, тот выставил отколотую бутылку с явным намерением или угрозой его изуродовать. Они скрывают до сих пор, что на месте происшествия была Рита Терешкина, которая вообще, так сказать, придает особый смысл всему собранию. Поручиков...

— Так-так-так, интересно, — перебил Кравченко. — Следствие не предприняло мер к розыску Терешкиной?

— Нет, я нашла ее сама, — сказала я. — Собственно, Бурмистров и арестовал Ларионова после того, как я установила личность Глухоманова и мы стали требовать розыска Терешкиной...

— Так, с этим пока ясно. Какие у вас еще есть соображения? — спросил Кравченко.

— Достаточно изъять журнал регистрации рабочего времени в АПУ, и будет ясно, что в тот момент, когда они были в ресторане, Поручиков записан присутствующим на исполнение. И это врут, они всё врут! Да таких противоречий полно.

— Для характера драки, в общем-то, и не важно, были они в ресторане, в такси или на исполнении, — заметил Кравченко.

Я запальчиво перебила:

— Нет, мне кажется это важным — я говорю о том, что они в принципе не вызывают доверия, поскольку все, что они говорят, они врут! Но следователю Бурмистрову выгоднее не замечать этого, лучше быть ему бюрократом, чем откровенным мерзавцем...

Прокурор сдержанно усмехнулся:

— Ну, что поделать, бюрократов у нас так много, что иногда удобнее действительно выглядеть нерадивым работником.

Старик, сидевший молча, сказал:

— В первом правовом уставе России — в Регламентах Петра I — сказано, что если канцелярский служитель не справляется должностью добросовестно, он должен быть повешен за ребро на крюк...

Прокурор засмеялся:

— О-о, боксы, что если бы у нас восстановили столь радикальные меры, крюков металлических не хватило...

Потом резко оборвал смех:

— Когда это произошло?

— Двадцать второго сентября.

— Н-да. А чего же вы раньше-то не обратились? — спросил он Старика.

Дед усмехнулся:

— Борис, ты стал большой начальник, а я знаю точно, что к начальству нельзя обращаться дважды.

— Вы, Герасим Николаевич, дипломат, — покачал головой Кравченко. — Ну, что я вам могу обещать? Сегодня же истребую дело и поставлю на контроль. Все сообщенные вами сведения будут тщательно проверены. Я полагаю, что можно будет, если все подтвердится, изменить Ларионову меру пресечения на подписку о невыезде и постепенно все это дело спустить на тормозах.

Мы удивленно взорвались на него.

— Мы же ведь не жулика из тюрьмы вызволяем, — сказала я. — Почему же на тормозах? Он бился за свое достоинство. А я хотела справедливости.

Прокурор тяжело вздохнул:

— Вы уверены, что я, поверив вам, могу одним росчерком пера наказать порок и восславить добро. В жизни это все гораздо тяжелее. Я думаю, мне тут Бурмистров расскажет, кто на него выходил. Но надеюсь, впрочем, что справедливость нам восстановить удастся. Только не надо торопить ее, эту справедливость, вы уж мне поверьте. Нелегко мне с Барабановым возиться. Я на одной ноге стою, деревянной, а он всеми четырьмя упирается. Ничего, эти вопросы будем решать не спеша. Я верю — все будет хорошо...

На улице я спросила у Старика:

— Ну, что думаешь?

Он бессильно развел руками:

— Нет темноты более совершенной, чем темнота предрасветная...

В полдень я вошла в редакцию. На бегу достала из сумки удостоверение, протянула Церберуне, и настроение было у меня в этот момент такое боевое, что даже окаменелая жестокость на ее лице не казалась мне привычно отвратительной. Сегодня, по слухам, наступления ходолов, она несла вахту в синей форменной шинели. Как всегда, Церберуня внимательно, не спеша прочитала удостоверение, закрыла его и положила в ящичек своего столика с телефоном.

— В чем дело? — спросила я ошарашенно.

— Есть указание изъять у вас пропуск. Вы отстранены от работы. Поступил приказ из секретариата... От нее исходил непереносимо острый запах нафталина, которым она пересыпала свою шинель.

— Но мне нужно в редакцию! На работу! Меня никто неувольнял, — как-то неуверенно-жалобно заговорила я.

— Позвоните по телефону из бюро пропусков в редакцию, и секретарь вам закажет разовый пропуск... — и вид у нее был такой, будто она пролежала в нафталине много месяцев вместе со своей толстой шинелью.

На ее сером лице было мрачное счастье, она испытывала извращенческое удовлетворение мстителя. Она жила этим сладким мигом унижения другого человека. Бережно сохраняя в нафталине от потраты временем бессмысленное зло.

Я повернулась и, не говоря ни слова, вышла на улицу. Не будь я звонить в секретариат. Не буду я заказывать себе по телефону пропуск...

Я шла по городу — без цели и направления. Наверное, надо привыкать к мысли о том, что моя жизнь превращается в более или менее благополучное странствие из несчастья в неприятность.

Как-то незаметно прошло счастливое ослепление молодости, которое было полно уверенности, что жизнь нас несет, безусловно, к светлому, прекрасному и радостному, а вовсе не к подступающей старости, болезням и утратам.

Пролился быстрый дождь, и одновременно через сивую редкую облаков прорвалось оловянное бельмо осеннего солнца. На стынившей свинцовой воде медленно разворачивался речной трамвай.

Надо идти домой, разговаривать с детьми, объяснять им, куда делся Ларионов. Витечку я уже отправила в командировку. Куда мне послать Ларионова? Или объяснить им, что его несправедливо посадили в тюрьму? Господи, как же мне справиться со всем этим? Как объяснить им, что меня уволили? За что?

Нет, не могу, не сегодня. Нет сил. Я мадам Гулливер, каждый волосок которой привязан на колышки неисполнимых обязательств.

Причудливые позы, гримасы и кошмары.

Все равно — я ни о чем не жалею! Спасибо Старику. Как он сказал мне утром? Кто милосерд к злодеям, тот становится злодеем для милосердных...

Надо идти домой — готовить ужин, прибрать квартиру, постирать. А завтра начну все сначала. Я стану профессиональным борцом за справедливость. Правда, профессии такой не существует. А людей, занятых этим ремеслом, называют закоренелыми кляузниками. Но если справедливости нельзя добиться добром, попробую добиться чем угодно.

Свернула во двор своего дома и увидела, что на лавочке около подъезда сидит Ларионов. Стриженый, с черным лицом. И смеется, шизик.

А я плачу. Старая дура.

— Тебя отпустили совсем?

— Подпиську отобрали... Чтобы не сбежал... От тебя...

— Нужен ты мне очень, арестант несчастный...

— Раз из тюрьмы вырвала, значит, нужен...

— Наверное... Ты не забудь, позвони сегодня Аде, скажи, что живой, привет передал...

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Учимся делать
моду.
Фоторепортаж.

Какими должны
быть цены?
Мнение ученого

Любовь...
Интимный разговор.

«Воскрешение»
чемпиона.
Фotoочек о Дмитрии
Билозерчеве.

Новая
фантастическая
повесть
В. Люцкановой
«Клонинги».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

5. Гронинген. 8. Звукооператор.
11. Панегирик. 13. Сапонин. 16. Миларит.
18. Капуста. 20. Ачарпан.
21. Ярославна. 24. Щитовка. 26. Еркат.
27. Шимми. 28. Агент. 29. Форст.
31. Радон. 32. Нигер. 34. Толокно. 35.
Речитатив. 36. Вилорог. 37. Водяной.
38. Тапочки. 42. Болотов. 43. Антимонит.
45. Удостоверение. 46. Чужеземка.

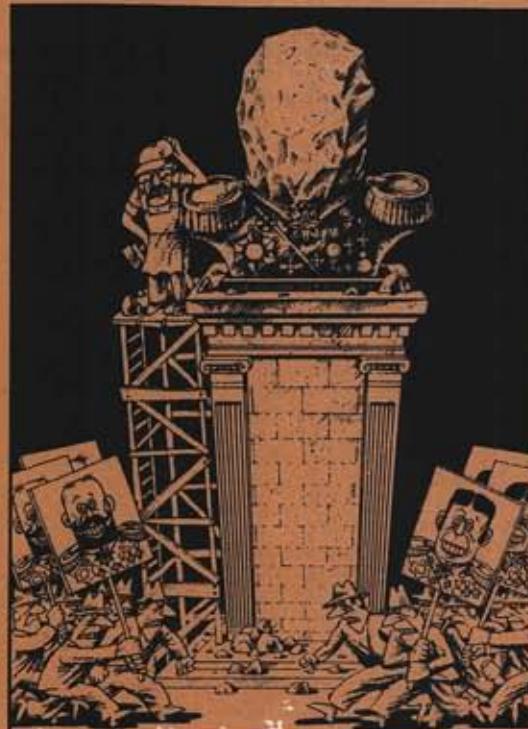
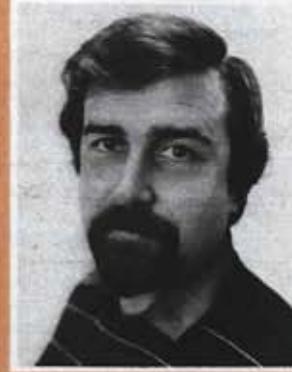
По вертикали:

1. Фракция. 2. Антоним. 3. Юнкер.
4. Делавар. 6. Эвтектика. 7. Солотча.
9. Навуходоносор. 10. Гидроизоляция.
12. Киоск. 13. Санаторий.
14. ...пианист. 15. Ламинария.
17. Бадминтон. 19. Хренников. 22. Орбит.
23. ...лафет. 25. Агрегат. 30. Топология.
33. Галка. 35. Ротонда. 39. Подступ.
40. Интерес. 41. Цигейка. 44. Жокей.

ВЕРНИСАЖ '88

ВЛАДИМИР УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ

Злые языки утверждают, что на наш вернисаж может попасть только человек с бородой. Тщательно выбритым, мол, как ни рисуй, все одно не прорваться. Все верно, отвечаем мы, Владимир Уборевич-Боровский двадцать лет с центральными изданиями сотрудничает, вот она за это время и отросла. Выставки опять же разные устраивал. Да и где вы, скажите на милость, видели архитектора без бороды?

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО
ПАРАД МИНИАТЮР
Ан. Кузнецов
1959 г.
Диаграмма 1
Мат в 3 хода

1. Се8! — цугцванг! 1... Крg3 2. Сс6!
Крf3 3. Лd3x, 1... Крe3 2. Ch4! Крf3
3. Лh3x, 1...e3 2. Сс6+, 1...g3
2. Ch4+. Тонкие маневры белого слона
имеют целью засаду за одной из черных пешек с последующим их связыванием на матующем ходу. Хорошая миниатюра стратегического направления с двумя равнозначными вариантами.

Четвертый тур

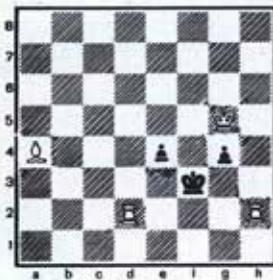

Диаграмма 2

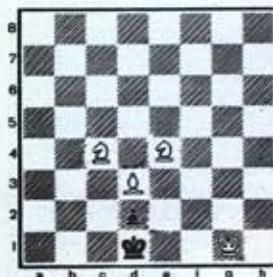
Белые: Крg4, Фc3, Сf1, Ke2 (4)
Черные: Крd1, Сe3, п. e4 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Диаграмма 3

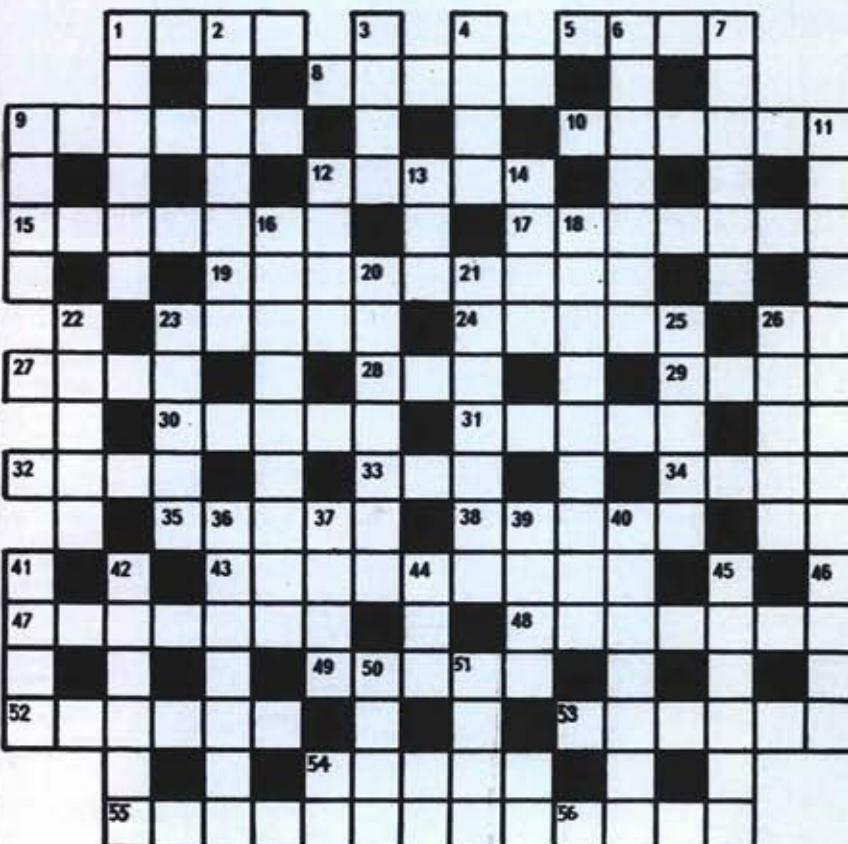
Белые: Крg4, Cd3, Kc4, Ke4 (4)
Черные: Крd1, п. d2 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 4-й тур». Последний срок посылки ответов (по почтовому штемпелю) — 15 апреля.

КРОССВОРД

Составил М. Глазков Москва

По горизонтали:

- «Творчество» — роман об импресионистах (автор).
- Венгерский поэт первой трети XX века.
- Актер, первым сыгравший роль В. И. Ленина в пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем».
- Французский ученый, академик, первый предложивший принять за эталон длины длину одной из спектральных линий. Его предложение было принято лишь спустя многие десятилетия, в 1958 году.
- Плодовое дерево, эмблема провинции, в которой родился Ф. Гарсия Лорка.
- Брат Офелии в «Гамлете» Шекспира.
- Рыба, крупнейшее в мире стадо которой — урало-каспийское.
- Выступающая часть здания.
- Физическое явление, известное в Китае со второго века н. э.
- Спортивные соревнования, которые не пропустит настоящий ковбой.
- Персонаж в опере П. Чайковского «Мазепа».
- Инструмент, которым, по старой поговорке, бреется солдат.
- В Казахстане — биртуган, в Туркмении — инер (верблуд).
- Способность человека к эстетическим оценкам.
- «Свидетель» сердечной деятельности.
- Русская плясовая мелодия.
- Картина К. Первушина, которую П. Третьяков купил для своей галереи еще до официального открытия передвижной выставки в феврале 1887 года.
- Кормовая и газонная трава.
- Шерстяная ткань.
- Музыкальное произведение как нормативный образец для той или иной эпохи.
- Денежная единица Сербии с 1875 года и Югославии с 1920 года.
- Древнегреческий врач, назвавший ртуть «жидким серебром».
- Полуостров на западном побережье Шотландии.
- Лесная ягода, которая становится малосъедобной, если по ней пробежал зеленый щитник.
- Русская писательница, сестра знаменитой поэтессы Мирры Лохвицкой.
- Каждый юрист во Франции XIII века, внедривший в практику римское право в противовес церковному.
- Размолвка, спора.
- Поэт, друг Г. Державина, составивший программу знаменитого портрета Екатерины II, написанного Д. Левицким.
- Судно, на котором А. Мицкевич в начале января 1827 года приплыл из Одессы в Севастополь.
- Птица, на которую походили старинные русские ковши.

По вертикали:

- Потеха, развлечение.
- Поэма А. Вознесенского.
- Насекомое, которое, начав парой размножаться в апреле, к августу, если бы никто из его потомков не погиб, покрыло бы Землю слоем примерно полтора метра.
- Условные знаки в секретном письме.
- Узбекский поэт XIV века.
- Старое русское название кустарника с лиловыми цветами.
- Одно из самых древних женских украшений.
- Название вора в средневековой Руси по «Истории государства Российского» Н. Карамзина.
- Город в ГДР.
- Серебряная монета, которую начали чеканить в Швеции в 1522 году.
- Родной город К. Маркса.
- Металл, используемый в ядерной технике.
- Выделение энергии Солнцем.
- Нелепость.
- Смерч по-американски.
- Хвойное дерево, часто встречающееся на картинах Поля Синяка.
- Вертикально торчащая
- Льдина на ровном ледяном поле.
- Каменный параллелепипед для кладки стен.
- Сорокопут, насаживающий добчу на длинные колючки кустарников, а потом уж отрывающий от нее по кусочку.
- Отравляющее вещество.
- Нидерландский астроном, доказавший вращение Галактики.
- Певец-импровизатор в Киргизии.
- Р. М. Рилье по отношению к письмам Марины Цветаевой.
- «Индикатор» поражения в современном фехтования.
- Одно из «трех царств» в стихотворении Н. Некрасова «Тишина».
- Вид договора во внешнеторговой купле-продаже.
- Тетеревина птица; настолько скрытая, что гнездо ее зоологи наблюдали лишь однажды — около 50 лет назад на Сахалине.
- Требующий много забот и хлопот человек, которого распирает от важности.
- Жених Джоймовички в сказке Х. К. Андерсена.
- Газ с запахом одновременно озона и хлора.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1458)

февраль 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда»
«Смена» 1988 г.

Сдано в набор 04.01.88.
Подписано к печати 15.01.88.
А 03805. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 1844.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типолиграфия имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

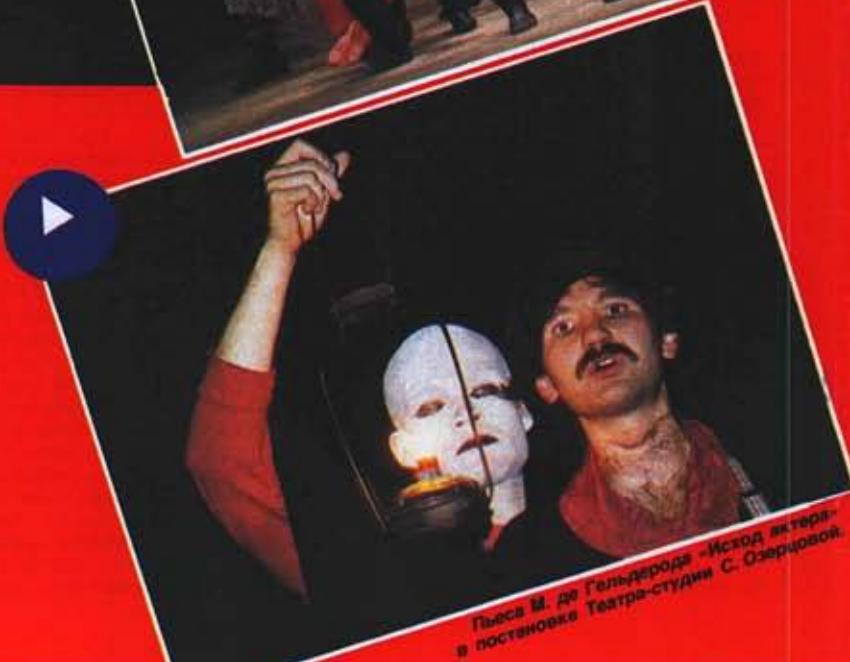
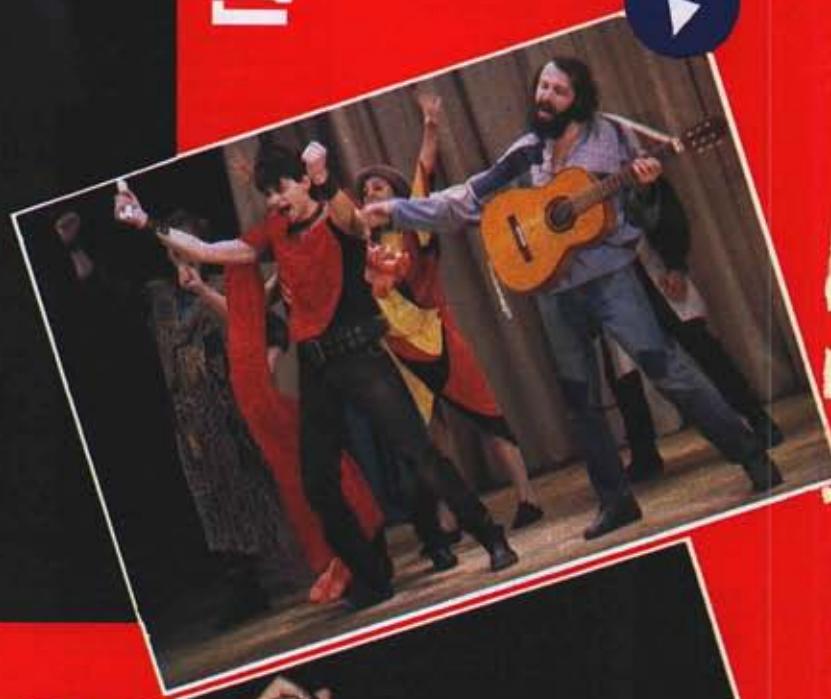
ГДЕ ВЫ, ВЕЛИКИЕ ДИЛЕТАНТЫ?

Сценарий — М. Булгакова
инсценировка С. Курского
в исполнении театра-студии
«Группа граждан».

движений — оно есть только там и тогда, где и когда люди преследуют общие цели, формулируют определенные задачи, жаждут объединения и общения друг с другом. В нашем положении можно говорить об отдельных интересных спектаклях и о нескольких людях, точно знающих, чего они хотят для себя. Только самые известные наши студии могут похвастать репертуаром. У большинства в афише не ссылаются и двух постановок. О каком хозрасчете, самоокупаемости, конкурентоспособности может идти речь, если тот же О. Киселев вот уже год не может радовать страждущих поклонников новым спектаклем и безостановочно эксплуатирует «Каникулы Пизанской башни», которая вот-вот рухнет из-за отсутствия каникул.

«Пионер обязательно должен вызывать протесты, так как он отказывается от долга, презирает идеалы, оскверняет то, что было свято, благословляет то, что было постыдным. Пионер открывает доступ воздуху и свету, чтобы ускорить гниение того, что уже разлагается». Цитата принадлежит одному из самых блестательных умов эпохи — Бернарду Шоу. Его пьесы «Дома зловещего» или «Профессия миссис Уоррен» не могли быть поставлены на сцене официальных английских театров, а потому игрались клубами. Дорога к сцене пьес Эмиля Золя тоже пролегала через частную антrepризу. А уж когда Андре Антуан отвернулся спиной к зрительному залу — большого потрясения публика, надо полагать, никогда не испытывала.

Многоуважаемые студии, считаете ли вы себя пионерами, и где же она, спина Антуана?

ждан» размножилась почкованием на две, играющие к тому же один и тот же спектакль. Пока оргкомитет ломал себе голову над этой проблемой, на него обрушилась следующая тревожная новость: «Группа граждан» не стало. То есть они были, но только в одной хранились всякие бумажки, разрешающие показывать спектакль, а в другой — инсценировщик повести, который возражал против исполнения другим коллективом его произведения. Одна «Группа» (язык не поворачивается назвать их гражданами) срывала спектакли другой, кричала, что ее ограбили, украли ее детище, другая реагировала немножко тоньше и умнее. Запутавшись окончательно, жюри избрало неудобоваримый, но все же выход: уговорить граждан воссоединиться в группу хотя бы на один, уже заявленный в афишу спектакль. Этот

вариант был с шипением и благородным нагодованием принят.

Вот что происходит, когда механически осуществляется пересадка закулисных склок плохонького провинциального театра в студийный организмы.

ТАК ГДЕ ЖЕ СПИНА АНТУАНА? К современному моменту студии пришли дорогой, проложенной профессиональным театром, во всеоружии приемов, заимствованных у профессионалов, с отнюдь не оригинальной драматургией и зрителем — ровесником века. Когда-то выражавшие передовую общественную мысль, студенческие театры можно теперь даже не принимать в расчет: в основном это агитбригады. По части студийной атмосферы — многим театрам я бы не советовала заниматься ее у любителей. Поостереглась бы я говорить и о студийном

Пьеса М. де Гельфорда «Исход актера»
в постановке Театра-студии С. Озеровой.